

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ РАН

А.В. Загребельный

**Лексика
общественно-политической сферы
русского языка начала XX века
в семасиологическом
и функциональном аспектах**

Вологда
2013

УДК 811.161.1'373

ББК 81.2Рус-3

З-14

Загребельный, А.В. Лексика общественно-политической сферы русского языка начала XX века в семасиологическом и функциональном аспектах: монография [Текст] / А.В. Загребельный. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 248 с.

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка,
журналистики и теории коммуникации
Вологодского государственного педагогического университета
Г.В. Судаков;

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка,
журналистики и теории коммуникации
Вологодского государственного педагогического университета
Л.Г. Яцкевич

В монографии рассмотрены особенности семантики и функционирования наименований общественно-политической сферы русского языка периода 1900 – 1917 гг. Исследование обширного языкового материала позволило вскрыть основные механизмы экстралингвистической детерминации лексической системы языка дореволюционного периода. Выявлены и проанализированы разнообразные подсистемные взаимодействия, приведены основные характеристики подсистем общественно-политической лексики и общественно-политической терминологии.

Книга адресована лингвистам, культурологам, филологам. Может быть рекомендована преподавателям и аспирантам гуманитарных вузов.

ISBN 978-5-93299-242-5

© ИСЭРТ РАН, 2013
© Загребельный А.В., 2013

К ЧИТАТЕЛЯМ

В соответствии с Постановлением Президиума РАН от 31.03.2009 № 96 одним из направлений научно-исследовательской деятельности Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук является изучение территориальных особенностей уровня и образа жизни, стратегий поведения и мировоззрения различных групп российского общества. Проведение подобных исследований может быть существенно обогащено обращением к данным смежных наук.

Представленная вниманию читателей монография посвящена изучению общественно-политической лексики в рамках социолингвистических и историко-культурных процессов становления и развития русского литературного языка начала XX века.

Затронутые автором вопросы функционирования лексических единиц русского языка дореволюционного периода важны не только в плане понимания собственно лингвистических процессов эпохи, но и в плане исследования процессов общественного, социально-экономического, политического развития общества.

В самом общем понимании язык – это социально значимый код, функционально реализующийся в речи. Именно благодаря языку возможна коммуникация между людьми и, как следствие, их совместная деятельность в широком смысле слова. Наличие языка является обязательным условием эволюции человека и общества. В своём развитии социум обуславливает динамику языковой системы, в то же время развитие систем и подсистем языка приводит к изменениям в различных сферах социального, экономического, политического устройства общества.

Надеемся, что данная книга будет полезна не только учёным-филологам, но и специалистам, занимающимся исследованиями в области общественных наук.

*Заместитель директора ИСЭРТ РАН
доктор экономических наук
К.А. Гулин*

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, «именно политическая лексика наиболее подвержена семантическим изменениям» вследствие «интенсивных политических и социальных изменений в России» [Воробьева 2000: 10]. К таким «изменениям», несомненно, относится и период напряжённой общественно-политической борьбы (начиная с 1900 года), предшествовавшей Октябрьской революции 1917 года. К тому же «каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой «перестройке», создаёт свой лексико-фразеологический тезаурус...» [Будаев, Чудинов]. В начале XX века в России существовало и активно функционировало свыше 150 политических партий, организаций, течений и направлений [ППР: 5]. Язык политической сферы – это, прежде всего, язык пропаганды определённых политических идей и воззрений. Это язык, наиболее обусловленный экстралингвистическими факторами. Недовольство широких масс населения начала XX века существовавшими тогда порядками, политическая и социальная неустроенность и разобщённость, неспособность власти к наведению порядка привели к состоянию языка, которое А.М. Селищев называл «энергичной языковой деятельностью» [Селищев 1991: 88]. Сущность данного явления заключалась в том, что различные политические партии, слои населения, а также отдельные люди старались «выразить своё отношение к происходящим событиям..., обсудить те или иные вопросы, подействовать на чувство и волю отдельных лиц и целых групп...» [Селищев 1991: 88]. Таким образом, напряжённая общественно-политическая борьба в России периода 1900 – 1917 годов актуализировала и утвердила в тезаурусе наименования политических партий и их представителей, наименования новых демократических прав и свобод человека в России, названия представительных органов власти, названия системы выборов власти в государстве и др.

Расстановка политических сил в дореволюционной России была такова, что на политической арене доминировали три крупных блока партий: правые, центристские и левые. Среди монархических политических организаций масштабами своей деятельности выделялся Русский народный союз имени Михаила Архангела – на первое десятилетие XX века крупнейшая крайне правая проправительственная партия. Численность её сторонников исчислялась сотнями тысяч, а её представительства функционировали практически в каждом регионе страны.

К наиболее влиятельным партиям центра относились Партия демократических реформ, Союз 17 октября, Партия мирного обновления и Партия прогрессистов.

Среди левых партий значительной численностью своих сторонников (а соответственно, и значимостью в политической жизни России) отличались Партия социалистов-революционеров в различных своих вариациях (например, Партия левых социалистов-революционеров; Партия социалистов-революционеров-интернационалистов и др.), Российская социал-демократическая рабочая партия, Народно-социалистическая партия.

Таким образом, состав лексики общественно-политической сферы русского языка начала XX века во многом определялся деятельностью вышеуказанных партий.

Учитывая всё вышесказанное, нижней временной границей нашего исследования мы взяли 1900 год как время интенсивного формирования российской политической системы, верхней – 1917 год как период коренного перелома не только в сфере политики, но и в масштабах всей страны.

Актуальность выбранной темы обусловлена экстралингвистической значимостью объекта исследования, так как общественно-политическая лексика (ОПЛ) играет, несомненно, огромную роль в политической жизни общества. Следует отметить также и недостаточную разработанность данного вопроса в трудах, посвящённых изучению общественно-политической лексики и терминологии. В настоящее время отсутствуют работы, в которых исследовалась бы лексика общественно-политической сферы русского языка начала XX века в семасиологическом и функциональном аспектах. Выявление и систематизация лексики общественно-политической сферы русского языка дореволюционного периода в сочетании с функционально-семантическим и культурно-историческим анализом позволяет исследовать ранее не изученный истори-

чески дистанцированный отрезок языковой действительности, даёт возможность обогатить наши представления о лексическом составе рассматриваемых тематических групп. К тому же результаты подобного исследования важны не только в плане изучения синхронического среза ОПЛ, но и в отношении диахронического анализа данной лексики, так как вся современная лексика общественно-политической сферы является результатом длительного процесса развития подсистемы лексики общественно-политической сферы русского языка в целом.

В современной лингвистической литературе существует значительное количество работ, объектом исследования в которых является ОПЛ и ОПТ разных эпох русской истории.

В целом же вопросы взаимодействия языка и идеологии начали привлекать внимание отечественных лингвистов ещё с начала XX века, их работы, в частности, посвящены изучению общественно-политической лексики и терминологии [Селищев 1928; Якобсон 1985; Карцевский 2000 и др.].

Исследование данной области языковой системы ведётся преимущественно в двух основных направлениях: во-первых, это разработка проблем теоретического плана: статус ОПЛ, свойства ОПЛ как лексико-семантической подсистемы русского языка, дифференциация ОПЛ и ОПТ и т. д.; во-вторых, исследование конкретных тематических групп (ТГ) и лексико-семантических групп (ЛСГ).

Сформированная теоретическая база позволила лингвистам исследовать состав и функционирование общественно-политической лексики в русском языке разных эпох [Сорокин 1965; Коготкова 1971; Голованевский 1986; Одеков 1992; Мамынова 1993; Карамова 2001; Ошеева 2004; Зуев 2005; Салман 2008; Ткачева 2008 и др.]. Существует несколько работ, посвящённых изучению языка политической сферы периода последних десятилетий XIX века и до 1917 года [Голованевский 1986 и др.]. Однако исследованию в данных трудах (в подавляющем большинстве) подвергалась только большевистская ОПЛ и терминология. Вызвано это было, как известно, невозможностью вплоть до 90-х годов XX века изучать язык программных документов каких-либо партий, кроме РСДРП. В наше же время такой проблемы нет, вышли в свет сборники с опубликованными программами, воззваниями и многими другими документами различных политических партий России начала XX века [278; 294; 295 и др.].

Изменение политической ситуации в нашей стране в 1990-х годах позволило и лингвистам обратиться к изучению ранее недоступных

архивных документов, относящихся к деятельности политических партий России периода 1900 – 1917 годов. Так, в период с 1990 года и по настоящее время выходили в свет работы, посвящённые разработке разнообразных проблем, касающихся изучения ОПЛ и ОПТ. Например, в трудах А.Л. Голованевского рассматриваются вопросы создания «Идеологически-оценочного общественно-политического словаря русского языка конца XVII – нач. XX века» [Голованевский 1994; Голованевский 1997]. Различные семантические процессы в структуре значений общественно-политических терминов советского периода освещаются в статье В. Москович [Москович 1998]. В работах О.И. Воробьевой исследуются текстовые коннотации политической лексики конца XX века, а также семантическая структура отдельных лексем [Воробьева 1999; Воробьева 2000]. Выявление, описание, систематизация, а также определение специфики оценочной социально-политической лексики и фразеологии русского языка второй половины XX века составляет предмет исследования в диссертации А.А. Карамовой [Карамова 2001]. В работе Ю.В. Ошеевой с позиций современной политической лингвистики рассматривается политическая лексика и фразеология русского языка за период с 1985 по 2000 г. [Ошеева 2004]. Существуют и другие работы, в той или иной степени посвящённые данной проблематике [Крючкова 1993; Жданова 1996; Абдул-Хамид 2004; Панова 2006; Шмельникова 2007; Кутенева 2008 и др.].

Все вышеуказанные труды представляют собой результаты изучения отдельных проблем, связанных с исследованием словаря политической сферы. Тем не менее, в современной лингвистике до сих пор не предпринимались попытки комплексного описания (в рамках заранее оговорённых аспектов) общественно-политической лексики русского языка начала XX века. Под комплексным описанием (в границах функционально-семантического подхода) мы, прежде всего, понимаем: описание семантической структуры лексем и выявление специфики бытования в языке ОПЛ и ОПТ. Важным при таком подходе является и то, что в качестве объекта для подобного исследования необходимо использовать корпус лексических единиц языка, извлечённых из источников, непосредственно фиксировавших реальные особенности функционирования рассматриваемых единиц. К таким источникам мы относим документы политических партий и организаций (программы, воззвания, обращения, открытые письма и т. д.), стенографические отчёты выступлений депутатов в Государственной думе, мемуары, воспоминания политических деятелей, периодическую печать и некоторые другие.

Исследования политической лексики, основанные лишь на материале, извлечённом из словарей, не могут претендовать на абсолютную достоверность. Причина этого, на наш взгляд, кроется в самом характере словаря, который, являясь продуктом лексикографического моделирования лексической системы языка, квалифицируется как вторичное по отношению к языку образование. То есть выборка из первоначальных источников, структурирование и подача материала в словаре осуществляется на основе индивидуально-личностного восприятия языковой действительности исследователем-лексикографом. Опора учёного исключительно только на словарный материал (применительно к исторической лексикологии) ведёт, по нашему мнению, к «двойному субъективизму», а это не может не сказываться на степени научной значимости конечного результата исследования. К тому же «словари, как и язык в целом, не избавлены от предубеждённости. Они содержат определённую точку зрения и представляют определённое понимание» [Блакар 1987: 100].

Таким образом, объектом исследования являются слова и составные наименования, обслуживающие сферу общественно-политической жизни общества. В данной работе мы рассматриваем общественно-политическую лексику и терминологию следующих тематических групп:

1. Наименования форм государственного устройства.
2. Наименования форм общественного устройства.
3. Наименования субъекта верховной государственной власти.

На начальном этапе исследования было выявлено 34 тематические группы лексики: наименования представительных органов власти в государстве, наименования элементов системы выборов в государстве, наименования политических акций и мероприятий в государстве, наименования различного рода открытых писем и обращений, наименования законодательных документов, а также свода этих документов, наименования новых демократических свобод человека в России, наименования внутрипартийных документов, названия групп партий-единомышленников, названия представителей групп партий-единомышленников, наименования политических партий, наименования представителей политических партий и организаций, названия внутрипартийных организационных структур, наименования действий по пропаганде, названия политических процессов переустройства государственной системы или отдельных её частей и др. Объём монографии не позволяет на должном уровне провести анализ всего многообразия выявленной общественно-политической лексики. В итоге ОПЛ русского языка начала XX

века рассматривается нами на примере анализа трёх вышеуказанных ТГ. Ограничение количества анализируемых тематических групп никак не сказывается на научной значимости и достоверности полученных результатов исследования, так как ещё представители Воронежской лингвистической школы отмечали, что анализ более 100 лексических единиц позволяет делать выводы относительно состояния всей языковой системы на определённом синхронном срезе [Стернин 1985; Попова 1984; Попова, Стернин 2007; Стернин 2003].

В используемых источниках методом сплошной выборки были выделены 125 лексических единиц, именующих понятия общественно-политической сферы (общее количество употреблений – 2000 единиц).

Следует особо отметить, что предметом настоящего исследования является функционирование и развитие общественно-политической лексики **общенародного языка**. К тому же анализируемая лексика возникла не в политическом дискурсе начала XX века, а в научном стиле XIX века. По мнению В.В. Виноградова, Ю.А. Бельчикова, Ю.С. Сорокина, Т.С. Коготковой и некоторых других языковедов, ОПЛ дореволюционной России восходит к произведениям научного стиля XIX века [Виноградов 1982; Бельчиков 1962; Сорокин 1965; Коготкова 1971]. Политические силы первых десятилетий XX века в подавляющем большинстве случаев использовали в своих документах (программах, листовках, воззваниях) уже существовавшую общественно-политическую лексику и терминологию. В итоге ОПЛ начала XX века рассматривается нами в трёх сферах употребления: 1) собственно в документах сугубо научного стиля, 2) в политическом дискурсе и 3) в публицистических художественных текстах.

Немаловажным является и тот факт, что такой жанр политического дискурса, как программа, не является одностилевым образованием. Обусловлено это спецификой содержательного наполнения данного типа политических документов. Любая политическая программа так или иначе содержит две части: обращение к народным массам и обращение к соратникам по партии (либо к сторонникам). Таким образом, первая часть представляет собой текст публицистического стиля, вторая же – текст научного стиля.

Целью работы является описание общественно-политической лексики и терминологии русского языка начала XX века в семасиологическом и функциональном аспектах. Под термином «семасиология» мы понимаем «раздел семантики, изучающий значение слов и словосочетаний, которые используются для номинации, т. е. фактически изучающий переход от формы слова к мысли или предмету» [Кронгауз 2001: 14].

Под функциональным аспектом нами понимается определение функции каждой конкретной лексемы (либо составного общественно-политического наименования) в текстах различных жанров. Вслед за О.И. Воробьевой мы выделяем следующие функции ОПЛ и ОПТ: 1) номинативную, 2) аксиологическую (оценочную, экспрессивную), 3) прагматическую (иначе говоря – функция воздействия на адресата, функция регуляции поведения), 4) эстетическую (функции создания образа эпохи, образа персонажа, функция выделения тематического ядра, функция создания дискуссионной ситуации) [Воробьева 2000]. Не разделяя позицию О.И. Воробьевой по вопросу статуса и сущности общественно-политического термина, мы также выделяем дефинитивную функцию термина. Как видим, перечисленные функции лексем тесно взаимосвязаны между собой, способны к взаимообуславливанию. Так, прагматическая функция обязательно предполагает реализацию аксиологической функции [Воробьева 2000: 50-64]. Номинативная функция (референтная, денотативная, когнитивная) представляет собой основную функцию ОПЛ и ОПТ и, как правило, может дополняться дефинитивной функцией, в частности, когда речь идёт о терминологических наименованиях «власти, социума и отношений между ними» [Воробьева 2000: 15]. Общественно-политическая лексика лишена дефинитивной функции, обычно выполняет прагматическую, аксиологическую, номинативную (что само собой разумеется) и в текстах художественной литературы – эстетическую функции. Номинативная функция является основной, обязательной, сочетания же других функций может варьироваться в зависимости от жанра текста, в котором употребляется слово, и от семантики самого слова [Воробьева 2000].

В соответствии с указанной целью в исследовании ставились следующие задачи:

1. Выявить корпус лексических единиц, обслуживающих общественно-политическую сферу деятельности в русском языке начала XX века.
2. Описать семантическую структуру ведущих наименований, выражающих основные понятия общественно-политической сферы деятельности.
3. Выявить особенности бытования терминов, терминологических сочетаний и лексем общественно-политической сферы в текстах различного жанра.
4. Исследовать состав рассматриваемых тематических групп лексикона на предмет наличия лексических подмножеств.

5. Выявить экстралингвистические факторы, обусловившие активные процессы изменений в лексике общественно-политической сферы русского языка начала XX века.

6. Определить основные черты подсистемы общественно-политической лексики русского языка рассматриваемого периода, сформировавшиеся в результате воздействия внеязыковых факторов.

7. Установить взаимосвязь между социальной саморепрезентацией той или иной политической организации и используемой ею общественно-политической лексикой.

Следует также отметить междисциплинарный характер проведённого исследования. Привлечение данных других общественных наук (истории, политологии, социолингвистики) обусловлено спецификой рассматриваемого материала. К тому же «анализ любой языковой категории, любой единицы должен опираться и на их внутренние особенности (имеются в виду содержательные характеристики лексем – пояснение наше – А.З.), и на связь языка с внеязыковой действительностью, ведь развитие языка обусловлено как внутренними, так и внешними факторами» [Каримова 2001: 75]. В случае же с лексикой общественно-политической сферы имеет место наиболее последовательное соотношение языка и социальной среды, так как ОПЛ представляет собой «прямое отражение всего того, что имеет отношение к социокультурной жизни» [Каримова 2001: 75]. Таким образом, в настоящей работе использовались социолингвистические подходы к анализу материала, принималась во внимание социальная обусловленность развития языка (а также воздействие языка на развитие социума), по мере необходимости применялось экстралингвистическое комментирование фактов внеязыковой детерминации имевших место изменений в структуре значения лексемы (составного наименования), в её употреблении, в выполняемой функции в текстах тех или иных жанров.

Ведущими в исследовании явились описательный и сравнительно-сопоставительный методы, включающие в себя приёмы компонентного, контекстуального анализа, а также анализа словарных дефиниций.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые с позиций исторической лексикологии было проведено исследование не изученной до этого времени лексики и терминологии общественно-политической сферы в русском языке начала XX века. Анализируется большое количество лексических единиц, ранее не привлекавших внимание исследователей. В научный оборот вводятся новые источники изучения лексиче-

ского состава русского языка рассматриваемого временного периода – общественно-политическая периодическая сатирическая печать, специальная литература, отражающая результаты политической деятельности партий, организаций и союзов.

Практическая значимость исследования заключается, на наш взгляд, в том, что его результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении лексики и терминологии общественно-политической сферы, в трудах по исторической лексикологии и терминологии. Собранные и систематизированные нами материалы могут послужить базой для создания словаря общественно-политической лексики и терминологии русского языка периода второй половины XIX в. – первых десятилетий (до 1917 года) XX в.

В историко-лексикологических работах немалое значение имеет источниковая база. Материалы, послужившие основой исследования, можно объединить в несколько групп:

1. Специальная литература, которая в той или иной мере связана с политической деятельностью. Сюда мы относим различные документы политических партий и организаций (воззвания, обращения, программы, открытые письма, манифесты, стенографические отчёты выступлений депутатов в Государственной думе и т. д.), отчёты полицейских управлений о деятельности тех или иных партий и некоторые другие документы. Эти источники обладают первостепенной значимостью для нашего исследования, так как одной из задач работы является определение особенностей функционирования общественно-политической лексики и терминологии в лексической системе языка начала XX века на материалах текстов того времени. Принимая во внимание несовершенство словарей рассматриваемого временного периода, а также специфику ОПТ и ОПЛ, мы будем, прежде всего, опираться на данную группу источников в процессе анализа исследуемого материала. Большинство подобных документов являются по своей сути нормативными и кодифицированными (например, манифесты царя Николая II, постановления центральных комитетов партий и т. д.). Анализ подобных источников позволяет исследователю установить, какие именно лексические средства выражения, терминологические наименования считались предпочтительными в тех или иных политических кругах.

Таким образом, обращение к специальным текстам позволяет уточнить состав лексики политической сферы деятельности, семантическое содержание многих терминов и особенности их функционирования.

2. Периодические издания (в нашем случае – газеты и журналы, в частности, общественно-политической сатиры). Первой на любые изменения в обществе откликается именно периодическая печать. Именно она наиболее чутко реагирует на преобразования в лексической системе языка, подхватывает нововведения. К тому же «... русская журналистика в начале XX столетия переживает свой серебряный век, пору расцвета: растёт количественно и качественно» [Жиров 2001: 181]. В первую очередь нас интересуют именно газеты, так как их тиражи «... значительно превосходили журнальные, и <...> газеты выходили значительно чаще журналов и несли самую оперативную информацию» [Жиров 2001: 183]. В целом роль периодической печати в общественно-политической жизни России начала XX века переоценить сложно. Новые идеологии, теоретические положения партийных программ, а также агитационная продукция благодаря газетам с огромной быстротой попадали даже в самые отдалённые уголки нашей страны. Так, начальник Черниговского губернского жандармского управления Н.П. Рудов в своём донесении Департаменту полиции от 21 августа 1905 года писал следующее: «Под влиянием всех условий современной жизни, а также и периодической печати постепенно стало проникать в самые глухие углы губернии недовольство нынешним положением вещей...» [249: 210]. О значительной роли периодической печати в дореволюционной России говорят и современные историки: «В отличие от XIX в., в условиях свобод и появления новых представительных институтов значительно возросло число либеральной прессы, агитационно-пропагандистской литературы, способствовавшей распространению и закреплению в массовом сознании конституционных и правовых идей. Либеральная идеология достаточно широко внедрялась в обыденное традиционное сознание, которое либеральная интеллигенция рассчитывала трансформировать в правовое сознание, что, в свою очередь, увеличило бы шанс избежать революционных эксцессов» [Российские либералы 2001: 10].

Специфика общественно-политической сатирической печати обусловливается не только вышеперечисленными особенностями, но и тем, что данные издания в большинстве случаев сохраняли политический нейтралитет, то есть авторы рассматриваемых журналов подвергали всяческой критике действия абсолютно всех политических сил в обществе (как правительственных, так и антиправительственных). Такого рода политика имела своим результатом появление самых разнообраз-

ных лексических, фразеологических и терминологических новообразований. Однако стоит отметить тот факт, что лексика рассматриваемых тематических групп оказалась не представленной в привлечённых журналах общественно-политической сатиры.

Таким образом, обращение к данной группе источников позволяет вести анализ форм «живого» употребления общественно-политических лексем и терминов, делать наблюдения над вариативностью лексем. Следует также отметить, что большинство из подобных новообразований словарями вообще не фиксировались.

3. Произведения неспециального характера: мемуары и воспоминания политических деятелей. Не являясь приоритетными для нашего исследования, рассматриваемые источники позволяют расширить границы проводимой работы, сделать анализ отобранных единиц более полным. Мемуары пишутся и публикуются, как правило, по истечении некоторого времени с момента окончания описываемых событий. Эта временная дистанцированность позволяет выявить степень освоенности той или иной лексемы языком, даёт возможность описать семантическую эволюцию слов, определить специфику функционирования терминов в неспециальных контекстах.

4. Лексикографические источники. Большинство языковедов, занимающихся проблемами исторической лексикологии, отмечали несовершенство лингвистических словарей XIX века. В частности, В.М. Аристова указывала на недостаточную сформированность лексикографических традиций [Аристова 1978: 29]. Однако подобные замечания лингвистов не могут служить основанием для игнорирования продуктов лексикографии рассматриваемого периода как наиболее важного источника для изучения лексико-семантических процессов к. XIX – нач. XX века. И.Б. Дягилева отмечает, что «...данные словарей иностранных слов представляют неоценимый материал, который позволяет установить время вхождения нового слова в язык, проследить развитие значений заимствования» [Дягилева 2007: 212].

Следует также отметить, что резкое увеличение общего количества словарей в период с конца XIX по нач. XX века осуществлялось с опорой на уже существовавшие лексикографические традиции. Именно этим, в частности, и объясняется наличие в словарях иностранных слов того времени ссылок на работы Гейзе, Брокгауза, Литре и др., т. к. словари вышеупомянутых авторов служили образцами и указание на них как на источник работы придавало значимость словарю в целом.

Учитывая, что в литературе отсутствует подробный анализ лексикон-ов этого периода, а также принимая во внимание факт несомненной значимости для нашего исследования лексикографических источников, скажем о словарях подробнее. Вследствие слабой разработки теории лексикографии периода конца XIX – нач. XX века словари того времени сильно отличаются от современных словарей по целому ряду особенностей, относящихся к структуре словаря, принципам подачи материала, толкования слова и т. д. Так, в большинстве словарей предисловие либо отсутствует полностью [Бурдон; Дубровский; 232 и др.], либо сильно редуцировано [Мих.]. Тем не менее, в то время уже существовали словари, подготовленные высококвалифицированными специалистами. Они отличались продуманной системой разного рода помет (стилистических, грамматических, лексических и др.), наличием содержательного вступления, в котором объяснялись цели, задачи словаря, перечислялся список источников, указывалась значимость такого лексикографического продукта, его связь с предыдущими лексикографическими традициями и место в истории развития словарного дела в целом. Подобные издания были рассчитаны, в первую очередь, на специалистов в области русского языка. К подобным словарям относятся: Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук / под ред. Я.К. Грота, А.А. Шахматова. – М., 1895 – 1935; Даль В.В. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. – М., 1912.

Ещё одной общей чертой словарей иностранных слов того времени было несоответствие указанного в названии количества описываемых лексических единиц реальному количеству слов в словаре. По отношению и к словарям начала XX века справедливо утверждение И.Б. Дягилевой о том, что «сильное преувеличение числа описываемых слов является характерной чертой большинства издаваемых популярных словарей XIX века» [Дягилева 2007: 212]. Так, в названии словаря А.Д. Михельсона указывается общее количество слов, вошедших в данное издание, – 30000. Однако фактический объём словника ниже на несколько тысяч лексических единиц.

Специальных, отраслевых терминологических словарей в начале XX века не было, но многие терминологические единицы общественно-политической сферы зафиксированы многочисленными словотолкователями, словарями иностранных слов, словарями историческими и социально-политическими и толковыми словарями русского литератур-

ного языка. Дефинитивная часть при толковании термина практически всегда сочетается с энциклопедическими выкладками. Ярким примером такой ситуации может служить словарь С.Н. Алексеева [Алексеев]. Так, например, термин *анархия* толкуется в его словаре следующим образом: 'полное безначалие; состояние общества, лишённого правильно действующих органов управления; <...> Анархия служит большей частью признаком наступления государственного переворота (революции). Анархия не может длиться, так как ведёт к окончательной гибели' [Алексеев: 2-3]. Как видим, наряду с собственно понятийным толкованием данного термина в словарной статье содержится выражение личного отношения автора словаря к анархии как к явлению общественно-политической жизни страны.

Словари начала XX века отличаются также немногочисленными примерами толкования составных наименований. Так, в «Словаре историческом и социально-политическом» приводится значение терминологического сочетания *социалистический строй*: 'политический и общественный строй, к которому стремятся социалисты и при котором все имеют одинаковое право на труд и на продукты труда' [СИСП: 1075]. Подобные примеры толкования общественно-политических сочетаний в словарях рассматриваемого периода скорее исключение, чем правило. В подавляющем большинстве случаев значения данных единиц приходится выводить, основываясь на анализе дефиниций слов-компонентов данного составного наименования, а также учитывая характер синтагматических связей рассматриваемого образования в том или ином контексте.

В лингвистических словарях начала XX века далеко не всегда фиксируются все значения какой-либо общественно-политической лексемы. В подобных случаях обращение к словарям XIX века порой помогает прояснить ситуацию. Так, в документах правых партий встречается слово *самодержавие* в значении 'власть, правление самодержца': *Истолковывать Манифест о Государственной думе и Манифест 17 октября как введение конституции (парламентского строя) для России и отказ Государя от Самодержавия могут только люди, желающие взять власть Государственную в свои руки [265: 110]; Вслед за сим председатель произнёс речь, указавшую на важное историческое значение всемилостивейших слов Государя Императора, сказанных 16 февраля депутациям из Иваново-Вознесенска. По окончании этой речи снята была завеса с подножия находившегося в аудитории портрета Государя, и вся собравшаяся масса народа огласила огромную залу кликами «ура», прочитав открывшиеся*

её глазам Царские слова: «**Самодержавие** моё останется таким, каким оно было встарь»... [244: 136]. Однако в таком значении рассматриваемое слово словарями начала XX века не фиксируется [Битнер: 734; СИСП: 1047 и др.].

Следует особо отметить, что словари рассматриваемого временного периода, за редким исключением (например, словарь под редакцией А.А. Шахматова и Я.К. Грота), характеризовались отсутствием примеров. Таким образом, данные словари не являлись лингвистическими, в них приводились толкования понятий, а не значения лексем.

Словарные статьи таких словарей не были стандартизированы и могли строиться по различным схемам. Приведём примеры наиболее распространённых вариантов:

1. Левая часть – толкуемое слово и ссылка на язык (в скобках), из которого данная лексема заимствована, правая часть содержала перечень значений (в случае полисемии), зачастую сопровождавшийся энциклопедическими выкладками. Например, слово *республика* определяется следующим образом: *лат.* 1) ‘образ правления, при котором верховная власть принадлежит не одному лицу, а всему народу’; 2) ‘страна с республиканским образом правления’ [Битнер: 717].

2. Левая часть – дефинируемое слово, правая часть представляла собой контаминацию этимологической справки и, собственно, значения. Например, термин *царь* в некоторых словарях иностранных слов начала XX века определялся следующим образом: ‘слово это принимается за сокращённое *лат. Caesar*; титул государя у восточных славян’ [Алексеев: 738].

3. Левая часть – определяемое слово и ссылка на язык-источник заимствования, правая часть содержала значительно редуцированную этимологическую справку, а также коннотативно окрашенное авторское значение. Например, словарная статья с лексемой *император* могла выглядеть следующим образом: *император (лат.)* – ‘в древн. Риме – титул должностных лиц с исполнительной властью; верховный повелитель империи’ [Алексеев: 295].

В итоге выборка материала исследования производилась из 145 источников, из которых 81 относится к специальной литературе, 20 – к периодической печати и 44 – к художественной литературе.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

1.1. Группировки в лексической системе языка и методы их изучения

Специфика функционирования общественно-политической лексики в языке во многом обусловливается сильными экстралингвистическими связями с номинируемыми явлениями объективной действительности. Слова, именующие явления политической жизни общества, «существуют» в языке не изолированно друг от друга. Они тесно связаны, сгруппированы по принципу общности денотативного содержания. Данная «общность», в свою очередь, соотносится с «естественным распределением предметов и явлений реальной действительности по сферам человеческой деятельности или окружающего мира... так как взаимосвязанность предметов и явлений... определяет различные связи соответствующих слов» [Судаков 1985: 80]. Именно поэтому наиболее оптимальным способом систематизации и последующей репрезентации выявленной общественно-политической лексики является её представление в виде взаимосвязанных тематических групп.

Вопрос о системных отношениях в лексике по праву считается одним из центральных и наиболее дискуссионных в современном языкознании. Лексический уровень языка является наиболее открытым и изменчивым. Его динамическая природа проявляется, в частности, в разнообразных взаимодействиях лексических единиц (ЛЕ), когда лексемы формируют различные лексико-семантические группировки и объединения. Следует отметить, что в основе данных объединений лежат разного рода парадигматические отношения. Выявление подобных отно-

шений осуществляется путём нахождения дифференциальных компонентов значений слов (учитывается и сходство, и различие в значении в целом). Однако, как справедливо отмечают некоторые исследователи, «множественность и открытость инвентаря лексем, полисемантичесность слова, зависимость лексического уровня языка от системы понятий затрудняют обнаружение системных связей» [Куликова 1968: 28].

Таким образом, структурные объединения в лексике формируются на базе общности интегральных семантических признаков. Разграничение же данных группировок проводится по целому комплексу дифференциальных признаков.

Сложные, зачастую пересекающиеся связи и отношения разнообразных предметов и явлений окружающего мира друг с другом имеют особенность проецироваться «на лексическую систему языка, расчлняя её на взаимосвязанные лексические блоки» [Полевые структуры 1989: 26]. В работах отечественных и зарубежных лингвистов к. XIX – нач. XX в. неоднократно поднималась проблема природы и сущности подобных «блоков» [А.А. Потебня, М.М. Покровский, Х. Шпербер, Р.Н. Мейер, Г. Ипсен и др.]. Однако несмотря на отсутствие какой бы то ни было цельной, законченной теории, такие работы, несомненно, имели фундаментальное значение в плане дальнейшей разработки методики исследования.

Важной частью теоретической концепции нашего исследования является вопрос о группировках в лексической системе языка.

В языкознании принято выделять *тематические группы* (ТГ), *лексико-семантические группы* (ЛСГ), *синонимические и антонимические ряды* (СР и АР) (см., в частности, труды Ф.П. Филина, А.А. Уфимцевой, В.И. Кодухова, А.Е. Бертельс, Э.В. Кузнецовой, И.С. Куликовой, А.Г. Липатова, В.Н. Прохоровой и др.).

Ф.П. Филин отмечал, что «объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений, можно назвать тематическими словарными группами» [Филин 1957: 526]. А.А. Уфимцева под тематическими (или, по её терминологии, предметными) группами понимала объединения слов на основе «сходства или общности функций обозначаемых словами предметов и процессов в одном и том же или разных языках» [Уфимцева 1962: 133]. К тому же она подчёркивала, что объединяются лексемы в группы с учётом именно номинативной (а не сигнификативной) стороны слова. В нашей работе под ТГ мы будем понимать совокупность ЛЕ, в основе выделения которой лежит общая для данных единиц типовая ситуация или тема [Васильев 1971: 110].

При разграничении тематической группы и других системно-структурных образований следует, в первую очередь, учитывать критерии языковой/внеязыковой обусловленности связей между элементами структуры. Так, для ТГ характерна экстралингвистическая основа связи её элементов.

Поиск дифференцирующих признаков у ТГ и ЛСГ представляет определённые трудности, на что, в частности, указывал Л. Вейсгербер [Васильев 1971: 109]. В своей теории он не разграничивал понятия «языковое поле» и «лексико-семантическая группа», но при этом подчёркивал, что ЛСГ структурно и функционально идентична семантической системе языка, а ТГ определяется лишь связью с внешним миром [Васильев 1971: 109]. З.В. Ничман также указывал на языковую природу единства ЛСГ: «...ЛСГ ... является частью лексико-семантической системы (семантической микросистемой) и объединяет слова на основе лексического значения» [Ничман 1973: 5]. Г.В. Судаков пишет о том, что в «лексико-семантическую группу включаются слова в одном или нескольких значениях из числа относящихся к одной части речи, имеющих общие категориальные, валентные, а иногда – и деривационные признаки, находящихся в определённых логико-семантических и семантических отношениях: родовидовых, синонимических, антонимических и т.п.» [Судаков 1985: 81]. Справедливой, на наш взгляд, является точка зрения, согласно которой «в каждой ЛСГ интегрирующий признак всегда один, дифференцирующих – множество» [Ничман 1973: 9].

К тому же, по утверждению Ю.А. Бельчикова, «объединение слов в лексико-семантические группы носит объективно-исторический характер» и объясняется это тем, что «в словах как единицах языка находят отражение явления действительности, взаимосвязанность и взаимообусловленность которых в свою очередь отражается в предметно-смысловых связях между этими словами» [Бельчиков 1962: 25].

Ещё одним важным признаком, позволяющим отграничить ТГ от других системно-структурных образований, является наличие совершенно разнотипных отношений между её элементами (в определённых случаях какие-либо внутривидовые связи вообще отсутствуют). Основным типом упорядочения элементов тематической группы является перечисление [Полевые структуры 1989: 31]. Единицы ЛСГ характеризуются, в отличие от ТГ и СР, не линейной организацией, а организацией «по принципу семантического поля, построенного по двум осям (вертикальная ось – инвентарь ЛСГ, горизонтальная ось – ряд обобщающих значений)» [Куликова 1968: 29]. Нельзя не согласиться также с мнением

А.Т. Липатова, который считает, что «лексико-семантические группы – явление целиком языковое, это объединения, основанные на законах и закономерностях развития лексической семантики языка, тематические же словарные группы – явление скорее логическое, это объединения, классифицированные обычно по содержанию обозначаемых ими понятий, иначе говоря, «по темам или сферам употребления, почти безотносительно к тому, в каких отношениях друг к другу находятся слова по их значению» [Липатов 1981: 51].

В итоге можно заключить, что тематические группы объединяют слова по сферам их употребления, и поэтому для них обязательно наличие слова, обозначающего родовое понятие (в отличие от ЛСГ). Зачастую «ЛСГ являются частью тематических групп...» [Ничман 1973: 14]. На наш взгляд, правильной является позиция З.В. Ничмана, согласно которой «тематическая группа – это та же ЛСГ, но полученная путём изучения неязыковых (предметных) связей слов» [Ничман 1973: 15].

Таким образом, в нашем исследовании применяется **тематический подход** к выборке, репрезентации и анализу материала. Выбор данного подхода всецело обусловлен самим предметом исследования. Лексемы общественно-политической сферы объединяются в различные лексические группировки и подмножества согласно тематической общности соответствующих (именуемых данными лексемами) экстралингвистических коррелятов (предметов, объектов, абстрактных понятий общественно-политической сферы жизни общества). Помимо прочего, объединение лексем по принципу понятийной общности носит естественный характер. ТГ – это объективно существующее в языковой системе образование в отличие от ЛСГ, представляющей собой своеобразный «исследовательский конструкт», являющейся продуктом научно-исследовательской деятельности лингвиста-лексиколога.

В языкознании при исследовании общественно-политической лексики нередко применяется и полевой подход. Мы считаем, что в нашем случае привлечение в качестве дополнительного полевого подхода к анализу и представлению материала ничего нового не добавит, так как нельзя одновременно использовать разные методики и переписывать одни и те же результаты в иных понятийно-терминологических системах. К тому же на необходимость использования именно тематического (а не полевого) подхода при исследовании лексики указывают многие современные учёные [Коровушкина 2006; Ошеева 2004: 39; Мамынова 1993; Алексеев 1996; Лихолитов 1998 и др.].

Отдельным вопросом при исследовании группировок в лексической системе языка является проблема выбора соответствующих методов изучения. Использование того или иного метода анализа определяется спецификой рассматриваемого объекта. Как было отмечено выше, лексемы в языке объединяются в группы на основании наличия интегральных и дифференциальных признаков. Данные признаки, в свою очередь, объективированы соответствующими денотативными и коннотативными микрокомпонентами значения. Таким образом, выявить наличие каких-либо группировок в лексической системе языка представляется возможным при использовании методов лингвистического анализа, направленных на раскрытие содержательной («внутренней») стороны конкретной лексемы. В нашем случае используются методы компонентного анализа, анализа словарных дефиниций и метод контекстуального анализа (более подробно – см. п. 1.2 настоящей главы).

В данном исследовании нами рассмотрены три тематические группы. Первая ТГ «Наименования форм государственного устройства» включает в свой состав лексемы и составные терминологические наименования, использовавшиеся в дореволюционной России для называния различных типов государственного устройства. В России начала XX века вопросы реформирования существовавшего государственного строя и выбора дальнейшего пути развития стояли особенно остро. Политические партии и союзы видели решение данной проблемы неодинаково. В результате политические дебаты выходили за рамки Государственной думы и выливались в массовые погромы, столкновения с полицией, забастовки рабочих и т. д. Вопрос о политическом будущем России активно обсуждался не только в среде прогрессивной интеллигенции, но и в народных массах в целом. Параллельно данные дискуссии шли на страницах печатных изданий того времени. В итоге развитие самой системы государственного устройства способствовало формированию в системе языка исследуемой тематической группы лексики.

Вторая ТГ – «Наименования форм общественного устройства» содержит термины и лексемы, использовавшиеся для именования различных типов общественного строя в русском языке начала XX века. Как известно, конкретная форма государственного устройства предполагает определённую форму общественного устройства, например, *монархия* зачастую предполагает *буржуазно-капиталистический строй* общества.

Последняя ТГ, отобранная нами для анализа, – «Наименования субъекта верховной государственной власти». Выбор данной тематической

группы не случаен. Наименование главы государства тесно связано с формой правления. Так, например, в монархическом государстве субъект верховной государственной власти может именоваться *монархом, царём, государем* и т. д. Показательным для языковой ситуации начала XX века явилось функционирование в языке политической сферы структурно и семантически различных наименований субъекта верховной государственной власти (*самодержавный государь, верховный правитель земли русской, эх-царь* и т. д.). Причиной данного явления, вероятно, являлась оценочно-эмотивная и стилистическая амбивалентность, то есть наличие диаметрально противоположных коннотаций в структуре значений рассматриваемых общественно-политических лексем и составных наименований, использовавшихся в противоборствующих политических лагерях.

1.2. Общественно-политическая лексика как системно организованное множество

Общественно-политическая лексика (ОПЛ) и общественно-политическая терминология (ОПТ), как отмечают исследователи, «занимает существенное место в языковой репрезентации идеологических концепций и установок...» [Крючкова 1989: 5]. Изучение вопросов о том, как наиболее актуальные, значимые проблемы политической жизни страны реализуются в языковой системе, вызывает постоянный интерес лингвистов. К тому же политическая лексика, являясь особой микросистемой в словарном составе языка, несёт на себе колоссальную нагрузку. Посредством именно данной группы слов становится возможна идеологическая пропаганда политических взглядов и убеждений, во многом благодаря ОПЛ и ОПТ получают наименования «понятия, связанные с ролью человека в обществе, государстве, современном ему мире...» [Воробьева 1999: 4].

Одной из задач данного исследования является выявление актуальной ОПЛ и ОПТ начала XX века, посредством которой в языке отразились наиболее значимые проблемы общественно-политического устройства России рассматриваемого временного периода. На данный момент выполнено немало работ, посвящённых исследованию результатов воздействия на развитие языка экстралингвистических факторов [Селищев 1928; Винокур 1939; Поливанов 1968 и др.]. В хронологическом плане одной из первых работ данной тематики в отечественной лингвистике была книга А.М. Селищева «Язык революционной эпохи» [Селищев 1928], в которой исследователь на основе анализа обширного

публицистического материала выделил различные направления изменений в языке политической сферы. Приведём лишь некоторые из них: 1) изменения в коммуникативной функции отдельных политических лексем вследствие их частого употребления (например, «если говорят о социалистах-меньшевиках, то это говорят о социал-изменниках, социал-предателях» [Селищев 1991: 92]); 2) изменения, вызванные деятельностью политических партий, организаций, союзов (например, появление терминов «для проведения пропаганды: обрабатывать к.-н., обработка к.-н.» и т. д. [Селищев 1991: 94]); 3) изменения в языке рабочих, в языке деревни и т. п. Далее в свет вышли труды С.И. Карцевского, Р.О. Якобсона и других лингвистов [Карцевский 2000; Якобсон 1985]. В целом же до конца первой половины XX века исследования общественно-политической лексики велись в рамках функционального аспекта, т. е. основное внимание уделялось выявлению общественно-политических наименований, особенностям их бытования в языке (без детального изучения семантических изменений) и их обусловленности экстралингвистическими факторами. Во второй половине XX века стали появляться работы, в которых выявленный фактический материал начал анализироваться с позиций функционально-семантического подхода [Виноградов 1972; Виноградов 1994; Сорокин 1965; Крючкова 1989; Крючкова 1993; Коготкова 1971 и др.].

Для последних десятилетий «актуальным становится функционально-дискурсивный подход в изучении» общественно-политической лексики, сущность которого состоит в одновременном выявлении коммуникативных функций исследуемых лексем и в анализе состава подсистемы общественно-политической лексики [Воробьева 2000: 11].

В зарубежной лингвистике исследование общественно-политической лексики велось в несколько ином направлении. Фундаментальные работы в этой области стали появляться во второй половине XX века [Блакар 1987; Дейк ван 1988; Дейк ван 1989; Серио 1999]. Так, Р.М. Блакар считал, что необходимо «исследовать язык как составную часть социальной рамки или матрицы», а для этого, в свою очередь, требуется привлечение данных смежных наук – социологии, психологии, политологии [Блакар 1987: 89]. Подобной позиции относительно междисциплинарного характера изучения социально детерминированных подсистем языковой структуры (в частности, лексики общественно-политической сферы) придерживаются и отечественные лингвисты [Русский язык 1968; Поливанов 1968, Селищев 1928, Виноградов 1982, Сорокин 1965, Крючкова 1989, Воробьева 2001 и др.].

Исследуя механизмы реализации власти посредством языка, Р.М. Блакар пришёл к закономерному выводу о том, что «власть *может* осуществляться и через язык», при этом под самим «осуществлением власти» учёным понимается «воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком» [Блакар 1987: 91]. В своей работе учёный концентрирует внимание на так называемом базисе языка – той языковой основе, которая позволяет использовать язык в качестве инструмента социальной власти. В составе базиса выделяются три образующих его уровня: 1) отдельный акт коммуникации, 2) особый, «индивидуализированный» способ концептуализации действительности и 3) различные языки и диалекты, имеющие разный статус даже при условии сосуществования на одной территории. При этом из всех трёх уровней Р.М. Блакар детально анализирует первый, частично второй, третий же уровень им в вышеуказанном труде игнорируется [Блакар 1987: 92].

В целом исследование, проведённое Р.М. Блакаром, позволило по-новому взглянуть на казалось бы достаточно изученные явления. Акт коммуникации подразделяется исследователем на составляющие компоненты, акцентируется внимание на сложности каждой отдельной вербальной единицы. Одним из ключевых выводов, к которым пришёл учёный, является положение о том, что язык, являясь открытой и порождающей системой, отражающей выражения существующих отношений власти, выступает не только как объект влияния со стороны общества (что не раз подчёркивалось социолингвистами), но и как субъект подобного влияния. На практике это означает то, что языковая система, будучи изначально зависимой от развития общества, детерминирует, в свою очередь, эволюцию данного социума. Подобное двунаправленное воздействие как раз и характерно, по мнению Р.М. Блакара, для тех языковых средств, которые обслуживают сферу общественно-политической жизни общества (в частности, для общественно-политической лексики).

В работе П. Серио «Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций» в качестве материалов исследования использованы тексты отчётных докладов Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева. Предметом исследования выступили синтаксические отношения в каждом конкретном анализе дискурса [Серио 1999: 338]. В целом же П. Серио рассматривает в своём труде целый ряд вопросов, связанных с изучением различных номинализаций, именных и предложных синтагм в русском политическом дискурсе. Поднимает проблемы преконструкта и синтаксического формализма, интердискурса и интрадискурса.

Т.А. ван Дейк и В. Кинч также занимались изучением политического дискурса. Их несомненная заслуга состоит в разработке принципиально новой междисциплинарной процессно-ориентированной модели понимания дискурса, в основе которой лежит учёт взаимодействия социальных и когнитивных характеристик дискурса [Дейк ван 1988].

Политический дискурс, будучи связанным текстом, взятым в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами, является объектом исследования в современной политической лингвистике.

Возникновение и становление политической лингвистики как отдельной области знания относится исследователями к 20 – 50-м годам XX века. Резко возросший интерес научного сообщества к проблемам и самой сущности политической коммуникации, с точки зрения Э.В. Будаева и А.П. Чудинова, объясняется кардинальным изменением мироощущения человечества вследствие Первой мировой войны [Будаев, Чудинов]. Таким образом, в послевоенное время «внимание исследователей языка политики было направлено на изучение способов формирования общественного мнения, эффективности политической агитации и военной пропаганды» [Будаев, Чудинов].

Предмет исследования в политической лингвистике может варьироваться в зависимости от целей, которые ставит перед собой лингвист. Так, изучаться могут единицы различных уровней языковой структуры (лексика, фразеология, морфология, синтаксис), текстовые единицы, коммуникативные стратегии, тактики и роли.

В методологии современной политической лингвистики выделяются следующие направления: когнитивное, риторическое, дискурсивное. В последние десять лет особенно актуальными становятся комплексные методики исследования, предполагающие использование методов смежных наук – социолингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, сопоставительной и типологической лингвистики и др.

Крупнейшими отечественными учёными, занимающимися проблемами языка общественно-политической сферы общества, являются А.Н. Баранов, О.С. Иссерс, Ю.Н. Караулов, М.В. Китайгородская, О.Н. Паршина, П.Б. Паршин, О.Г. Ревзина, А.В. Рудакова, А.И. Соловьев. Перечислим ключевые направления исследований, проводимых в этой области.

Так, в работах А.Н. Баранова за последние десять лет предметом исследования становились вопросы разработки корпусно-ориентированного подхода к тематическому мониторингу политического дискурса [Баранов 2004], проблемы выделения и систематизации типов

сочетаемости метафорических моделей [Баранов 2003], вопросы репрезентативности корпуса данных при изучении политической метафоры [Баранов 2001] и др. В рамках вышеуказанных работ языковедом была создана методика, которая «совмещает в себе свойства контент-аналитического изучения политических текстов с лингвистическими и когнитивными методами моделирования содержательной стороны дискурса с помощью тезауруса» [Баранов 2004: 1], выявлены и систематизированы закономерности использования метафорических моделей в сфере онтологической сочетаемости, рассмотрена комбинаторика М-моделей политической метафоры в границах дискурса, сделано заключение о том, что «комбинаторика М-моделей в речи – это способ самонастраивания когнитивной системы и попытка борьбы с ритуализацией её собственного мышления» [Баранов 2003: 93], разработаны критерии представительности материала при изучении политической метафоры в дискурсе.

Предметом исследования в трудах М.В. Китайгородской является политическая коммуникация в её соотношении с диалогической природой современного политического дискурса, вопросы выявления и изучения актуальных сфер современной политической коммуникации [Китайгородская 2003].

В работах О.Н. Паршиной также изучается политический дискурс, но в отличие от других учёных она в качестве материала исследования, помимо стандартных газетных и журнальных текстов, привлекала видеозаписи речевого поведения политических лидеров. Так, одна из её последних статей посвящена анализу репрезентации концепта, объективированного лексемой «чужой», в российском политическом дискурсе [Паршина 2004].

Остановимся более подробно на рассмотрении таких дискуссионных проблем, как проблема статуса общественно-политической лексики и терминологии, вопрос о структуре и составе значения общественно-политического термина.

Как известно, для термина является важным наличие таких характеристик, как выполнение соотношения *один термин* → *одно понятие* и наоборот, однозначность, точность, отсутствие эмотивных и оценочных составляющих и др. Согласно подобному, узкому взгляду на терминологию, только те единицы языка, которые соответствуют данным критериям, могут называться терминами. Однако подобные требования не во всех терминосистемах имеют строгие соответствия [Коготкова 1971: 114-166].

Говоря о терминологии разных отраслей знания, языковеды отмечают, что подобные терминосистемы являются замкнутыми, а понятийное наполнение терминов данных систем доступно для понимания лишь ограниченного числа лиц, термин не может быть общеизвестным.

Обширные исследования фактического материала, проводимые отечественными лингвистами, начиная со второй половины XX века, показали ошибочность такого чисто теоретического, оторванного от живого функционирования в языке, осмысления природы и отличительных особенностей далеко не одинаковых терминосистем.

Мы считаем, что существует прямая зависимость между степенью абстрагированности той или иной области знания и отличительными особенностями терминологии этой отрасли знания. Так, многие термины электродинамики и физики полупроводников остаются малоизвестными или вообще неизвестными широкому кругу лиц-неспециалистов в данной области знания (например: *каскадное включение*, *ШИМ-контроллер* и т. д.). Значения же преобладающего большинства терминов общественных наук так или иначе являются общеизвестными (например, общественно-политические термины – *монарх*, *демократия*, *царь* и др.). По наблюдениям Т.С. Коготковой, «выход целого ряда общественно-политических терминов за пределы узкоспециального обращения обусловлен самой природой данных терминосфер» [Коготкова 1971: 115].

Таким образом, терминология общественных наук (например, специальная лексика общественно-политической сферы) качественно отличается от терминологий других отраслей знания. Некоторые исследователи игнорируют даже сам термин *общественно-политическая терминология* [Шведова 1951 и др.], считая, что общеизвестность данных единиц языка препятствует их квалификации в качестве терминов. На наш взгляд, более корректным является подход, согласно которому «доступность в понимании многих из общественно-политических терминов является, скорее всего, функциональным признаком их» и уж никак подобная общеизвестность не может свидетельствовать в данном случае о детерминации [Коготкова 1971: 115-116].

Основными причинами общепонятности ОПТ является её активное использование в языке массовой пропаганды и агитации, а также сильная экстралингвистическая обусловленность: «обществоведческая терминология наиболее чувствительна к изменениям в общественной жизни» [Панько 1981: 66].

Широкая градация взглядов учёных в решении проблемы об общественно-политической терминологии (от признания факта её функционирования в языке до полного отрицания возможности бытования ОПТ) явилась причиной отсутствия единого определения ОПТ. Также не имеет устоявшегося, общепризнанного определения и ОПЛ. Поэтому вопрос о том, совокупность каких единиц языковой системы следует называть общественно-политической терминологией и общественно-политической лексикой, остаётся дискуссионным.

Так, В.Н. Туркин считал, что «к общественно-политической терминологии следует относить систему номинативных единиц разного происхождения, которые специализированы лексически (термины-лексемы), семантически (семы общенародных слов) и фразеологически (устойчивые названия)» [Туркин 1975: 63]. Также исследователь оговаривает, что функционирование данных единиц осуществляется в разных сферах общения населения (устной и письменной) с целью обозначения социальных реалий в области политических, экономических, административных отношений [Туркин 1975: 63].

Т.С. Коготкова под ОПТ понимает некое множество терминов, объединённых в группы по общности содержательных характеристик [Коготкова 1971: 117-118].

И.Ф. Протченко определил общественно-политическую лексику как «часть словаря, которую составляют названия явлений и понятий из сферы общественно-политической жизни» [Протченко 1975: 103].

Существуют и более широкие дефиниции общественно-политической лексики. Так, по В.М. Лейчику, ОПЛ – это совокупность достаточно большого количества разноплановых единиц языка. В состав данной группы лексики исследователем включаются не только научные термины, но и собственные имена, номены, эмоционально окрашенные лексические единицы и т. д. [Лейчик 1982].

Т.Б. Крючкова определяет общественно-политическую терминологию как «часть терминологии общественных наук», обладающую свойством идеологизированности [Крючкова 1989: 15]. На наш взгляд, такое толкование носит слишком общий характер, так как понятие идеологизированности достаточно расплывчато и может рассматриваться и как исконный компонент семантики того или иного слова, и как результат воздействия идеологически окрашенных понятийных сем единиц контекстного окружения.

В данном исследовании под *общественно-политической терминологией* мы будем понимать особую подсистему лексики литературного языка, единицы которой номинативно специализированы на объективации средствами языкового кода различного рода явлений, отношений, событий общественно-политической жизни общества.

Общественно-политическую лексику мы будем рассматривать как часть словаря общелитературного языка, лексические и фразеологические единицы которого, не имея абсолютного соотнесения со специальными понятиями, характеризуются наличием исконных или приобретённых идеологизированных микрокомпонентов значения.

Следует также отметить, что состав терминологической лексики структурно неоднороден. Так, В.П. Даниленко выделяет три структурных типа терминов: 1) термины-слова (непроизводные, производные, сложные и аббревиатуры), 2) термины словосочетания (разложимые – свободные и несвободные и неразложимые – термины-фразеологизмы), 3) символы-слова [Даниленко 1977: 37]. Подразделение терминов-словосочетаний на подтипы осуществлялось исследователем на основе учёта степени семантической спаянности слов-компонентов.

Говоря о составных терминологических наименованиях, следует отличать их от ФЕ даже несмотря на наличие определённой степени изоморфизма терминологических и фразеологических структур. Мы считаем недопустимым отождествление термина-словосочетания и фразеологической единицы (ФЕ), так как последняя представляет собой продукт вторичной номинации (отрыв от первоначальной предметной соотнесённости и перенос на новую референтную основу служит базой для образования фразеологизма) и употребляется для образно-экспрессивного именования процессов, явлений, предметов окружающего мира. ФЕ, в отличие от составного терминологического наименования, изначально номинативно не специализирована на объективацию средствами языкового кода специальных понятий в рамках отдельной области знания. Фразеологизмы общелитературного языка представляют собой отдельную подсистему в лексике языка и изучаются, соответственно, в рамках отдельной области знания – фразеологии. Термины и составные терминологические наименования образуют свою собственную обособленную подсистему в лексическом ярусе языка, и исследование их проводится в рамках терминологии как науки о терминах и терминосистемах. Однако последовательное разграничение ФЕ и составных терминологических

наименований проводится далеко не всеми лингвистами (см., например, работы Ю.В. Ошеевой, А.А. Карамовой, А.П. Чудинова и др.).

В нашем исследовании мы будем использовать следующие термины: *составное (общественно-политическое либо терминологическое) наименование, общественно-политическое (либо терминологическое) сочетание (наименование), (общественно-политический) термин.*

Говоря об ОПЛ и ОПТ, необходимо также рассмотреть вопрос и об их соотношении, так как для нашего исследования особенно актуален вопрос о выработке критериев практической дифференциации единиц двух вышеуказанных подсистем лексического яруса языковой структуры. Устоявшейся в науке является точка зрения, согласно которой терминология является неотъемлемой (и в то же время обособленной) частью лексической системы языка. Однако подобной позиции придерживаются далеко не все исследователи. По мнению Т.Б. Крючковой, ОПЛ и ОПТ представляют собой две самостоятельные подсистемы, единицы которых нередко имеют идентичный план выражения, но, как правило, существенно отличаются друг от друга как в семантике, так и в функциональном аспекте [Крючкова 1989]. Остановимся более подробно на особенностях ОПТ и ОПЛ.

По своему составу терминология общественно-политической сферы крайне неоднородна. Единицы данной подсистемы могут выполнять разные функции в языке. В результате в составе ОПТ выделяется узкоспециальная терминология, известная лишь небольшому кругу лиц-специалистов, и терминология общеизвестная, широко используемая в СМИ, в устной речи населения, в документах политических партий и т. д. [Крючкова 1989: 15-16]. В нашем исследовании анализируется ОПТ второго типа. Граница между двумя вышеуказанными разновидностями ОПТ достаточно расплывчата. Причина этого кроется в том, что «терминам политики свойственно выходить за пределы узкоспециального обращения в силу своей природы. <...> Узкоспециальный политический термин может стать общеупотребительным (например, через СМИ), и, функционируя в различных стилях, он может потерять свойственную ему однозначность, обрасти множеством стилистических примет, приобрести экспрессивные оттенки значения...» [Ошеева 2004: 24].

Общественно-политическая лексика также неоднородна в своём составе. В данной подсистеме может быть выделена собственно политическая лексика и потенциально политическая лексика (например, лексика общего словарного запаса, языковые явления, носящие характер лозунговых слов и т. д.) [Крючкова 1989: 18].

Следующее отличие ОПЛ от ОПТ заключается в степени мобильности единиц данных образований. Общественно-политическая терминология достаточно устойчива, что отчасти может быть объяснено длительностью формирования новых социальных и политических понятий. ОПЛ же является чрезвычайно мобильной, так как быстро меняющаяся политическая жизнь общества диктует необходимость столь же быстрой смены именованных соответствующих социально-политических понятий и явлений. Следует также отметить, что имеет место варьирование степени подвижности единиц ОПЛ, которая, в свою очередь, представляет собой совокупность различных ТГ и лексических подмножеств. Так, для лексем, именуемых учреждения, организации (например, *Государственная дума*), характерна значительно меньшая мобильность, чем для единиц, называющих понятия и реалии, относящиеся к различным общественным системам [Крючкова 1989: 24].

Ко всему прочему, ОПЛ и ОПТ тесно взаимосвязаны в том плане, что общеизвестная часть социально-политической терминологии вследствие социальных факторов зачастую детерминологизируется, тем самым пополняя состав общественно-политической лексики. Возможен и другой вариант развития событий, когда «некоторые общественно-политические термины расширяют сферу своего функционирования, что приводит к возникновению ОПЛ с идентичным планом выражения и несколько видоизменённым планом содержания» [Крючкова 1989: 23]. В свою очередь, общественно-политическая лексика в результате сужения сферы первоначального использования, сопровождающегося номинативной специализацией, переходит в состав общеизвестной ОПТ.

В настоящей работе единица анализа идентифицируется как общественно-политический термин (составное общественно-политическое терминологическое наименование) в случае соответствия следующим критериям: 1) функционирование в специальном тексте (политические программы, манифесты, открытые письма, воззвания и т. д.), 2) наличие идеологизированности [Крючкова 1989: 14], 3) выполнение дефинитивной функции в тексте, 4) номинативная специализация на объективацию конкретного понятия в рамках отдельной отрасли знания. Тем не менее, «когда политический термин становится общепотребительным, то определение того, является ли он термином или нет в каком-либо контексте, представляется довольно затруднительным» [Ошеева 2004: 24]. Анализируемая лексема определяется соответственно как общественно-политическая при несоответствии 3-му

и 4-му критериям (первые два критерия являются нерелевантными для ОПЛ и поэтому не позволяют дифференцировать ОПЛ и ОПТ). К тому же термин может оставаться таковым и при употреблении в текстах неспециального характера (художественная литература, публицистика, периодическая печать и т. д.) при условии отсутствия коннотаций и с целью создания определённого стилистического эффекта (в таком случае возможно совмещение собственно дефинитивной функции со стилистической функцией).

Ещё одним важным для данного исследования вопросом является вопрос о структуре терминологического и лексического значений. В традиционном понимании терминологическое значение лишено каких бы то ни было экспрессивных, эмотивных и оценочных созначений. Но, как отмечалось выше, структура значения общественно-политического термина качественно отлична от структуры значения, например, термина прикладной физики. Общественно-политический термин, являясь основным средством политической пропаганды и агитации, несёт на себе колоссальную нагрузку по доведению до масс населения позиции той или иной политической силы. А.М. Селищев отмечал, что «партийная агитация, пропаганда, устная и печатная, воздействуют на население...» [Селищев 1928: 97]. Такое воздействие, как полагают Т.Б. Крючкова, Т.С. Коготкова и др. исследователи, не может быть достигнуто использованием одного лишь «сухого» семантического наполнения денотативного содержания дефиниции термина. Любая политическая пропаганда всегда предполагает скрытое, а чаще явное оппонирование (на контрастной основе) другим политическим силам. Доведение до населения правоты своей позиции политические партии осуществляли путём указания на ошибки других политических сил в стране. Для системы языка, по мнению ряда учёных, это означает обязательное наличие оценочного, эмотивного и экспрессивного компонентов в значении тех единиц, посредством которых осуществляется политическая пропаганда и агитация, т. е. в значении терминов [Крючкова 1989; Коготкова 1975 и др.]. Тем не менее, мы считаем, что наличие коннотаций в структуре значения термина приводит к детерминологизации, к переходу специального наименования из подсистемы ОПТ в подсистему ОПЛ.

В процессе анализа выявленных политических терминов и лексем нами будет использоваться метод компонентного анализа, при котором выделяются денотативный и коннотативный блоки значения. Под денотативным содержанием лексемы мы будем, вслед за М.В. Никитиным,

понимать совокупность сем денотативного макрокомпонента, ориентированного на предметный и понятийный ряд [Никитин 1983: 3], под денотативным содержанием термина – его дефиницию.

В составе значения общественно-политической лексемы мы также, вслед за многими лингвистами [Воробьева 1999; Крючкова 1989; Голованевский 1986; Коготкова 1975 и др.], будем выделять коннотативный макрокомпонент значения, ориентированный на выражение такого отношения к действительности, которое основано на представлении о ценности обозначаемого (прагматическая, модальная, эмотивная, субъективно-оценочная и другая информация) [Воробьева 1999: 18].

Сам же вопрос о микрокомпонентах коннотации, их связи с денотативным содержанием лексемы является дискуссионным в языкознании.

С момента появления термина *коннотация* прошло больше века. В течение всего этого периода содержание понятия неоднократно менялось. В частности, одни лингвисты трактуют его вслед за Ш. Балли как *стилистическое созначение*, другие – как *стилистическое значение* [Винокур 2009; Скребнев 2003], *эмотивное значение* [Новиков 1982], *эмоциональные наслоения* [Шмелев 1977] и т. д. Коннотация, несмотря на свой, зачастую факультативный, характер, тем не менее, выполняет в структуре терминологического значения важную функцию синтеза и хранения сведений о мире и об отношении субъекта речи к обозначаемому.

В современной лингвистике в само понятие *коннотация* вкладывается различное содержание. Таким образом, можно выделить два основных подхода к истолкованию этого термина: широкий и узкий. Широкого подхода придерживаются такие исследователи, как В.И. Говердовский, Н.Г. Комлев и др. [Говердовский 1985; Говердовский 1979; Комлев 1964]. Так, Н.Г. Комлев считает, что коннотация – это «семантическая модификация значения, включающая в себя совокупность семантических наслоений, чувств, представлений о знаке, или о некоторых свойствах и качествах объектов, для обозначения которых употребляется данное слово-значение» [Комлев 1964: 108]. Он выделяет такие разновидности коннотации, как представление, чувство, культурный компонент, компонент поля, уровень знаний, мировоззрение.

Исследования В.И. Говердовского базируются на взглядах Н.Г. Комлева, который, в свою очередь, выделил пять типов коннотации: эмоционально-оценочный, тематический, историко-языковой, историко-культурный, которые подразделяются на подтипы [Говердовский 1985].

Ю.Д. Апресян под коннотациями лексемы понимает «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ей понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995: 159].

Узкое понимание коннотации получило большее распространение [Арнольд 1970; Молотков 1977; Телия 1986; Шаховский 1982; Шаховский 1984; Шаховский 1983; Шаховский 1994, Харченко 1983 и др.]. Данная точка зрения наиболее полно и последовательно отражена в работах И.В. Арнольд, Л.М. Васильева и Г.Ф. Аглетдиновой [Арнольд 1966; Арнольд 1964; Арнольд 1970; Васильев 1996; Васильев 1997; Аглетдинова 1996]. В состав коннотации данные исследователи включают эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты.

Мы же под коннотацией будем понимать совокупность добавочных семантических или стилистических оттенков, накладывающихся на основное (денотативное) значение общественно-политической лексемы. Коннотация – это вся совокупность той информации, которая выражает отношение говорящего (слушающего) к объекту из реального мира.

В подавляющем большинстве случаев неотъемлемым компонентом значения общественно-политической лексемы является оценка. Некоторые лингвисты считают, что оценочный компонент обязателен для терминологического значения. Так, Т.Б. Крючкова пишет, «что у большинства общественно-политических терминов наличествует оценочный компонент значения» [Крючкова 1989: 110]. Говоря о терминологии, мы придерживаемся позиции, согласно которой наличие коннотаций переводит термин в разряд общеупотребительной лексики.

Выделяя оценочный компонент в составе значения лексем, мы дифференцируем понятийную оценку и коннотативную оценку. Вопросы теоретического обоснования разграничения лексики общественно-политической сферы с понятийным оценочным содержанием и с оценочными коннотациями достаточно детально и глубоко проанализированы в диссертационном исследовании А.А. Карамовой и в монографии О.И. Воробьевой [Карамова 2001; Воробьева 2000]. Таким образом, мы считаем нецелесообразным пересказывать уже изложенную историю разработки данной проблемы. Остановимся лишь на ключевых характеристиках рациональной и эмоциональной оценки. Рациональная оценка «основана на логических суждениях о ценности предмета, тогда как вторая (эмоциональная – пояснение наше – А.З.) сопряжена с выражением

эмоционального отношения к объекту» [Карамова 2001: 51]. В итоге два типа оценки разграничиваются по способам выражения, по выполняемым функциям и по месту в семантической структуре слова. Так, рациональный оценочный компонент входит в состав денотативного макрокомпонента значения, а эмоциональный оценочный компонент является составной частью коннотативного блока значения [Карамова 2001: 51; Воробьева 2000: 54]. Основным свойством эмоциональной оценки принято считать её воздействующий потенциал. В языке политики «оценочность играет ведущую роль и осуществляется на уровне абсолютной рациональной оценки» [Воробьева 2000: 51].

Приведём в качестве наглядного примера два предложения из работы В.И. Шаховского: «Anarchist is a person who wishes to overthrow all established governments» и «You're an anarchist!» he said, his eyes full of hate» [Шаховский 2008: 72]. В.И. Шаховский следующим образом комментирует данные предложения: «в первом примере слово anarchist употреблено для обозначения денотата (понятие об анархисте), а во втором – для выражения эмоционального отношения к конкретному референту, поэтому во втором случае за счёт... контекста и эмоциональной ситуации то же самое слово становится средством эмоционально-оценочной номинации (обозначение + эмоциональное отношение)» [Шаховский 2008: 72]. Таким образом, в первом же примере, где приводится определение слова anarchist, «более яркое логико-предметный компонент значения», и в данном случае можно говорить о наличии рациональной оценки, локализуемой в околоядерной части денотативного макрокомпонента [Шаховский 2008: 72]. Во втором же примере в структуре значения рассматриваемого слова актуализируется сема отрицательной эмоциональной оценки.

В целом же при необходимости разграничения понятийной и эмоциональной оценочности следует учитывать зачастую сильные межкомпонентные связи в структуре значения лексемы, когда имеет место взаимная детерминация макрокомпонентов лексической структуры. Так, наличие понятийной оценки в общественно-политической лексеме нередко приводит к актуализации эмотивной оценки в составе коннотативного блока значения. Обусловлено это тем фактом, что логическое суждение о ценности того или иного предмета нередко совпадает с индивидуально-личностным отношением к данному предмету, что, в свою очередь, следует из общечеловеческой гуманистической ценностной картины мира (с определенным допуском на межнациональное варьирование).

Рассмотрим ещё один пример. Термин *тирания* определяется как 'образ правления, поддерживаемый насилием' [Битнер: 810]. Понятийные семы негативного характера ('поддерживаемый' 'насилием') свидетельствуют о наличии в приядерной части денотативного блока значения анализируемого термина семы отрицательной рациональной оценки. Выявленный микрокомпонент оценки идентифицируется нами именно в качестве рационального на основании наличия логического суждения (отраженного в понятийной семантике слова) о негативном характере понятия, номинируемого рассматриваемым термином, а также потому, что, употребляясь в семантически нейтральном контексте (например, в составе дефиниции), данный термин будет лишён воздействующего потенциала, что указывает на отсутствие эмоциональной оценки. При других же условиях контекстного окружения (семантически негативный фон) возникает вероятность актуализации коннотативной (эмоциональной) оценки, и в этом случае термин *тирания* детерминологизируется и перейдёт в разряд общеупотребительной общественно-политической лексики. Анализ семантической структуры наименований рассматриваемых ТГ выполнен в данной работе в соответствии с вышеизложенной точкой зрения на соотношение понятийной и коннотативной оценки.

В лингвистике существует мнение, согласно которому процессы номинации и оценивания являются одновременными: «люди понимают и чувствуют одновременно, т. е. оценивают и переживают эту оценку, выражают её (через коннотацию) одновременно с названием (через денотацию) объекта оценки...» [Шаховский 2008: 72]. В итоге некоторые языковеды приходят к мнению, что не оценочная лексика – это научная фикция, а «каждое слово имеет эмотивный аспект», выраженный через соответствующий микрокомпонент значения (пусть даже и потенциальный) [Блакар 1987: 96].

Учитывая социолингвистический характер проводимого исследования, отметим существенное влияние контекстного окружения на микрокомпонентный состав значения общественно-политического термина либо лексемы. Факт контекстуально детерминированного варьирования семного состава значения лексической единицы (актуализация/деактуализация понятийных, а чаще коннотативных сем, сверхактуализация уже имеющих сем, явления микрокомпонентного перераспределения и т. д.) является признанным в современной лингвистике и подтверждается исследованиями лексикологов [Пелевена 1983;

Черемисина 1991; Говердовский 1984; Баскакова 1998; Москович 1998; Воробьева 1999; Воробьева 2000; Крючкова 1989 и др.]. В связи с этим Т.Б. Крючкова полагает, что «основным принципом изучения ОПТ и ОПЛ... является... учёт широкого социального контекста» [Крючкова 1989: 30], причём под ним понимается привлечение к рассмотрению социальной действительности, то есть проведение анализа политической ситуации, расстановки политических сил в тот временной период, в котором исследуется функционирование рассматриваемого слова [Крючкова 1989: 31]. В.И. Шаховский отмечал, что «коннотация слова может быть и контекстуальной, обусловленной ситуацией...» [Шаховский 2008: 68]. Р.М. Блакар утверждал, что «слова частично меняют своё значение и содержание, поскольку употребляются в постоянно меняющихся комбинациях и контекстах» [Блакар 1987: 98]. О.И. Воробьева придерживается точки зрения, согласно которой необходимо различать «коннотацию, присущую слову, и текстовую коннотацию, которую приобретает слово за счёт текстового окружения» [Воробьева 2000: 59]. Таким образом, в данном исследовании мы будем выявлять контекстуально обусловленные изменения в семантике анализируемых единиц (а в соответствии с этим – и контекстуально детерминированные изменения системных связей лексем), опираясь на общий семантический фон контекста, привлекая методы анализа словарных дефиниций и компонентного анализа.

1.3. Проблемы изучения терминов в лексической системе языка

Объектом изучения в данной работе является лексика и терминология общественно-политической сферы русского языка начала XX века. Тематика работы подразумевает рассмотрение проблем теории терминологии и вопросов исторической лексикологии. Исходя из этого, в процессе исследования мы основывались не только на трудах по терминологии, но и на работах по исторической лексикологии к. XIX – начала XX вв. (Ю.С. Сорокин, В.В. Виноградов, В.В. Веселитский, Ю.А. Бельчиков, Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев и др.).

Исследование фактического материала невозможно без рассмотрения спорных вопросов терминологии как раздела языкознания (лексикологии), изучающего термины и терминосистемы [418, т. 1: 482]. В современной лингвистике существует немалое количество обзорных работ [Лейчик 2000; Лейчик 1990; Лейчик 1986; Кузькин 1962; Морозова 2004; Даниленко 1977 и др.]. Обозначим наши позиции в трактовке ключевых проблем терминологии.

1. Сущность термина. Вопрос о природе термина, его свойствах, структуре обсуждался в лингвистике с того времени, когда наука обратила внимание на наличие в языке специальных слов и специальных составных наименований, ограниченных в сфере своего употребления и доступных для понимания специалистам соответствующих областей знаний [Лотте 1971; Лотте 1982]. В ходе решения данной проблемы терминоведы разделились на два лагеря, отстаивая, соответственно, два различных подхода. Так, одни исследователи, отмечая функционально-семантическое сходство термина и слова, считают, что термин – это единица лексического яруса языка, а «терминология является подсистемой лексики литературного языка» [Палютина 2002: 86; Мельников 1991; Морозова 2004; Лейчик 1986], другие же, напротив, признавая наличие у терминов фонетических, морфологических, лексических, словообразовательных признаков единиц того или иного естественного языка, указывают на явную специфику их семантической структуры и функционирования в языке, на основании чего термины и терминология в целом выводятся за границы лексики литературного языка [Толикина 1971; Капанадзе 1965; Суперанская 1989; Васильева 1983].

Некоторые учёные в ходе решения данной проблемы высказывают мнение о том, что «естественной средой для терминологии... является самостоятельная функциональная разновидность общелитературного языка, традиционно именуемая языком науки» [Даниленко 1977: 8]. Несомненно, данная точка зрения имеет право на существование, тем не менее, остаётся неясным ряд вопросов, касающихся функционирования терминов в языке. На наш взгляд, неоправданным является сужение сферы использования терминологических единиц до рамок языка науки, так как существует большое количество широко распространённых в литературном языке специальных наименований, значение которых понятно подавляющему большинству носителей языка (например, общественно-политическая терминология). Поэтому при определении места терминологии в системе языка мы будем руководствоваться специфическими особенностями самих терминов.

Тесная связь слова и термина, постоянно происходящие в языке процессы терминологизации и детерминологизации не позволяют говорить о терминологии вне рамок лексики литературного языка. На основании этого целесообразно, по нашему мнению, рассматривать терминологию как особую подсистему лексики литературного языка.

Долгое время в лингвистике считалось, что та или иная единица специальной лексики может быть определена как термин лишь в случае соответствия определённым критериям (например, системность, наличие дефиниции, отсутствие коннотаций и др.).

Подобные критерии, несомненно, могут иметь место, но лишь в том случае, когда речь идёт о термине, взятом изолированно от сферы его употребления (например, термины в специальных терминологических словарях будут в подавляющем большинстве случаев полностью отвечать всем данным критериям). В условиях реального использования терминов в текстах данные единицы языковой системы проявляют свойства обычных ЛЕ: им свойственны системные отношения (синонимия, антонимия, омонимия, гиперо-гипонимия); полисемия, наличие коннотации и экспрессивности. То есть «однозначным и нейтральным термин мыслится, скорее, в теории; в живом же функционировании термин то обнаруживает старые (этимологические), то развивает новые (социальные, эмоциональные) оттенки» [Брагина 1981: 38]. Несоответствие между требованиями к терминам и действительными характеристиками этих единиц долгое время вызывало оживлённые дискуссии среди терминоведов, хотя ещё Г.О. Винокур писал, что «термины – это не особые слова, а только слова в особой функции» и любое слово может использоваться как термин [Винокур 1939: 5].

Таким образом, термин – это единица особого рода, совмещающая в себе так называемый «языковой субстрат» и собственно терминологическую сущность, «т. е. способность оптимально выполнять функцию обозначения специального общего понятия в системе понятий известной специальной области знаний или деятельности» [Лейчик 2000: 21]. Сам термин «языковой субстрат» применительно к вопросам терминологии впервые был употреблён В.М. Лейчиком. Интересно в данном случае то содержание, которое было вложено в него исследователем. В собственно лингвистическом аспекте «субстрат» – это некая реальная языковая основа, база какой-либо единицы или образования. В данном понимании В.М. Лейчик не использует этот термин. Ему ближе трактовка, которая дается в рамках естественных наук: «в понимании субстрата мы здесь следуем не лингвистической традиции, а скорее использованию этого понятия в микробиологии; субстраты – питательные среды для развития микроорганизмов» [Лейчик (II) 1986: 89]. Такое понимание природы термина, несомненно, позволяет избежать слишком прямых отождествлений слова и термина, либо противо-

поставления «термин – слово». Связь между ЛЕ и термином несомненна, но эта связь носит характер логической производности [Лейчик (II) 1986: 91].

Различные подходы к исследованию терминов обусловили отсутствие единого определения термина (например: [Капанадзе (I) 1965: 86], [Канделаки 1977: 7], [Галкина-Федорук 1954: 117], [Суперанская 1989: 14], [Лейчик (II) 1986: 95] и т. д.).

Мы же под термином будем понимать «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [ЛЭС: 508].

2. Вопрос о классификации специальной лексики. Проблема соотношения специальной и общеупотребительной лексики в системе языка является одной из самых спорных в современном терминоведении. Нерешённым является также и вопрос о составе специальной лексики (см., например, работы А.В. Суперанской, З.И. Комарова).

Говоря о специальной лексике, подчеркнём, что, на наш взгляд, неверным явилось бы отнесение к ней всего того, что не является общелитературной лексикой. Речь здесь идёт, в первую очередь, о диалектной лексике, архаизмах, неологизмах, аргю, жаргонизмах.

Специальная лексика языка – это совокупность ЛЕ, объединённая на основе общности функционально-семантических свойств и ограниченная в своём употреблении рамками той или иной специальной отрасли знания. Неоднородность данной лексики ни у кого из лингвистов сомнений не вызывает. Предмет оживлённых дискуссий составляет вопрос о составе и количестве отдельных подгрупп специальной лексики [Абенгауз 1968; Шелов 1984 и др.].

Как правило, большинство исследователей в составе специальной лексики выделяет терминологию, профессиональную лексику и номенклатуру. Однако выделение данных группы специальной лексики ещё не говорит об их «автономности», самостоятельности. К примеру, наличие таких общих черт профессиональной лексики и терминологии, как «специализация значения и образование на этой основе особых, отличных от общезыковых лексико-семантических систем, ограничение и количества употребляющих данные языковые единицы в данном значении, и сферы их употребления...» [Шелов 1984: 77] является основой широко распространённого мнения, согласно которому терминология и профессиональная лексика не дифференцируются.

Так, Н.М. Шанский отмечает, что терминология и профессиональная лексика – это полностью идентичные, совпадающие по своим характеристикам, свойствам и качествам классы слов и словосочетаний: «профессионализмы обозначают специальные понятия <...>. Поэтому их называют иногда специальными словами или специальными терминами» [Шанский 1972: 124]. Подобной точки зрения придерживаются и многие другие языковеды [Кузнец 1960; Ахманова 1957; Розенталь 1977].

Разграничивая профессиональную лексику и терминологию, разные исследователи основываются на различных критериях. Всё многообразие мнений по этому вопросу может быть сведено к двум главным основаниям дифференциации вышеуказанных типов специальной лексики: 1) учёт временных и культурно-исторических аспектов и 2) наличие официального статуса.

По первому критерию терминология и профессиональная лексика разграничивались в трудах таких исследователей, как М.Д. Степанова, И.И. Чернышева, В.Н. Портянникова и др. [Шелов 1984: 78]. В рамках данного подхода признавалось вытеснение профессиональной лексики терминологией на стадии развития крупного машинного производства. Таким образом, поля терминологической и профессиональной лексики дифференцировались на основании разного времени их формирования и, следовательно, невозможности интерференции в условиях синхронного среза [Шелов 1984: 77-79]. Так, В.Н. Портянникова считает, что «терминология – это специальная лексика современной науки и техники. Профессиональная лексика – это лексика, развившаяся и достигшая расцвета в период ремесленного производства...» [Шелов 1984: 78].

Такая трактовка соотношения профессиональной лексики и терминологии была подвергнута обоснованной критике. С.Д. Шелов пишет о том, что «исторические данные... ставят под сомнение положение о том, что профессиональная лексика более архаична, чем терминологическая» [Шелов 1984: 80]. По его мнению, специальные наименования тех или иных понятий (в частности лексика трудовой деятельности) всегда предшествуют профессионализации труда. Из этого следует, что термины древнее профессиональной лексики [Шелов 1984: 80].

Таким образом, «временной» критерий разграничения профессиональной лексики и терминологии представляется несостоятельным, так как его учёт не позволяет определить внутриязыковые различия между рассматриваемыми классами слов и словосочетаний.

Второй критерий дифференциации профессиональной лексики и терминологии используется в работах А.В. Калинина, Н.С. Араповой и др. исследователей. Так, А.В. Калинин считал, что термин противопоставлен профессионализму как обозначение официальное, устоявшееся, общепринятое названию неофициальному, не являющемуся строгим научным обозначением понятия [Калинин 1978: 140].

Схожую позицию обнаруживаем и в работе Л.С. Абенгауза, который в составе специальной лексики выделял три группы: термины, профессионализмы и сленгизмы. Первую группу специальной лексики (термины) автор статьи противопоставлял двум другим группам как стилистически нейтральную и официальную неофициальным. Профессионализмы и сленгизмы определяются в его работе как маркированные группы слов, ограниченные в своём употреблении границами того или иного профессионального сообщества. Профессионализмами он называет неофициальные, но общепринятые специалистами данной отрасли общепотребительные разговорные специальные слова. Под сленгизмами Л.С. Абенгауз понимает фамильярно-разговорные, не являющиеся общепотребительными специальные слова [Абенгауз 1968].

В данной работе объектом исследования является исключительно общественно-политическая лексика и терминология. В решении же вопроса о дифференциации собственно терминологической лексики от лексики профессиональной мы исходим из того, что «профессионализмы выступают обычно как дублиеты научных и технических терминов» и что их, как правило, отличает «некоторая живописность, образность» [Капанадзе (II) 1965: 82].

Другой вопрос при структурировании специальной лексики связан с определением статуса номенклатуры. Данная проблема также неоднократно поднималась в лингвистике [Винокур 1939; Комарова 1991: 8; Лейчик 1974: 20-21].

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой в состав номенклатуры и терминологии могут входить одни и те же обозначения. Однако, по нашему мнению, недопустимо полное отождествление терминологии и номенклатуры, как это имеет место в некоторых современных справочниках, терминоведческих работах и т. д. Ср., например, как толкуется термин *номенклатура* в энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий: 'совокупность терминов, терминологических наименований, используемых в определённой области знания' [418: 416].

Таким образом, под номеном, на наш взгляд, следует понимать слово, именуемое конкретные объекты, которыми занимается та или иная наука. Система номенов обычно сопутствует научной терминологии. Основное назначение номенов – «быть названием обобщённого предмета как типичного представителя именуемого класса» [Суперанская 1989: 35]. Мы разделяем точку зрения А.В. Суперанской, которая считает, что «термин, лишь соотносясь с понятием, называет предмет, а номен, лишь соотносясь с предметом, получает связь с понятием, обычно – с понятием ближайшего родового термина» [Суперанская 1989: 35].

3. Проблема синонимии и антонимии в терминологии. Главными аспектами в нашей работе являются семасиологический и функциональный. Анализ лексики и терминологии в вышеуказанных аспектах предполагает учёт системно-структурных особенностей бытования той или иной терминологической или лексической единицы. Именно поэтому крайне важным является рассмотрение вопроса о системных отношениях в терминологии.

В первых работах по терминологии [Лотте 1982; Лотте 1971 и др.] считалось, что термин не имеет системных связей. Однако в дальнейшем целый ряд научных исследований, основанных на анализе большого фактического материала, показал обратное. Выяснилось, что термин, функционально отличаясь от слова, содержит в себе языковую основу, которая и позволяет ему вступать в отношения синонимии, омонимии, антонимии, характеризоваться наличием полисемии [Даниленко 1977; Коготкова 1971; Авербух 1986 и др.]. Данные последующих исследований лишь углубили представления о специфике функционирования терминов в языке.

В целом в вопросе о системных отношениях в терминологии выделяется два основных подхода. При первом подходе исследователи говорят о специфической природе системных отношений в терминологии [Толикина 1970: 61; Крыжановская 1985: 17-18; Авербух 1986: 39].

Рассмотрим данную проблему на примере синонимии и антонимии.

Исследование фактического материала показывает наличие в языке целых рядов терминов и терминологических наименований, соотносимых с одним и тем же объектом (напр.: *строй, устройство, государственный строй, государственное устройство, режим* и т. д.). Возникает вопрос: почему данный ряд терминов не может быть назван синонимическим? Ведь вышеперечисленные наименования, несомненно, находятся между собой в парадигматических отношениях; имеет место диф-

ференциация микрокомпонентов рациональной оценки значений терминов (термины *строй* и *режим*). И, тем не менее, лексикологи указывают на специфический характер данного типа системных отношений в терминологии. Исследователи, придерживающиеся первого подхода к вопросу о синонимии в терминологии, приводят следующие аргументы в защиту своей точки зрения. Во-первых, они считают, что следует разграничивать вопросы образования синонимов в общелитературном языке и вопросы появления аналогичных единиц в терминологии. Как известно, синонимы в общелитературном языке появляются и функционируют как стилистически, эмоционально-экспрессивно дифференцированные наименования одного объекта. Выбор того или иного синонима определяется конкретной речевой ситуацией. В терминологической же системе появление различных наименований, соотнесённых с одним и тем же объектом, объясняется не желанием разнообразить набор языковых средств сообразно с возможными типами речевых ситуаций, а наличием множества научных концепций, вносящих в терминологическую систему «ту стихию, при которой общее её состояние характеризуется серийностью знаков, соотнесённых с одним обозначаемым» [Толикина 1971: 86]. Это, конечно же, не единственный путь, порождающий в терминосистемах дублетность.

Краеугольным камнем идеи отсутствия в терминологии синонимии как таковой является утверждение того, что термин является языковым знаком интеллектуального содержания и не может одновременно выполнять эмоционально-экспрессивную функцию. Это близко к действительности, поскольку любая область научного знания предполагает интеллектуальность аргументов, а не эмоции. Термин как раз и выполняет функции номинации в системе специального научного знания. Е.Н. Толикина отмечает по этому поводу, что вне зависимости от общего количества в терминосистеме идентичных по соотношению с обозначаемым объектом знаков, все данные термины «по объективным причинам не могут быть противопоставлены друг другу признаком наличия или отсутствия эмоционально-экспрессивной значимости. Все они в одинаковой мере нейтральны и интеллектуальны, хотя и не всегда одинаково удовлетворяют требованию точности» [Толикина 1971: 88].

Принимая во внимание тот факт, что термин характеризуется отсутствием коннотаций, мы считаем целесообразным говорить не о собственно синонимии, а о квазисинонимии. Т.Б. Крючкова в своих исследованиях, отмечая существование идеологически обусловленной сино-

ними в области ОПТ, указывала, что данный тип системных отношений (применительно к ОПТ) правильнее было бы именовать как-нибудь по-другому: «... строго говоря, их (идеологически обусловленные синонимы – уточнение наше – А.З.) следовало бы именовать не синонимами, а как-то иначе» [Крючкова 1989: 117]. Таким образом, в ходе анализа мы будем дифференцировать термины-дублеты и квазисинонимы.

Согласно второй точке зрения, терминам свойственны системные отношения [Котелова 1970; Красней 1975; Суперанская 1989; Реформатский 1986 и др.].

Так, ещё А.А. Реформатский считал факт наличия синонимии в замкнутых терминосистемах бесспорным [Реформатский 1986]. В.П. Красней, признавая синонимию в терминологии явлением вредным, тем не менее, констатирует тот факт, что «до настоящего времени во всех терминологических системах продолжают функционировать термины-синонимы» [Красней 1975: 196]. По его мнению, явление синонимии широко распространено в терминологии и представляет собой результат знаковой избыточности, так как термины-синонимы соотносятся с одним понятием, на основании чего и могут характеризоваться полной однозначностью и возможностью равноценной контекстуальной субституции.

Несколько иную трактовку синонимии находим в работе Н.З. Котеловой, которая отмечает возможность использования терминов-синонимов для номинации не абсолютно идентичных и полностью взаимозаменяемых понятий, но и для называния близких, сходных, но не равноценных понятий. Исследователь также указывает на функционирование в терминосистемах терминов-синонимов, используемых со стилистической, эвфемистической целью в тех случаях, когда имеет место соотношение с одним и тем же понятием [Котелова 1970: 122-123].

Специфическим в терминологии является и явление антонимии. Как известно, в лексикологии под антонимами принято понимать «слова одной части речи, имеющие противоположные значения» [ЛЭС: 36]. Несмотря на значительное количество работ, посвящённых исследованию данного типа системных отношений, в языкознании нет единого понимания сущности антонимии. Не ставя себе целью изложение истории вопроса об исследовании антонимических отношений, для нас крайне важно разграничить антонимию и сходные с ней явления, а также показать специфику проявления рассматриваемого типа системных отношений в терминологии. Так, Л.А. Новиков отмечал, что «логическая модель противоположности конкретизируется в языке: она становится

моделью антонимии у слов, обозначающих качество или выражающих противоположную направленность действий, состояний, признаков и свойств» [Новиков 1982: 246]. Подобное понимание глубинной сущности антонимии в совокупности с принятием во внимание «природы и характера самих лингвистических объектов, образующих в языке оппозиции» необходимо для дифференциации собственно антонимических отношений и сходных с ними противопоставлений, не образующих антонимических пар [Новиков 1982: 246]. Мы считаем, что термины в силу своей специфической природы (изначальная номинативная специализация; как правило, отсутствие двух полностью идентичных объектов номинации, обуславливающее несовпадение компонентного состава значения и дефиниции соответствующих терминов и т. д.) неспособны образовывать точные антонимические пары. Именно поэтому в нашем исследовании противопоставления наименований типа *социалистический строй – буржуазный строй* мы будем квалифицировать как квазиантонимы. Под квазиантонимами нами понимаются «семантически неоднородные, несоразмерные, несимметричные лексические единицы» [Новиков 1982: 255]. Следует также отметить, что далеко не все лексикологи говорят о специфике антонимии в терминологии (см., например, работы Е.В. Коровушкиной).

Ещё одним типом системных отношений в терминологии является полисемия, под которой обычно понимается наличие у термина более одного значения [Суперанская 1989]. Однако в данном вопросе существует и другая точка зрения. Так, К.Я. Авербух, признавая факт наличия системных отношений в терминологии, считает выделение полисемии необоснованным: «полисемии в сфере терминов в собственном смысле нет» [Авербух 1986: 39]. Исследователь приходит к подобному выводу на основе данных анализа обширного фактического материала. Он отмечает, что для полноценного выполнения своей коммуникативной задачи термин должен характеризоваться наличием не более одного значения в рамках одного употребления. Всё, что не подпадает под это правило, трактуется как «явление его (термина – дополнение наше – А.З.) неверного употребления, а отнюдь не как возможное его свойство (полисемичность)» [Авербух 1986: 39].

В.П. Даниленко, рассматривая вопросы системных отношений в терминологии, признает сам факт функционирования в языке терминов, имеющих более одного значения. Причина этого кроется, по мнению учёного, в детерминации значения термина рядом факторов.

Во-первых, семантическое наполнение того или иного термина определяется фактическим содержанием понятия, объективируемого данным термином. Во-вторых, микрокомпонентный состав значения термина также зависит от того субъективного начала, которое привносится лицом, «уточняющим границы содержания специального понятия, именуемого тем или иным термином» [Даниленко 1977: 58]. Из этого следует, что явление терминологической полисемии, определяясь закономерностями развития языковой системы, не может трактоваться как научная фикция и, тем более, рассматриваться как нечто чуждое и вредное для терминологии в целом.

В итоге можно заключить, что термин, являясь словом в особой функции, способен вступать в разнообразные системные отношения, однако характер этих отношений применительно к той или иной терминосистеме качественно отличен от аналогичных отношений в общелитературном языке.

Выводы

Наиболее оптимальным способом систематизации и последующей репрезентации выявленной общественно-политической лексики является её представление в виде взаимосвязанных тематических групп. В нашей работе под ТГ понимается совокупность ЛЕ, в основе выделения которой лежит общая для данных единиц типовая ситуация или тема.

ОПЛ и ОПТ представляют собой две обособленные подсистемы; единицы, их образующие, отличаются в семантическом и в функциональном аспектах.

Общественно-политическую терминологию мы рассматриваем как особую подсистему лексики литературного языка, единицы которой номинативно специализированы на объективацию средствами языкового кода различного рода явлений, отношений, событий общественно-политической жизни общества.

По своему составу терминология общественно-политической сферы крайне неоднородна. В составе ОПТ выделяется узкоспециальная терминология, известная лишь небольшому кругу лиц-специалистов, и терминология общеизвестная, широко используемая в СМИ, в устной речи населения, в документах политических партий и т. д.

Общеизвестность большинства общественно-политических терминов и терминологических сочетаний является их функциональным признаком и не может свидетельствовать об их детерминализации.

Единица анализа идентифицируется как общественно-политический термин в случае соответствия следующим критериям: 1) функционирование в специальном тексте (политические программы, манифесты, открытые письма, воззвания и т. д.), 2) наличие идеологизированности, 3) выполнение дефинитивной функции в тексте, 4) номинативная специализация на объективацию конкретного понятия в рамках отдельной отрасли знания.

Общественно-политическая лексика является частью словаря общелитературного языка, лексические и фразеологические единицы которого, не имея абсолютного соотношения со специальными понятиями, характеризуются наличием исконных или приобретённых идеологизированных микрокомпонентов значения.

Общественно-политическая лексика также неоднородна в своём составе. В данной подсистеме может быть выделена собственно политическая лексика и потенциально политическая лексика (например, лексика общего словарного запаса, языковые явления, носящие характер лозунговых слов и т. д.).

Структура значения общественно-политического термина (либо терминологического сочетания) не полностью соответствует структуре значения лексемы общелитературного языка, в его составе выделяется только один макрокомпонент – денотативный. Наличие коннотаций переводит термин в разряд общеупотребительной лексики.

В структуре значения лексемы разграничивается понятийная оценка, локализуемая в околоядерной части денотативного макрокомпонента и являющаяся результатом логического суждения о ценности предмета номинации, и эмоциональная оценка, входящая в состав коннотативного блока значения.

Контекст оказывает значительное влияние на функционирование ОПЛ и ОПТ, приводит к изменениям в семантике анализируемых единиц (а в соответствии с этим – и к контекстуально детерминированным изменениям системных связей лексем).

Функционируя в языке, термины обладают признаками обычных ЛЕ: им свойственны системные отношения. Однако характер системных отношений качественно отличен от подобных отношений в системе общеупотребительной лексики. Поэтому применительно к терминам следует говорить не о синонимии и антонимии, а о квазисинонимии и квазиантонимии. Особенностью термина является его синтетический характер, заключающийся в неразрывном единстве общеязыковой

основы и терминологической сущности. Термин, представляя собой левую часть дефиниции, обозначает общее понятие специальной сферы, в правой же части определяются отличительные признаки данного понятия.

Состав специальной лексики является неоднородным. Как правило, в ней выделяются терминология, номенклатура и профессиональная лексика. Профессионализмы, обладая определённой образностью, обычно квалифицируются как дублиеты научных терминов. Номенклатура определяется как совокупность единиц языка, именующих конкретные объекты, которыми занимается та или иная наука. Система номенов обычно сопутствует научной терминологии.

Вопрос о синонимии в терминологии решается неоднозначно. В составе общественно-политической терминологии мы выделяем термины-дублиеты, выражающие идентичные значения, и квазисинонимы, характеризующиеся наличием дифференциаций в значениях.

ГЛАВА II

НАИМЕНОВАНИЯ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Объем монографии не позволяет рассмотреть всю совокупность лексем общественно-политической сферы, извлечённую методом сплошной выборки из различного рода источников. К тому же, как отмечалось ранее, существует немало работ, посвящённых исследованию языка политических документов РСДРП. Поэтому в нашей работе изучены наиболее актуальные для начала XX века общественно-политические лексемы и термины, извлечённые преимущественно из текстов большинства документов и других источников.

Цитируемые тексты воспроизводятся в исходной редакции.

Учитывая высокую степень внеязыковой обусловленности семантики общественно-политической лексики и терминологии, анализ исследуемых единиц по мере необходимости будет сопровождаться историческим комментированием.

В ходе анализа составных наименований мы применяли стандартизированную модель описания, подразумевающую использование одних и тех же словарей для определения значения каждого из слов-компонентов. Предпочтение в таких случаях отдавалось многотомным академическим словарям [БАСРЯ; ССРЛЯ; МАС] и словарям эпохи [НПСИС; Ушаков и др.]. В тех же случаях, когда один из компонентов составного (пусть даже и формально свободного) сочетания не фиксировался выбранным изданием, мы были вынуждены обращаться к другому словарю (напр., лексема *царствующий* в свободном наименовании *царствующий государь* отсутствует в 17-томном академическом словаре, но фиксируется в МАС).

Системные отношения единиц рассматриваемых ТГ исследуются в рамках отдельного параграфа настоящей главы. Такая подача материала позволяет в комплексе учесть весь объём разноплановых связей анализируемых наименований, получить представление о лексике и терминологии общественно-политической сферы как о подсистемах лексики общелитературного языка.

Вследствие несомненной экстралингвистической общности тематические группы «Наименования форм государственного устройства» и «Наименования форм общественного устройства» анализируются в рамках одной главы.

2.1. Наименования форм государственного устройства

Среди наиболее спорных проблем, обсуждавшихся в российском обществе в период с 1900 по 1917 г., были вопросы, касавшиеся будущего политического и общественного устройства нашей страны. Сложная общественно-политическая ситуация в России начала XX века способствовала появлению новых и актуализации ранее заимствованных политических лексем, терминов и составных наименований, обозначающих различные формы государственного устройства.

2.1.1. Родовые наименования форм государственного устройства

В качестве родовых выступают 7 наименований: *строй, государственный строй, политический строй, общественно-политический строй, государственное устройство, образ правления, форма государственности.*

Последовательность рассмотрения данных наименований определяется частотностью их использования в исследуемых текстах и, следовательно, их актуальностью для русского языка начала XX столетия.

Строй, государственный строй, политический строй, государственное устройство

Для наименования формы государственного устройства использовался термин *строй*, который мог употребляться не только в составе устойчивых терминологических сочетаний, но и отдельно. В рассмотренных нами текстах данное слово имеет значение 'политическое устройство' и выполняет номинативную и дефинитивную функции:

Ставя ближайшей целью своей деятельности борьбу за коренную демократизацию **строю** в рамках капиталистического общества, за республику демократическую, социалистические партии конечным идеалом своих стремлений выставляют республику социальную... [295: 5]; Разрушить современный **строй** Федерация (Федерация анархистов юга – уточнение наше – А.З.) предполагает путём прямого воздействия, т. е. постоянным террором, стачками и забастовками, экспроприациями, разрушением государственных учреждений, расшатыванием современных государственных устоев... [323: 392]; Яркая политическая окраска союзов, – яркая уже в силу контраста с юридической конструкцией современного **строю**, – в этом отношении приближает союзы к типу партий... [351, № 82: 5]. Во втором примере имеет место негативная понятийная семантика слов контекстного окружения (лексемы *разрушить, террор, стачки, забастовки, экспроприация*), но, тем не менее, актуализации отрицательных коннотаций не происходит, как и не происходит детерминации. Причина этого кроется в ослаблении воздействующей функции всего высказывания в результате имевшего место «вторичного» изложения (то есть, по сути, пересказа) взглядов радикальной политической организации – Федерации анархистов юга.

Достаточно частотными в текстах программных документов политических партий являются наименования *политический строй* и *государственный строй*. Так, в программе Радикальной партии находим следующее утверждение: *Партия признаёт наиболее законченной формой политического строя демократическую республику* [289: 84]. Из данного контекста совершенно очевидно, что терминологическое наименование *политический строй* понимается как общее (родовое) название конкретной формы правления в государстве – в данном случае республики. А республика, по словарю 1911 года, – это ‘форма государственного правления, при которой верховная власть принадлежит не наследственному правителю, а лицу или нескольким лицам, избираемым народными представителями или народом’ [НПСИС: 414-415]. Само же терминологическое наименование *политический строй* образовано на базе сочетания прилагательного *политический* и существительного *строй*. Слово *политический* имеет значение ‘государственный, граждански-правовой’ [Ушаков, т. 3: 523]. Таким образом, значение анализируемого сочетания может быть сформулировано как ‘государственное устройство’. В вышеприведённом контексте анализируемое сочетание выполняет дефинитивную и номинативную функции.

Наименование *государственный строй* состоит из двух слов: прилагательного *государственный* и существительного *строй*. *Государственный* – значит ‘относящийся к государству’, а *государство* – это ‘страна и её население, находящиеся под властью определённого правительства’ [ССРЛЯ, т. 3: 338]. *Строй* – это ‘система общественного, государственного устройства’ [ССРЛЯ, т. 14: 1067]. Таким образом, в текстах анализируемых программных документов политических партий значение терминологического наименования *государственный строй* может быть определено как ‘политическое устройство страны, находящейся под властью определённого правительства’: <...> *в наш государственный строй вводится новое начало – начало конституционной монархии* [243: 182]. В данном контексте анализируемое сочетание выполняет номинативную и дефинитивную функции.

Употребляясь в различных контекстах, рассмотренные выше родовые наименования форм государственного устройства имеют идентичные (но не совпадающие по объёму) значения, то есть являются квазисинонимами. Наличие системных отношений (в том числе и квазисинонимии) свидетельствует о функционировании общественно-политической лексики и терминологии как автономных системно-структурных образований в русском языке начала XX века.

Функционирование же составных наименований обусловлено, вероятно, необходимостью разнообразить набор лексических средств родового именования формы государственного устройства. О.И. Воробьева, рассуждая о составных наименованиях, в которых в качестве присловного распространителя используется относительное прилагательное, отмечала две функции таких прилагательных: 1) функция спецификации (идентификации), когда, например, относительное прилагательное выступает в роли видового классификатора, и 2) эллиптическая функция, подразумевающая «возможность относительного прилагательного обозначать «свёрнутую информацию» (Л.П. Катлинская) за счёт его семантического объёма» [Воробьева 2000: 73]. В нашем случае, скорее всего, прилагательные *государственный* и *политический* в составе рассмотренных выше составных наименований выполняют функцию идентификации.

В анализируемых текстах программных документов терминологическое наименование *государственное устройство* имеет значение ‘политический строй, форма организации государства’: *Единомыслие в признании конституционной монархии наиболее соответствующей для*

России формой государственного устройства и взаимодействие на основах свободы и проведения реформ эволюционным путём должно служить главным началом деятельности союза [281: 87]. В данном контексте исследуемое сочетание выполняет номинативную и дефинитивную функции. Словарями XIX в. – нач. XX в. слово *устройство* в значении ‘государственный строй’ не фиксируется. Вне составного наименования данный термин в указанном выше значении не употреблялся. Так, например, в программе Народно-социалистической партии слово *устройство* имеет значение ‘организация, упорядочение чего-либо’: <...> *партия будет добиваться созыва учредительного собрания, которое <...> обладало бы всю полноту власти для устройства политической и социальной жизни страны [284: 148].*

Анализ употребления терминологических наименований со словами *устройство* и *строй* в текстах политических документов показал значительное преобладание сочетаний со словом *строй* (более 40 употреблений), в то время как наименование *государственное устройство* встретилось лишь несколько раз в программах Партии демократических реформ, Партии правого порядка и Партии прогрессистов. Высокая частотность употреблений термина *строй*, а также терминологических сочетаний с этим словом указывает на востребованность данных наименований в языке начала XX века, на явную актуальность и значимость для носителей языка понятий, выражаемых этими терминами. По наблюдениям Ю.С. Сорокина, слово *устройство* активно использовалось в русском языке первой половины XIX века. С 60-х же годов XIX века в общем значении ‘устройство’ стало употребляться слово *строй*, которое было «более влиятельным и, во всяком случае, более терминологизированным, чем его общий синоним «устройство» [Сорокин 1965: 511-512]. Тенденция постепенной архаизации слова *устройство*, отмеченная Ю.С. Сорокиным для второй половины XIX века, получила своё развитие в начале XX века. Функционирование в русском языке второй половины XIX века двух общественно-политических терминов-дублетов, именующих общее название политического устройства государства, являлось, вероятно, избыточным, что, в свою очередь, могло привести к необходимости их семантической дифференциации. Результатом данного процесса в начале XX века явилась, на наш взгляд, практически полная детерминологизация политического термина *устройство* в значении ‘государственное устройство’, о чём свидетельствуют немногочисленные примеры его употреблений в текстах программных документов.

Термины *строй* и *устройство* также употреблялись в составных наименованиях, обозначающих: 1) конкретную форму государственного устройства: *Для полного и действительного осуществления всех выше-указанных начал необходимо утверждение конституционно-монархического строя с политической ответственностью министров перед народным представительством* [304: 192]; 2) родовое наименование формы общественного строя: *Обеспечить всем людям возможность полной и свободной жизни, обеспечить каждому человеку возможность всестороннего и гармонического развития – такова конечная цель, которую ставит себе наша партия. К созданию необходимого для осуществления этой цели общественного строя она и направит все свои силы* [293: 54]; 3) видовое наименование формы общественного устройства: *В сфере рабочего законодательства рабочей политики партия ставит своей задачей широкую охрану труда и реорганизацию промышленности на новых началах в целях подготовки социалистического строя* [267: 39].

Таким образом, актуальные проблемы общественно-политической жизни России начала XX века нашли своё выражение в языковой системе в виде формирования и активного функционирования различных тематических групп общественно-политической лексики и терминологии. К таким группам относятся и наименования форм государственного устройства. В составе данной ТГ были выявлены различные системные отношения. Анализ употребления терминов *строй* и *устройство* показал наличие в русском языке рассматриваемого периода последовательной семантической дифференциации наименований форм общественного и государственного устройства. При этом лидирует по употребительности термин *строй*, а также наименования с данным словом. Кроме того, в русском языке начала XX века наблюдается постепенная архаизация слова *устройство* в значении ‘государственное устройство’, о чём свидетельствуют немногочисленные примеры его употребления преимущественно в программах правых монархических организаций.

Форма государственности – родовое наименование, терминологическое сочетание. В сборнике «Программы политических партий в России», изданном в 1917 году, не только опубликованы сами тексты программ, но и даны общие сведения о политических партиях в России: *Одни партии желают возврата старых, изжитых уже форм государственности – это партии реакционные...* [295: 4]. Из данного примера следует, что под «изжитыми» формами государственности подразумевались формы правления в России, существовавшие до 1917 года. Такой

формой правления, как известно, была ограниченная народным представительством монархия. Таким образом, наименование *форма государственности* имеет значение 'политическое устройство общества'.

Образ правления – общественно-политическое составное наименование. В наших текстах имеет значение 'форма государственного устройства': <...> *изучение революционного движения в проявлениях последнего перед войной времени указывает, что движение приостановилось, – ибо естественно, оно было бы не только не популярно теперь, но и вызвало бы колоссальный взрыв контрреволюции, – и приостановилось с тем именно, чтобы даже при благоприятном окончании для нас войны, напрочь все усилия для новых безумных попыток достигнуть ниспровержения установленного Основными Законами образа правления в России* [256: 490]. В приведённом выше контексте рассматриваемое сочетание не является терминологическим, так как употребляется не в специальном тексте и выполняет только номинативную функцию.

Исследуемое наименование могло использоваться в качестве видового – с конкретизирующим компонентом-прилагательным: *Это предприятие «обновлённого» Совета в достаточной мере обеспечено денежными средствами из странных источников и широким сочувствием со стороны тех, кому желательно учредить на Св. Руси любезную масонским сердцам религиозную анархию, заменить Самодержавный образ правления конституционную тиранией и устранить русскую народность от её исторических прав первенства в Империи* [272: 597]. Отсюда следует, что *самодержавный образ правления* – это 'форма политического устройства общества, при которой вся полнота власти сосредоточена в руках одного человека – монарха'. В данном случае перед нами также представлен нетермин, поскольку имеет место употребление в не специальном контексте, а в эмоциональной речи основателя СРН А.И. Дубровина. Выполняемая функция – номинативная.

2.1.2. Видовые наименования форм государственного устройства

Вся совокупность лексем и терминов, обозначающих видовые наименования форм государственного устройства, делится по тематическому признаку на три подгруппы: наименования форм монархического государственного устройства; наименования форм демократического государственного устройства; наименования недемократических форм государственного устройства. Всего было выделено 34 видовых наименования (см. Приложение 2).

2.1.2.1. Наименования форм монархического государственного устройства

Данную подгруппу составляют общественно-политические лексемы и термины, именующие такой тип государственного устройства, при котором вся власть находится в руках одного лица – монарха.

Монархия, монархическое устройство

В анализируемых текстах термин *монархия* имеет следующее значение: ‘форма государственного устройства, при которой вся полнота власти принадлежит одному лицу’: *Будучи демократией, Россия в то же время монархия. Её монархическое устройство вызвано было ходом истории, необходимостью сплотиться под главенством сильной центральной власти...*[264: 32]. В данном отрывке из речи М.М. Ковалевского исследуемая лексема квалифицируется нами как термин даже несмотря на не специальный характер текста, в котором данное слово используется. Обусловлено это семантически нейтральным фоном контекстного окружения, отсутствием, соответственно, коннотаций, которые могли бы привести к детерминологизации, наличием номинативной специализации и выполнением дефинитивной функции.

В рассматриваемом примере терминологическое сочетание *монархическое устройство* состоит из двух слов: прилагательного *монархический*, которое определяется как ‘единодержавный, самодержавный, заключающий верховную власть в одном лице’ [ЦСРЯ, т. 2: 674] и существительного *устройство*, не фиксировавшегося словарями начала XX века в соответствующем общественно-политическом значении. В нашем контексте слово *устройство* имеет следующее значение: ‘организация, упорядочение чего-либо’. Следовательно, терминологическое сочетание *монархическое устройство*, имея идентичное (но не полностью соответствующее) термину *монархия* денотативное содержание, находится с последним в отношениях квазисинонимии.

Анализ выявленных употреблений слова *монархия* (21 случай использования в исследуемых текстах) показал наличие фактов детерминологизации вследствие появления коннотаций, обусловленных воздействием контекстного окружения. Так, в программных документах монархических, либеральных и центристских партий лексема *монархия* имеет либо положительную оценку и ‘одобрение’ как сему эмотивного макрокомпонента значения, либо нейтральную оценку: ***Монархия именно при настоящих условиях призвана осуществить своё предназначение***

явиться умиротворяющим началом в той резкой борьбе, борьбе политической, национальной и социальной, для которой открывается ныне широкий простор провозглашением политической и гражданской свободы [280: 95]. Актуализация позитивных коннотативных сем в структуре значения слова *монархия* в рассматриваемом примере становится возможна под воздействием контекстного окружения: политический строй, являющийся «умиротворяющим началом» в период политической борьбы, не может не вызывать положительной оценки и одобрения. С переходом анализируемой лексики из состава специальной лексики в подсистему общественно-политической лексики утрачивается дефинитивная функция, слово начинает выполнять наравне с номинативной прагматическую и аксиологическую функции.

Подобное появление положительных коннотаций в приведённом выше отрывке из программы Союза 17 октября всецело определялось идеологией данной политической организации. По мнению историков и политологов, «социальную базу партии составляли прежде всего крупная торгово-промышленная и финансовая буржуазия, помещики, ведущие хозяйство по-капиталистически. Будучи непосредственно связанными с существующей социально-экономической системой, эти слои не только были кровно заинтересованы в её сохранении и укреплении, но и стремились к её модернизации применительно к своим интересам» [296: 92]. Таким образом, Союз 17 октября выступал за сохранение монархии (пусть даже и ограниченной). Положительный настрой по отношению к монархии нашёл своё отражение и в языке данной политической организации.

Совершенно иные коннотации наименование *монархия* приобретает в программных документах крайне левых революционных партий. Так, члены Партии социалистов-революционеров видели главный источник бедственного положения трудового народа в самом существовании монархического строя в России: *В интересах самозащиты монархия и её союзники прибегают к усиленному угнетению покорённых императорской Россией национальностей, насаждая национальный, расовый и религиозный антагонизм...* [287: 62]. Под воздействием контекстного окружения (семы отрицательной логической оценки слов *угнетение, насаждение национального, расового и религиозного антагонизма*) лексема *монархия* приобретает резко отрицательную оценку и 'неодобрение' как сему эмотивного компонента значения и переходит из специальной лексики в разряд ОПЛ. В приведённом выше отрывке из документа Партии социалистов-революционеров слово *монархия* выполняет

номинативную, аксиологическую и прагматическую функции. Причём функция воздействия на адресата обеспечивается во многом благодаря актуализации контекстуально детерминированных микрокомпонентов оценочного и эмотивного блоков значения (в составе коннотативного макрокомпонента) исследуемого слова.

Неприятие Партией социалистов-революционеров (ПСР) существовавшего в России начала XX века политического строя (монархии) обусловливалось идеологией данной политической организации. Уже в самом названии партии было обозначено единственно приемлемое средство смены общественно-политического строя – революция. Конечной своей целью члены ПСР видели создание социалистического государства [296]. В итоге неприязненное отношение Партии социалистов-революционеров к самодержавию нашло своё отражение в языке её документов: любое наименование существовавшего строя и всего, что было с ним неразрывно связано, под действием негативной рациональной семантики слов контекстного окружения приобретало резко отрицательные коннотации.

Таким образом, сама по себе оценка амбивалентна, то есть способна менять знак с «+» на «-» в зависимости от ценностных ориентиров говорящих. Изменения в оценочном макрокомпоненте неизбежно ведут к перераспределению сем в эмотивном блоке значения. Из этого следует, что ценностная картина мира говорящего детерминирует микрокомпонентный состав того или иного слова. Этим и объясняется тот факт, что «понимание терминов может различаться в противоположных политических лагерях» [Москович 1998: 185].

Актуальность лексемы *монархия* косвенно подтверждается высокой частотностью употребления производных от исследуемого слова единиц: *монархический, монархист, монархизм* (выявлено более 10 примеров).

Прилагательное *монархический* в наших текстах имеет значение ‘свойственный монархии, относящийся к монархии как к форме государственного устройства’: *Днем 1-го июня я получил сообщение, что в Севастополе среди офицеров флота обнаружен «монархический заговор» и что значительное число офицеров арестовано* [362].

Лексема *монархист* определяется как ‘сторонник монархического образа правления’: *Вы незаметно нажимаете кнопку прибора и стрелка автоматически укажет Вам на циферблат, кто именно перед Вами: германofil или приверженец антанты, большевик, кадет или монархист* [362].

Слово *монархизм* в наших текстах имеет значение 'то же, что монархия' [МАС, т. 3: 354]: *И православие русского народа, и его монархизм казались нам проявлениями дикости, варварства и невежества. Тогдашнее народничество делало исключение только для сельской общины, в которой оно видело зародыш будущего социалистического строя* [Трубецкой 2000: 137].

Монархия как форма государственного устройства имеет несколько разновидностей, в зависимости от того, насколько полной является власть главы государства. Данная экстралингвистическая реалья нашла отражение в системе языка начала XX в. в виде функционирования таких составных наименований, как *конституционная монархия, конституционно-монархический строй, конституционная и парламентарная монархия, либеральная монархия*.

Конституционная монархия – эта та форма государственного устройства, которой так настойчиво и последовательно добивалась прогрессивная интеллигенция России, начиная с последних десятилетий XIX века. Только для одних политических сил (например, левое течение правых партий; прогрессисты, центристы) достижение данной цели мыслилось как абсолютная победа демократии в нашей стране, для других же (например, крайне левые революционные силы) установление в стране конституционной монархии было всего лишь одним шагом на пути кардинальных перемен в системе общественного и государственного устройства в России [294].

Следует отметить, что в партиях «центра» также наблюдалась градация взглядов на ограниченную монархию. С одной стороны, большинство представителей центристских партий относились к материально обеспеченным классам общества, и поэтому «... основная масса крупной российской буржуазии была (не менее чем основная масса дворян-землевладельцев) консервативной, связанной тысячами нитей с правящим режимом, и не разделяла ни политических, ни тем более радикальных социальных «увлечений» (принудительное отчуждение большей части помещичьих земель, 8-часовой рабочий день) интеллигенции» [Российские либералы 2001: 9]. С другой стороны, некоторые члены центристских партий к 1917 году поняли, что даже и ограниченная монархия представляла собой преграду на пути эволюции социально-политической системы России. Так, известный общественный деятель и один из лидеров Конституционно-демократической партии Ф.Ф. Кокошкин 25 марта 1917 года «выступил с докладом на VII съезде кадетской партии,

в котором теоретически обосновал необходимость изменений § 13 программы о форме государственного устройства. Мотивируя отказ партии от требования парламентарно-монархического строя, Кокошкин заявил: «Мы никогда в своём большинстве не считали монархию, хотя и парламентарную, наилучшей формой правления, никогда монархия конституционная и парламентарная не была для нас, как для монархистов, в точном значении этого слова, тем верховным принципом, которому бы мы подчинили всю нашу программу. Монархия была для нас тогда не вопросом принципа, а вопросом политической целесообразности» [Российские либералы 2001: 341].

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что в русском языке начала XX века функционирование сочетания *конституционная монархия* (впрочем, как и многих других) сопровождалось семантической амбивалентностью в структуре значения. Так, в воззвании Союза 17-го октября и в программе Демократического союза конституционалистов анализируемое наименование имеет значение 'ограниченная монархия, в которой власть монарха ограничивается народным представительством, имеющим право на участие в законодательстве и в решении важных государственных вопросов': ...<...>...*в наш государственный строй вводится новое начало – начало конституционной монархии* [243: 182]; *Развитие и укрепление начал конституционной монархии с народным представительством, основанном на общем избирательном праве* [243: 183]; *Единомыслие в признании конституционной монархии наиболее соответствующей для России формой государственного устройства и взаимодействие на основах свободы и проведения реформ эволюционным путём должны служить главным началом деятельности союза* [281: 87]. В подобном значении анализируемое наименование фиксировалось и в словарях начала XX века [Алексеев: 398]. В данных контекстах рассматриваемое сочетание квалифицируется нами как терминологическое по причине соответствия критериям, предъявляемым к ОПТ (употребление в специальных текстах, выполнение дефинитивной функции, отсутствие коннотаций, наличие номинативной специализации).

Анализ употреблений данного терминологического сочетания в документах центристских либеральных партий позволил выявить случаи детерминологизации вследствие появления в структуре его значения положительных коннотаций: *Только люди, твёрдо стоящие на принципе конституционной монархии, сознающие полную невозможность*

сохранения старых порядков, приведших Россию на край гибели...<...>... только такие люди могут придать будущей Гос. думе деловой характер и вывести Россию на путь лучшего светлого будущего [275: 86]. Из данного примера совершенно очевиден тот факт, что люди, отстаивающие принцип конституционной монархии, несут благо для страны (в этом, по мнению историков, были уверены сами члены партии, а также поддерживающая их часть населения страны; подробнее – см. работы П.М. Бабенко, Б.Г. Федорова и др.). Следовательно, сам государственный строй, о котором идёт речь, достоин, чтобы его отстаивали. Таким образом, в составе коннотативного макрокомпонента значения составного наименования *конституционная монархия* актуализируются семы положительной оценки и ‘одобрения’ как семы эмотивного компонента значения. Изменение статуса анализируемого сочетания в вышеприведённом контексте (переход в подсистему ОПЛ) способствовало смене выполняемых данной единицей функций: на смену дефинитивной функции пришли прагматическая и аксиологическая функции.

Конституционно-монархический строй – данное терминологическое сочетание имеет значение ‘форма государственного устройства, при которой власть монарха ограничена органом народного представительства’: *Для полного и действительного осуществления всех вышеуказанных начал необходимо утверждение конституционно-монархического строя с политической ответственностью министров перед народным представительством* [304: 192]. Выявленные контексты употребления являются семантически неполными, не позволяющими вывести значение исследуемого наименования. По этой причине дефиниция рассматриваемого терминологического сочетания формулировалась на основе анализа значений составляющих его слов-компонентов. Прилагательное *конституционный* определяется как ‘основанный на конституции’ [ССРЛЯ, т. 5: 1317]. Лексема *монархический* имеет значение ‘относящийся к монархии; основанный на принципах монархии’ [ССРЛЯ, т. 6: 1218]. Термин *строй* определяется как ‘система общественного, государственного устройства’ [ССРЛЯ, т. 14: 1067]. В вышеприведённом контексте исследуемое сочетание выполняет номинативную и дефинитивную функции.

Анализ употреблений рассматриваемого наименования (было выявлено 2 случая использования) показал отсутствие дополнительных семантико-стилистических созначений (и, соответственно, отсутствие детерминологизаций).

Конституционная и парламентарная монархия

На втором съезде конституционно-демократической партии обсуждались вопросы внесения поправок в действующую программу партии, так как некоторые формулировки содержали двусмысленность (например, вопрос об учредительном собрании): ...<...>... *употребление термина «учредительное собрание» без надлежащих объяснений вызывает недо-разумения и считается многими противоречащим основному взгляду партии на политический строй России как «конституционной и парламентарной монархии»...*[277: 180]. Из рассматриваемого контекста очевидно, что под *конституционной и парламентарной монархией* понимается 'форма государственного устройства, при которой власть монарха ограничена народным представительством и основным законом государства'. В данном отрывке из постановления второго съезда конституционно-демократической партии исследуемое наименование выполняет дефинитивную функцию. Словарями начала XX века анализируемое терминологическое наименование не фиксируется.

Следует отметить, что понимание рассматриваемого терминологического наименования варьировалось в российском обществе начала XX века. Так, вышеуказанная трактовка данного сочетания не соответствует той информации, которая даётся в словаре под редакцией профессора И.А. Бодуэна-де-Куртене: *Конституционная монархия бывает двух видов: представительная и парламентарная; в первой монарх пользуется полной исполнительной властью, причём министры назначаются и смещаются им, неся ответственность тоже только перед ним; во второй исполнительная власть отправляется монархом через министров, которые несут ответственность перед парламентом* [НПСИС: 294]. В рассматриваемом отрывке терминологическое наименование *конституционная монархия* мыслится как понятие родовое по отношению к сочетаниям *представительная монархия* и *парламентарная монархия*. Если исходить из данного понимания гиперо-гипонимических отношений в системе терминологических наименований форм монархического государственного устройства, то выявленное в анализируемых текстах сочетание *конституционная и парламентарная монархия* могло бы квалифицироваться как лексически и грамматически неверно построенное, так как сочинительная союзная связь между родовым и видовым наименованиями, как правило, не требуется.

Таким образом, различное понимание типологии и структуры государственных институтов приводило к тому, что варьировалось не

только семантическое наполнение конкретных лексем, но имел место и пересмотр внутрисистемных связей и отношений.

Либеральная монархия

П.Д. Боборыкин в своих мемуарах писал: *Все уже знали, что будет либеральная монархия с разными претендентами на престол* [360]. В данном случае рассматриваемое наименование квалифицируется нами как терминологическое, несмотря на употребление в тексте художественного произведения, так как оно лишено коннотаций, сохраняет свойство идеологизированности, характеризуется номинативной специализацией и выполняет эстетическую функцию (функцию создания образа эпохи).

Анализируемое терминологическое сочетание словарями начала XX века не фиксируется. Толкование слова *либеральный* в большинстве словарей осуществлялось через отсылку к соответствующему существительному. Термин же *либерал* имел значение 'политический вольнодумец, мыслящий или действующий вольно; желающий большой свободы народа и самоуправления' [Даль, т. 2: 258]. Прилагательное *либеральный*, по наблюдениям В.В. Виноградова, «восходит к франц. *libéral* в его политическом применении» и в «консервативных кругах... было окрашено экспрессией иронии и пренебрежения» [Виноградов 1947: 6-7]. Из этого следует, что сочетание *либеральная монархия* может быть определено как 'форма государственного устройства, при которой власть монарха каким-либо образом ограничена'.

Самодержавие

В анализируемых текстах выявлен также термин *самодержавие*: *Вот настоящее, русское, народное самодержавие, и именно такая система управления государством и нужна для России и в настоящее время* [266: 79]. Как видно из данного примера, слово *самодержавие* имеет значение 'форма правления, при которой монарх является носителем всей верховной власти' и выполняет дефинитивную функцию. В данном значении исследуемое слово фиксировалось также словарями начала XX века [СИСП: 1047].

В целом же, функционируя в программных и иных документах правых партий, рассматриваемая лексема характеризовалась либо наличием нейтральных созначений (как видно из вышеприведённого примера), либо под воздействием контекстного окружения приобретала положительную оценку и 'одобрение' как сему эмотивного компонента значения (при этом происходила детерминологизация), что наблюдается,

например, в избирательной программе Союза русского народа (СРН): *Самодержавие русских царей, Православною Церковью искони освящённое, по воле Государя Императора осталось и после 17-го Октября незыблемым, каким было и встарь, и должно всегда оставаться таковым для блага и процветания России* [257: 190]. В данном случае исследуемое слово имеет значение 'власть самодержца'. Как видно из приведённого примера, власть государя, которая освящена православной церковью и которая несёт благо и процветание России, вызывает одобрение и положительную оценку. Отсюда и возникают положительные эмоциональные коннотации в структуре значения данной общественно-политической лексемы. В рассматриваемом контексте анализируемое слово выполняет аксиологическую и прагматическую функции.

Актуализация положительных коннотаций в структуре значения лексемы *самодержавие* является идеологически детерминированной в документах правых партий, в частности СРН. Историк Б.Г. Федоров приводит следующие факты о Союзе русского народа: «Ещё в 1905 г. в Санкт-Петербурге доктор А.И. Дубровин и знаменитый еврей-черносотенец В.А. Грингмут создали Союз русского народа как организацию, призванную жестоко противодействовать революционным силам. Идеологической основой организации были идеи монархизма и патриотизма. Уже в январе 1906 г. Союз выставил 700 человек с оружием для помощи полиции в поддержании порядка в годовщину Кровавого воскресенья. О позитивном отношении властей наглядно говорит тот факт, что членам Союза в тот момент практически автоматически выдавали разрешения на оружие» [Федоров, т. 1, 2002: 478]. Как видим, власть была заинтересована в поддержке СРН, а Союз, в свою очередь, всячески агитировал народные массы за абсолютную монархию (отсюда и возникают положительные коннотации в значении лексемы *самодержавие* при её употреблении в текстах документов СРН). К тому же сами сторонники существовавшего строя были реакционерами и консерваторами, заинтересованными в сохранении самодержавия, так как с его падением они лишились бы своей власти, своего привилегированного положения.

Так, по наблюдениям историка и общественного деятеля начала XX века Ю.О. Мартова, «за «правыми» партиями стоит всё то, что пользовалось почётом и благосостоянием при господствующем до революции строе русской жизни, всё то, что строит своё благосостояние на варварстве, невежестве, порабощении, все те, кто при малейшей перемене государственного порядка должны потерять всякую силу, как паразиты,

не способные добывать себе средства к существованию. Бюрократия (чиновничество), полиция, верхи духовенства, кулачество – вот основа этих партий» [Мартов 1992: 130].

В документах левых революционных партий анализируемое слово зачастую характеризовалось отсутствием коннотаций и могло терять свою номинативную специализацию, переходя из подсистемы специальной лексики в разряд лексики общеупотребительной вследствие «номинативной переориентации», то есть когда в лексему «вкладывалось» иное понятийное наполнение (в результате чего утрачивалась дефинитивность термина, т. е. соотношение «один термин – одно понятие»). Так, например, в сопроводительном письме Департамента полиции начальникам охранных отделений к резолюции Совета ПСР об организации террористической борьбы от 21 июня 1909 года лексема *самодержавие* понимается как «диктаторская форма государственного устройства, при которой власть находится в руках тройственного реакционного союза – дворянства, бюрократии и крупной буржуазии»: *Рассмотрев вопрос о терроре, Совет Партии постановил <...> 3, что только такая постановка террористической борьбы соответствует нашему взгляду на **самодержавие**, как на диктаторскую форму господства тройственного реакционного союза – дворянства, бюрократии и крупной буржуазии, охраняющих свои классовые, сословные и национальные привилегии, причём династия и окружающие её придворные сферы со своими специфическими интересами является лишь иерархической верхушкой этих привилегированных слоёв...* [311: 343]. Прагматическая и аксиологическая функции данного слова в указанном контексте становятся возможными благодаря актуализации семы негативной логической оценки в денотативном макрокомпоненте значения в результате смены понятийного наполнения (о наличии рациональной оценки свидетельствуют денотативные семы негативного характера «реакционный» «союз» и «диктаторская» «форма» «государственного» «устройства»). Подобная трактовка сущности монархии была, по мнению историков, в духе Партии социалистов-революционеров [Политическая полиция 2001; Жиров 2001; Российские либералы 2001].

В текстах периодической печати анализируемая общественно-политическая лексема могла под действием негативной семантики контекстного окружения приобретать семы отрицательной оценки и неодобрения: *1-го сего мая, около 6 часов вечера, до ста человек, в числе которых находились студенты Демидовского лицея и воспитанники местных*

*семинарий и гимназий, появились на 24 лодках на Волге близ набережной у паромных пристаней; лодки соединились, на них было выкинуто три красных флага, и сидевшие в них пели революционные песни, кричали «долой **самодержавие**»... [351, № 82: 7].*

Анализ синтагматических связей лексемы *самодержавие* показал преобладание в качестве присловных распространителей прилагательных *русский, народный и царский*: *Дарованное нам волею Царскою положение о Государственной Думе и представляет собою такую новую форму русского народного **самодержавия** [266: 79]; Посягательство на Царское **Самодержавие** со стороны врагов России равносильно посягательству на главенство в Русском Государстве Русского Народа [270: 138]; Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является **царское самодержавие**. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата [291: 55].* В первом примере наличие двух определений (*русский и народный*) при термине *самодержавие* не приводит к каким-либо изменениям в денотативном содержании анализируемого слова. Объясняется это тем, что данные наименования (*русское самодержавие, народное самодержавие*) не представляют собой целостные терминованные сочетания, а квалифицируются как сочетания присловных распространителей и соответствующего термина. В данном контексте исследуемый термин выполняет дефинитивную функцию.

Во втором примере определение *царский*, не внося никаких новых микрокомпонентов в значение слова *самодержавие*, приводит к сверхактуализации уже имеющихся сем 'власть', 'правление' 'самодержца' [ЦСРЯ, т. 4: 184]. По своему жанру обращение Союза русских людей к своим сторонникам является публицистикой. Тем не менее, анализируемое слово остаётся термином, сохраняя номинативную специализацию и выполняя дефинитивную функцию.

Третий пример демонстрирует употребление рассматриваемого сочетания в документах левых, антимонархических партий в прагматической и аксиологической функциях. Форма управления государством, враждебная «всякому общественному движению», по мнению историков, вызывала крайне отрицательные эмоции у левых политических партий [Российские либералы 2001]. Этим и объясняется наличие отрицательных коннотаций в значении наименования *царское самодержавие* в последнем примере. К тому же характерной чертой общественной жизни

в России в начале XX в. была «вера в близость «новой эры» социальной справедливости, утверждения гуманистических начал. Предельно политизированное общество стремилось получить практические рецепты переустройства жизни» [Российские либералы 2001: 367]. В итоге подобные «стремления» сначала объективировались посредством коннотативно дифференцированных средств языка общественно-политической сферы, а потом «выливались» в столкновения с правительственными силами, в манифестации, забастовки и другие политические акции.

Ещё одна причина употребления определения *царский* могла заключаться в стремлении авторов документа дифференцировать разные значения слова *самодержавие*. Так, в документах правых партий встречается употребление анализируемого слова в значении 'власть, правление самодержца' [ЦСРЯ, т. 4: 184]: *Истолковывать Манифест о Государственной думе и Манифест 17 октября как введение конституции (парламентского строя) для России и отказ Государя от Самодержавия могут только люди, желающие взять власть Государственную в свои руки* [265: 110]; *Вслед за сим председатель произнёс речь, указавшую на важное историческое значение всемилостивейших слов Государя Императора, сказанных 16 февраля депутациям из Иваново-Вознесенска. По окончании этой речи снята была завеса с подножия находившегося в аудитории портрета Государя, и вся собравшаяся масса народа огласила огромную залу кликами «ура», прочитав открывшиеся её глазам Царские слова: «Самодержавие моё останется таким, каким оно было встарь»...* [244: 136]. Подобное значение слова *самодержавие* словарями начала XX века не фиксируется [Битнер: 734; СИСП: 1047 и др.], что может свидетельствовать об архаизации анализируемого слова в отмеченном выше значении. В программе же Партии социалистов-революционеров встречаем употребление термина *самодержавие* в значении 'форма государственного устройства, при которой вся полнота власти сосредоточена в руках определённых классов общества': *Взаимоприспособление форм патриархального дворянско-чиновничьего самодержавия и новейшей буржуазной эксплуатации обостряет постановку социального вопроса в России* [288: 46]. В данном контексте анализируемое специальное наименование выполняет дефинитивную и номинативную функции.

Исследование общественно-политической терминологии анализируемых источников показало преобладание термина *самодержавие* по сравнению с термином *монархия* в программных документах правых проправительственных партий и партий центра. Причина этого, вероятно, кроется в идеологической основе функционирования этих партий.

Взгляды консерваторов-монархистов на общественно-политическое устройство России, по большей части, восходят к идеям славянофилов о единстве царя, народа и церкви [371; Трубецкой 2000; Федоров 2002]. Славянофилы ратовали за всё русское, в том числе и язык. Они выступали против иноязычных заимствований, считая, что понятийное наполнение любого иностранного слова может быть передано лексико-словообразовательными средствами русского языка. Как известно, термин *монархия* греческого происхождения [НПСИС: 294]. Несколько иначе обстоит дело с термином *самодержавие*, который известен в русском языке уже с XVII века [410, т. 23: 37]. Этимологически данный термин представляет собой церковнославянскую кальку с греческого (язык-посредник – французский) [Фасмер, т. 4: 553]. Описательное значение термина *самодержавие* может быть сформулировано следующим образом: ‘владычество, могущество, сосредоточенное в руках одного человека’.

Таким образом, термин *самодержавие*, являясь заимствованным, тем не менее, обладает прозрачной внутренней формой (в отличие от термина *монархия*), что соответствовало идейным установкам консервативных и отчасти либеральных партий. Такой тщательный отбор языковых средств членами вышеуказанных партий объяснялся двумя причинами: 1) стремлением быть понятыми потенциальными сторонниками – малообразованными, либо вовсе неграмотными людьми – крестьянами, отчасти рабочими и 2) желанием продемонстрировать консерватизм своих взглядов полным игнорированием заимствованной терминологии, упорно насаждавшейся передовой интеллигенцией.

Самодержавный режим – составное общественно-политическое наименование: *Рабочее движение вынуждено развиваться в условиях самодержавного режима, основанного на всеохватывающей полицейской опеке и подавлении личной и общественной инициативы* [288: 47]. В данном отрывке из программы Партии социалистов-революционеров исследуемое сочетание выполняет прагматическую, аксиологическую и номинативную функции и не является терминологическим вследствие наличия контекстуально обусловленной эмоциональной коннотации.

Рассматриваемое общественно-политическое наименование было образовано посредством конкретизации (при помощи прилагательного *самодержавный*) наименования формы государственного устройства *режим*. Термин *режим* имеет значение ‘образ правления, правительство’ [Битнер: 711]. Таким образом, сочетание *самодержавный режим* может быть определено как ‘образ правления, при котором вся власть сосредоточена в руках монарха’. К тому же в структуре

оценочного и эмотивного компонентов значения анализируемого наименования под воздействием негативной семантики контекста (понятийные семы негативного характера слов «полицейская опека», «подавление личной и общественной инициативы») наблюдается актуализация сем отрицательной оценки и 'неодобрения'. Некоторые современные историки отчасти разделяют точку зрения (пусть даже и чересчур эмоциональную) Партии социалистов-революционеров относительно роли государства в жизни общества в России начала XX века. Так, П.М. Бабенко пишет: «В начале XX века Россия была одной из немногих абсолютистских монархий. Согласно официальной трактовке, самодержавие имело надклассовый характер. Впрочем, абсолютизм как политическая надстройка действительно был в значительной степени самостоятельным по отношению к базису. Государство играло исключительную роль на всех этапах российской истории. Оно активно вмешивалось в экономику, вводило государственную монополию на некоторые виды деятельности» [Бабенко 2000: 10].

Самодержавный строй – данное наименование имеет значение 'форма государственного устройства, при которой вся власть принадлежит главе государства – монарху': *Нам нет, конечно, надобности настаивать здесь на той подчинённой и частью даже антиреволюционной роли, какую играли в течение всей долголетней борьбы с **самодержавным строем** в России представители наших буржуазно-демократических партий* [260: 177]. В приведённом контексте анализируемое наименование выполняет функции воздействия и оценки и не является терминологическим по причине несоответствия установленным критериям идентификации ОПТ (наличие коннотаций и др.). Также имеет место актуализация сем отрицательной оценки и 'неодобрения' вследствие влияния негативной семантики контекста (политический строй, против которого идёт долголетняя борьба, не может вызывать положительных эмоций, по крайней мере, со стороны представителей ПСР).

В целом же общественно-политические наименования *самодержавный режим* и *самодержавный строй* находятся между собой в отношениях квазисинонимии, так как имеет место семантическая дифференциация.

Царизм

В анализируемых текстах значение общественно-политической лексемы *царизм* может быть определено как 'государственный строй, основанный на неограниченной власти монарха' [Алексеев: 18]: *Именно*

*для того, чтобы уничтожить варварские тиски деспотизма, для того, чтобы освободить великий народ от ярма **царизма**, открыть ему доступ к современной цивилизации, дать стране представительные учреждения, мы, социалисты-революционеры, и сражаемся в данную минуту не только за своё знамя, но и за либеральные и демократические требования всей современной России [261: 157].* Из данного примера следует, что **царизм** – это общественное и политическое зло, это та преграда, которая не даёт русскому народу идти по пути демократического развития.

Такая трактовка сущности самодержавного строя, по мнению историков и политологов, была характерна для левых революционных политических организаций, в том числе для Партии социалистов-революционеров [295; 296; Федоров 2002 и др.]. Следует отметить и несколько безучастное, пассивное отношение правительства и монарха к деятельности революционных организаций. Подобная «беспечность» Николая II имела результатом неконтролируемое увеличение к 1905 году количества леворадикальных экстремистских группировок, нацеленных на насильственную смену общественно-политического строя. Такое положение вещей могло бы показаться странным, однако историки отмечают, что «Николай II не просто царствовал, но и правил. Государственными делами занимался добросовестно. У него не было личного секретаря, он сам читал документы, писал резолюции. Но парадокс был в том, что, обладая информацией, он мало пытался изменить гибельный курс» [Бабенко 2000: 11].

Так, в циркуляре Департамента полиции от 24 августа 1905 года приводились следующие данные: «Противоправительственное движение, органами борьбы с которым являются главным образом жандармские управления и охранные отделения, получило за последнее время весьма широкое развитие, выразившееся в образовании целого ряда самостоятельных революционных партий и организаций, действующих каждая по собственной программе и системе» [319: 212]. Усиление же радикальных настроений в обществе зеркальным образом отражалось и в системе языка рассматриваемого временного периода. Позиционирование самодержавного строя в документах революционных партий как пережитка прошлого, как политической системы, основанной на угнетении и подавлении неимущих классов, осуществлялось, в частности, путём включения различных наименований данной формы государственного устройства в «семантически негативные» контексты. В нашем же случае под воздействием отрицательной семантики контекстного окружения в коннотативном макрокомпоненте исследу-

емой лексемы актуализируются семы 'отрицательная оценка' и 'неодобрение'. В вышеприведённом отрывке из обращения ПСР к сторонникам рассматриваемая лексема выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции.

Общее увеличение количества употреблений наименования формы монархического государственного устройства с ярко выраженными негативными коннотациями способствовало усилению роста антиправительственных настроений в обществе. Обусловлено данное явление тем, что «наша социальная действительность в существенной степени структурируется и определяется языком», а «...имя или языковое обозначение могут в большей степени определять и обуславливать наше понимание того, что имеется в виду, и наше отношение к нему» [Блакар 1987: 113].

Показательны также и синтагматические связи рассматриваемого термина. В нашем примере слово *царизм* управляется существительным *ярмо* в составе словосочетания *ярмо царизма* (в данном случае перед нами яркий пример политической метафоры). Само слово *ярмо* определяется в данном случае как 'иго' [Даль, т. 4: 655] и благодаря своей изначально негативной семантике (наличие отрицательной логической оценки) способствует усилению и без того отрицательных коннотаций слова *царизм*.

По наблюдениям Ю.С. Сорокина, образовалось данное наименование «в 80-х гг. (XIX века – пояснение наше – А.З.) в кругах русской революционной эмиграции» [Сорокин 1965: 260].

Анализ употреблений общественно-политической лексемы *царизм* в исследуемых текстах позволяет говорить о наличии в структуре её значения изначально заложенных микрокомпонентов отрицательной рациональной оценки. Причина этого, вероятно, кроется в прозрачной внутренней форме. Таким образом, можно говорить о двойной сверхактуализации сем негативного характера коннотативного макрокомпонента в структуре значения слова *царизм*. Своеобразным катализатором в данном случае выступил отрицательный семантический фон контекстного окружения.

Показательным является и тот факт, что рассматриваемое наименование было выявлено исключительно в текстах документов левых политических партий и организаций. Представители правых проправительственных партий никогда не использовали слово *царизм* по причине несоответствия его (слова) семантического наполнения взглядам сторонников данных политических организаций.

Абсолютизм – анализируемый термин имеет значение ‘форма монархического государственного устройства, при которой власть монарха ничем не ограничена’: *Источник всех указанных нами зол один и тот же: переход от абсолютизма к конституционному строю, возведённый Манифестом 17-го октября, совершился только на бумаге* [258: 84]; *Между конституцией и абсолютизмом не может быть промежуточного режима, как нет звена между прогрессом и регрессом...* [354, № 64: 3]. В данных контекстах исследуемое наименование выполняет номинативную и дефинитивную функции.

Начало функционирования анализируемого слова в лексической системе русского языка относится исследователями к 30 – 40 годам XIX века, однако первоначально данное слово употреблялось в своём общефилософском значении, соотносимом со значением прилагательного *абсолютный* [Сорокин 1965: 71-72]. Само же слово *абсолютный*, начиная с 40-х годов XIX века, использовалось в «политических терминованных сочетаниях (абсолютная монархия и др.)» [Сорокин 1965: 72]. Прозрачная внутренняя форма данного прилагательного, которая как нельзя лучше выражала сущность неограниченной монархии, вероятно, способствовала появлению в начале XIX века субстантивированного образования с словообразовательным суффиксом *-изм-*. По наблюдениям Ю.С. Сорокина, с 40-х годов XIX века уже отмечалось «специфическое применение слова *абсолютизм* для обозначения определенной системы государственного устройства, абсолютного монархического правления, – значение, которое устойчиво сохранилось и в современном нам употреблении» [Сорокин 1965: 72].

В русском языке начала XX века наибольшая частотность употреблений рассматриваемого термина отмечается в документах партий центра (Партия демократических реформ, Партия мирного обновления, Партия прогрессистов и др.). Термин *абсолютизм*, обладая потенциально негативными логическими оценочными созначениями, как правило, игнорировался левыми революционными движениями. Представители радикальных партий (например, РСДРП, ПСР и др.) предпочитали использовать колоритные, с точки зрения семантики, наименования (например, *царизм*). Случаев употребления анализируемого термина в программных документах крайне правых проправительственных организаций выявлено не было, что не удивительно, так как члены монархистских партий всячески подчёркивали исконный для России характер государственного устройства, при котором власть находится в руках

царя [Фёдоров 2002: 91]. Употребление же слова *абсолютизм* благодаря потенциально отрицательным рациональным созначениям, обусловливающимся прозрачной внутренней формой, способствовало бы акцентуации внимания народных масс не на традиционности монархического устройства для России, а на неограниченности власти главы государства и, соответственно, на бесправном положении крестьянства (преобладающего в России начала XX века класса).

Народный цезаризм – свободное общественно-политическое наименование. Выявлено лишь несколько случаев употребления рассматриваемого сочетания в документах Партии демократических реформ: ...<...> *Партия демократических реформ одинаково высказывается и против владычества невежественной черни, и против её исчадия – народного цезаризма...* [264: 40]; *Такое правительство было бы неустойчивым и послужило бы переходной ступенью к народному цезаризму, всегда искавшему в невежественных, столько же обделённых знанием, сколько и имуществом, «чёрных сотнях» поддержки своих честолюбивых замыслов и опоры своему единовластию* [264: 40]. Со структурной точки зрения анализируемое наименование представляет собой сочетание прилагательного *народный* и существительного *цезаризм*, образованное на основе подчинительной связи – согласования. В приведённых выше контекстах исследуемое наименование выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции.

Лексема *цезаризм* большинством словарей начала XX века фиксировалась в значении ‘правительственная система, которая стремится утвердить верховную власть самодержца наподобие власти Цезаря в древнем Риме’ [СИСП: 1198]. Функционирование же в русском языке начала XX века общественно-политического наименования *народный цезаризм* никак не отмечено в лексикографических продуктах рассматриваемого временного периода, что может косвенно свидетельствовать (наравне с выявленными единичными случаями употребления) в пользу окказионального происхождения данного наименования.

Анализ семантики рассматриваемого сочетания позволил идентифицировать роль компонента-прилагательного как «семантического модификатора» ядра денотативного содержания, заключённого в значении слова *цезаризм*. Как мы выяснили выше, под *цезаризмом*, так или иначе, понималось ничем не ограниченное правление самодержца. В составе же значения новообразованного составного наименования *народный цезаризм* понятийные семы прилагательного *народный* (‘относящийся’

‘к народу’), интегрируясь в микрокомпонентный состав денотативного блока значения слова *цезаризм*, подменяют собой семы ‘верховную’ ‘власть’ ‘самодержца’ на ‘верховную’ ‘власть’ ‘народа’.

Функционирование в рассмотренных выше контекстах также приводит к семантическим изменениям в структуре значения анализируемого составного наименования. Так, говоря о *народном цезаризме*, члены Партии демократических реформ акцентировали внимание на том, что речь идёт не просто о власти народа, а о власти так называемой чёрной сотни. «Чёрная сотня» – это исторический термин, которым на Руси обозначалось тяглое посадское население, простой «чёрный люд». Монархисты использовали эту историческую ассоциацию. В «Руководстве монархиста-черносотенца» говорилось: «Почётное ли это звание «чёрная сотня»? Да, очень почётное. Нижегородская чёрная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников...» [Бабенко 2000: 22]. Подобного определения «чёрной сотни» (при всей неоднозначности данного общественно-политического движения) придерживается большинство историков и политологов. Так, Б.Г. Федоров пишет следующее: «Между тем термин «черная сотня» первоначально относился к «черному народу», простым людям, мелким торговцам и свободным крестьянам, которые, в отличие от привилегированных классов, платили налоги и всегда поддерживали монархию. Термин, таким образом, обозначал верных царю людей. Новая чёрная сотня появилась спонтанно в результате революции 1905 г. как реакция на развал государства, политические убийства, оскорбление святынь и традиций. Как это у нас часто бывает, всё вылилось в борьбу с левым экстремизмом путём правого экстремизма» [Федоров, т. 1, 2002: 482]. Аналогичное определение данного движения даёт и С.А. Степанов [Степанов 1992]. Следует также отметить, что «отдельные черносотенные организации начали появляться ещё весной 1905 г. (Русская монархическая партия – её лидер В.А. Грингмут был редактором «Московских ведомостей»). Большинство же черносотенных союзов, обществ, братств, дружин и лиг возникло после манифеста 17 октября» [Бабенко 2000: 22].

Таким образом, в денотативном содержании сочетания *народный цезаризм* (при употреблении в вышеприведённом контексте) происходит перераспределение микрокомпонентного состава: актуализируются семы ‘верховная’ ‘власть’ ‘чёрной’ ‘сотни’.

Отношение к черносотенному движению в России было противоречивым. По мнению С.В. Лебедева, черносотенцы пользовались колоссаль-

ной поддержкой в малограмотной крестьянской среде [Лебедев]. И это было не удивительно, так как позиции черносотенцев по многим общественно-политическим вопросам были близки патриархальным крестьянам. В частности, историк П.М. Бабенко указывал на то, что черносотенное движение составляло ядро крайне правых политических организаций (например, Союза русского народа имени Михаила Архангела), к тому же «за основу своей программы черносотенцы взяли тезис об особом историческом пути России. Они воспевали патриархальную старину, противопоставляя её наступившему капитализму» [Бабенко 2000: 22]. Ко всему прочему, «черносотенцы использовали в качестве основного лозунга формулу «Православие, самодержавие, народность». Главное место отводилось монархическому принципу, религия играла подчинённую роль. Что же касается народности, то она понималась исключительно как национализм» [Бабенко 2000: 22]. Поддержка черносотенцев крестьянами осуществлялась не только из идеологической солидарности. Так, например, «черносотенцы обещали крестьянам делёж имений польских помещиков и других «инородцев» [Бабенко 2000: 23]. Следует также отметить, что «особую активность в деятельности «чёрной сотни» проявляли сельские священники» [Бабенко 2000: 23].

Поддерживали члены черносотенного движения правительство (по крайней мере, до 1906 года) и по причине личной заинтересованности в сохранении монархического строя, так как «верхушка «чёрной сотни» состояла в основном из помещиков, старозаветных купцов и консервативной интеллигенции», и переход к социализму означал бы для них полный крах (в плане материального и социального благополучия) [Бабенко 2000: 23].

Диаметрально противоположное отношение к черносотенному движению обнаруживается в рядах сторонников левых революционных политических организаций (а отчасти и в левом крыле центристов), которые активно боролись с действующим режимом и силами, его поддерживающими, и любыми средствами (по большей части – индивидуальным террором) стремились осуществить государственный переворот с последующим установлением социалистической республики (данная конечная цель в среде левых партий варьировалась в зависимости от степени их радикализма) [Политическая полиция 2001]. Монархисты же, напротив, «доказывали, что социализм в России не выдержит испытания как экономическая система и лишит независимости простых людей» [Бабенко 2000: 23].

Таким образом, под воздействием понятийных сем негативного характера контекстного окружения (слова *невежественная чернь, исчадие, черная сотня*) в коннотативном макрокомпоненте значения анализируемого общественно-политического наименования актуализируются семы резко отрицательной оценки и 'неодобрения'.

2.1.2.2. Наименования недемократических форм государственного устройства

К данной подгруппе отнесены 7 наименований (*анархия, режим, диктатура, диктатура пролетариата, революционная диктатура, тирания, конституционная тирания, охлократия*), называющих такой тип государственного устройства, при котором власть сосредоточена в руках лица либо группы лиц, проводящих в жизнь политику жестокого, не основанного на законах государственного управления. Порядок следования выявленных единиц определяется степенью их актуальности и востребованности в русском языке рассматриваемого временного периода. Вывод же о степени актуальности того или иного наименования делается нами с опорой на частотность использования в исследуемых текстах.

Анархия

Анализ функционирования рассматриваемого слова позволил выявить два значения, в которых оно могло употребляться.

Первое значение является терминологическим и формулируется следующим образом: 'безначалие, состояние государства, при котором нет ни власти, ни законов' [НПСИС: 26]. Частотность употреблений исследуемого слова в отмеченном выше значении достаточно велика (было выявлено 9 случаев его использования в анализируемых текстах). Так, например, генерал Г.О. Раух, характеризуя графа Витте, в своих дневниковых записях отмечал следующее: *Моё мнение – быть может, он умный человек, но, безусловно, это не государственный человек, или, в противном случае, – это изменник, ведущий нарочно страну к **анархии*** [372: 609]. Исследуемый термин характеризуется наличием микрокомпонентов рациональной отрицательной оценки, локализующихся в околосредерной зоне денотативного макрокомпонента значения, о чём свидетельствуют понятийные семы негативного характера ('безначалие', 'нет власти', 'нет законов'). В вышеприведённом контексте лексема *анархия* выполняет номинативную, аксиологическую и эстетическую (создание образа персонажа) функции. По причине бытования в тексте неспеци-

ального характера (жанр мемуарной литературы) анализируемый термин лишен дефинитивной функции.

Детальный анализ исследуемых текстов показал также, что рассматриваемое слово могло употребляться в значении 'распушенность, беспорядок, хаос' [НПСИС: 26] и выполнять номинативную, аксиологическую и прагматическую функции: ...<...> *современное хозяйственное развитие обнаруживает свои отрицательные, разрушительные стороны: **анархию** товарного производства и конкуренцию...* [288: 42]; *Таким образом, охрана, созданная Правительством как орудие грубого насилия против политически пробудившегося народа, усилила разложение, деморализацию и **анархию** высших правительственных органов* [250: 429]. Второе значение не соотносится со специальным понятием в рамках отдельной области знания и, соответственно, не является терминологическим. В данном случае в составе понятийного макрокомпонента значения выявляются семы отрицательной рациональной оценки, на наличие которых, в частности, указывают понятийные микрокомпоненты негативного характера 'распушенность', 'беспорядок', 'хаос'. В рассматриваемом значении частотность употреблений слова *анархия* также достаточно велика (всего было выявлено 6 примеров).

В русском языке рассматриваемого временного периода актуальными являлись производные от исследуемого термина единицы: *анархист, анархист-коммунист, анархист-общинник, анархический*.

Существительное *анархист* в наших текстах имеет значение 'сторонник анархии': *Можно было подумать, что он не революционер, «экспроприатор» и **анархист**, а беспечный и праздный молодой купеческий сын* [390]. В этом же значении рассматриваемый термин фиксируется и словарями начала XX века [НПСИС: 26].

В исследуемых текстах было выявлено по одному примеру употребления сочетаний *анархист-коммунист* и *анархист-общинник*: *В 1907 году заграничная агентура получила сведения о том, что из числа захваченных **анархистами-коммунистами** при ограблении ими 25 сентября почтового отделения при станции «Верхнеднепровск» 60 тысяч рублей, значительная часть этой суммы была доставлена в Женеву анархистской группе «Буревестник» двумя серьёзными анархистами Сергеем Борисовым и неким «Мишей», принимавшими личное участие в этом ограблении* [246: 281]; *При лаборанте «Дяде» обнаружены были револьвер «браунинг» с патронами, брошюры: «Тактика, фортификация и приготовление взрывчатых веществ» издания **анархистов-общинников** и «Лабораторная техника» и гектографированные чертежи бомб* [246: 284].

Наименования *анархист-коммунист* и *анархист-общинник* словарями начала XX века не фиксируются. Само функционирование данных общественно-политических сочетаний наводит на мысль о существовании в дореволюционной России анархизма как сформированной политической организации. И это несколько удивительно. Ведь анархия – это хаос, это отсутствие государственного устройства (по крайней мере, такое содержание вкладывалось в это слово в XIX веке), а любой хаос по определению диаметрально противоположен любой организации (в самом общем смысле этого слова). По мнению ряда историков и политологов, анархизм в России начала XX века действительно представлял собой политическую организацию, структурно и функционально схожую с политической партией [295; 296]. В течении анархизма хаос мыслился как особая система государственного устройства [Политическая полиция 2001]. Однако для России первых десятилетий XX века была характерна широкая градация политических идей внутри той или иной политической организации. Возможно, именно этим и объясняется появление переходных структур наподобие анархизма-коммунизма.

Слово *анархический* имеет значение 'относящийся к анархии, свойственный ей': *И этот **анархический** бунт не ограничивается одними человеческими установлениями: личность, жаждущая полной свободы и безусловной независимости, с логической последовательностью приходит и к бунту против закона Божеского, против идеи Бога [383]; В этом отношении существенно важным явилось бы принятие к общему руководству тех установленных в акте 21 декабря 1898 года начал, которые касаются противодействия **анархической** пропаганде во всех её видах [310: 154].*

Режим – данная общественно-политическая лексема имеет значение 'образ правления, правительство' [Битнер: 711]: *В интересах самозащиты монархия и её защитники прибегают к усиленному угнетению покорённых императорской Россией национальностей, насаждая национальный, расовый и религиозный антагонизм и затемняя им рост самосознания рабочих масс. Существование такого **режима** становится в непримиримое и прогрессивно обостряющееся противоречие со всем хозяйственным, общественно-политическим, культурным ростом страны [286: 123].* Под воздействием контекстного окружения (понятийные негативные микрокомпоненты слов *угнетение, расовый, национальный, религиозный антагонизм* и др.) в коннотативном блоке значения исследуемой лексемы актуализируются семы отрицательной эмоцио-

нальной оценки и 'неодобрения'. В вышеприведённом отрывке из программы Партии социалистов-революционеров слово *режим* выполняет функции оценки и воздействия. Таким образом, ПСР видела в действующем режиме причину всех бед России в начале XX века, а режим, в свою очередь, старался (хоть и крайне непоследовательно) замедлить темпы развития губительных для него общественно-политических направлений. Так, министр внутренних дел и шеф жандармерии В.К. Плеве писал: «Если мы не в силах изменить историческое движение событий, ведущих к колебанию государства, то мы обязаны поставить ему преграды, дабы задержать его, а никак не плыть по течению, стараясь быть всегда впереди» [Бабенко 2000: 17].

Как видим, программа политической партии – это произведение двустильное. В нашем же случае исследуемое наименование употребляется в публицистической части программы, которая адресована гражданам, потенциальным сторонникам, а не членам партии. Основная цель данной части состоит в пропаганде политических идей, именно поэтому основная нагрузка по доведению позиции партии до народных масс ложится на коннотативно окрашенную общественно-политическую лексику, выполняющую, помимо собственно номинативной, прагматическую и аксиологическую функции.

По наблюдениям Ю.С. Сорокина, лексема *режим* в словарях XIX века не фиксировалась [Сорокин: 156]. Рассматриваемое слово было заимствовано из французского языка [Черных, т. 2: 106-107] и вошло в употребление «в обоих своих значениях (и общем, и общественно-политическом) не ранее 70-80 гг.» XIX века [Сорокин: 156]. В начале же XX века слово *режим* употреблялось наравне со словом *строй* для общего именования формы государственного устройства. Как показывает анализ, частотность употреблений лексемы *режим* и производных от неё видовых общественно-политических наименований была несколько ниже по сравнению с количеством употреблений слова *строй*. Таким образом, в русском языке начала XX века сложилась ситуация, когда для наименования одного понятия использовались преимущественно два слова-синонима (о синонимии в данном случае допустимо говорить, имея в виду соотношение лексем, а не терминов). Можно предположить, что существование в языке двух «идентичных» лексем привело к необходимости их стилистической и семантической дифференциации. Так, в отличие от сочетаний *государственное устройство* и *государственный строй*, которые являлись нейтральными с точки зрения оценочного компонента,

слово *режим* приобрело отрицательную оценку и неодобрение (актуализированные семы коннотативного компонента значения) и могло употребляться вне составного наименования: *В ответ на обличения власти, раздавшиеся в Государственной думе, вся страна взрывом единодушной поддержки приветствовала заявление Государственной думы о необходимости реорганизации власти. Чем же, гг., ответил режим? Новым вызовом, новым выражением равнодушия, переходящим в презрение к требованиям нации* [305: 393]. Актуализация негативных коннотативных сем в структуре значения слова *режим* в приведённом выше отрывке из стенографического отчёта (выступление А.И. Коновалова на заседании Государственной думы 16 декабря 1916 года) происходит под воздействием контекстного окружения (негативные понятийные микрокомпоненты значений слов *равнодушие, презрение*). Власть, которая «равнодушна» к народу своей страны, власть, которая «презирает» требования нации, не может вызывать одобрения. Отсюда и возникает 'отрицательная оценка' и 'неодобрение' как семы оценочного и эмотивного компонентов значения. В вышеприведённом контексте анализируемая лексема выполняет аксиологическую и прагматическую функции.

Данное слово использовалось только для именованья самодержавного правления, в частности, императора Николая II, о чём косвенно свидетельствует синтагматика рассматриваемой лексемы: *господствующий режим* (например: *Гг., вся Россия осознала величайшую опасность для страны от господствующего режима, вся Россия осознала, что с существующим режимом, с существующим правительством победа невозможна, что основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над внутренним врагом* [305: 393]), *действующий режим* (напр.: *Долг Государственной думы неуклонно, настойчиво вести борьбу с действующим режимом* [305: 393]), *существующий режим* (напр.: *Существующий режим, не отрицая самого себя, не может даже предоставить свободы организации экономической борьбы труда с капиталом* [351, № 83: 2]). Наименование *существующий режим* не является частотным (было выявлено два случая использования) и со структурной точки зрения представляет собой сочетание общественно-политической лексемы *режим* и присловного распространителя – прилагательного *существующий*.

Также выявлено составное наименование *личный режим*, выполняющее аксиологическую и прагматическую функции (напр.: *Мы указывали, что необходима не смена лиц на министерских постах, а изменение всей*

системы государственного управления, что личный режим, что пережитки самодержавия парализуют живые силы народа... [305: 396]).

По нашим наблюдениям, одно и то же общественно-политическое наименование могло активно использоваться одними политическими силами и упорно игнорироваться другими. Примером именно такого случая является ситуация с функционированием лексемы *режим*, которая использовалась преимущественно прогрессистами и другими оппозиционными, антиправительственными политическими организациями. Правые же монархические партии, такие как Союз русского народа имени Михаила Архангела, никогда не употребляли в своих программных документах слово *режим*, так как его семантическое наполнение шло вразрез с идейными установками данных партий. Таким образом, экстралингвистические факторы (политические приоритеты партий) обуславливали отбор тех или иных языковых средств в документах различных партий [Блакар 1987].

Слово *режим* могло употребляться в значении 'система правил, мероприятий, необходимых для той или иной цели' [МАС, т. 3: 267]: *Педагоги средней школы взяли на себя обязательство защиты учащихся от всякого насилия школьного режима...* [351, № 82: 5].

Диктатура – в анализируемых текстах данный термин имеет значение 'временная неограниченная власть, не основанная на законах', которое фиксируется и в словарях [НПСИС: 135]: *В противоположность этому диктатура, все равно исходит ли она от отдельного лица, от небольшой группы или от целого класса, есть прежде всего принудительное осуществление некоторой определенной системы, определенного порядка отношений* [383]. Власть, не основанная на законах, не может вызывать одобрения у граждан страны. Именно поэтому в структуре значения рассматриваемого термина присутствует сема рациональной негативной оценки, но, вероятно, её влияние на коннотативный блок значения не велико и не приводит к актуализации отрицательных микрокомпонентов вне контекста или в условиях нейтрального семантического фона контекстного окружения. В вышеприведённом отрывке из произведения П.И. Новгородцева исследуемый термин выполняет номинативную, аксиологическую и эстетическую (создание дискуссионной ситуации) функции.

Анализ функционирования термина *диктатура* показал отсутствие случаев его употребления в программных документах правых и центристских партий. В среде же левых партий отношение к явлению,

номинаруемому анализируемым термином, было неоднозначным. Так, члены Трудовой (народно-социалистической) партии не рассматривали диктатуру как приемлемую форму правления: *Сплотившись в одну партию, трудовой народ может лучше всего отстоять свои интересы. Во всяком случае, не на диктатуру какого-либо одного класса, а на силы и волю всего народа возлагаем мы наши надежды* [293: 55]. В данном контексте лексема *диктатура* также лишена каких-либо дополнительных созначений (следовательно, остаётся специальным наименованием) и выполняет дефинитивную функцию.

Подобные расхождения взглядов по поводу диктатуры в среде левых партий, по мнению историков и политологов, объяснялись разными целями данных политических организаций. Так, например, большевики стремились к установлению социалистической республики с диктатурой класса рабочих и крестьян (при монопартийной политической системе), социалисты-революционеры допускали возможность установления диктатуры как временного явления при смене власти путём революции, а члены народно-социалистической партии вообще не рассматривали данную форму правления [Бабенко 2000; Федоров 2002].

В ходе анализа текстов источников выявлены следующие производные от термина *диктатура* единицы: *диктатор, диктаторский*.

Слово *диктатор* в наших текстах имеет значение 'лицо, наделённое неограниченной властью на время тяжёлого положения в стране': *И только я ей сочувствую – смеются! – Керенский убит, Корнилов диктатор. – Диктатор Каледин, а Корнилов объявлен изменником: а за то, что солдатам обещал в неделю кончить войну, а отдал Ригу* [387]. В данном значении рассматриваемая лексема фиксируется и словарями начала XX века [НПСИС: 135]. В приведённом контексте слово *диктатор* выполняет номинативную и эстетическую (создание образа персонажа) функции.

Прилагательное *диктаторский* определяется нами как 'относящийся к диктатуре, свойственный ей': *В соответствии с требованием диктатуры пролетариата они принимают систему советов, которая обеспечивает за пролетариатом власть, а за властью – диктаторское значение* [383].

Диктатура как форма правления представлена в подсистемах общественно-политической лексики и терминологии русского языка начала XX века двумя разновидностями: *диктатурой пролетариата* и *революционной диктатурой*.

Диктатура пролетариата – в анализируемых текстах данное наименование имеет значение ‘временная неограниченная и не основанная на законах власть рабочего класса’: *Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров* [292: 30]. В данном отрывке из программы РСДРП исследуемое терминологическое наименование выполняет дефинитивную функцию.

В народной среде идея установления диктатуры пролетариата была достаточно популярна, что отразилось на частотности употреблений анализируемого сочетания в исследуемых текстах (были выявлены десятки примеров). Сама же популярность идеи неограниченной власти пролетариата объясняется историками несколькими причинами. Во-первых, рабочий класс («четвёртое сословие») начал формироваться в России ещё в середине XIX века на базе оппозиционного правительству структурно не оформленного течения нигилизма. Примечателен тот факт, что саму возможность образования пролетариата (как самостоятельного класса общества) вследствие неконтролируемого развития нигилизма уже в 1869 году предвидели руководители III Отделения Собственной Его Величества канцелярии и Корпуса жандармов: «Дальнейшее расширение «отщепенства» (имеется в виду нигилизм – пояснение наше – А.З.) может привести к образованию того, что в других странах обозначается именем «четвёртого сословия» или пролетариата, то есть совокупность бессловных людей, образующих особое сословие» [251: 41]. Во-вторых, нигилизм породил не только рабочий класс, но и явился основой для формирования левых радикальных политических организаций России начала XX века: «Русский нигилист соединяет в себе западных: атеиста, материалиста, революционера, социалиста и коммуниста. Он отъявленный враг государственного и общественного строя; он не признаёт правительства» [251: 41]. Представители данных экстремистских организаций впоследствии проводили работу по популяризации идеи диктатуры пролетариата в рабоче-крестьянской среде.

Свободное терминологическое наименование *диктатура пролетариата* могло употребляться в текстах неспециального характера и выполнять номинативную и эстетическую (функция создания образа эпохи) функции: *у нас диктатура пролетариата, а коренной наш принцип – правительство рабоче-крестьянское* [366]. В данном отрывке состав денотативного макрокомпонента значения исследуемого сочета-

ния претерпевает изменения вследствие воздействия понятийных сем слов контекстного окружения ('правительство' 'рабоче-крестьянское'). Таким образом, наблюдается расширение изначального понятийного содержания терминологического наименования *диктатура пролетариата*: актуализируются семы 'власть' 'рабоче-крестьянского' 'класса'.

Революционная диктатура – в рассматриваемых текстах анализируемое наименование имеет значение 'утверждённая путём революционного переворота временная неограниченная и не основанная на законах власть': *Это – революционная диктатура, т. е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, /не на закон/, изданный централизованной государственной властью* [379]. В вышеприведённом контексте исследуемое сочетание сохраняет статус специального наименования и выполняет дефинитивную, номинативную и эстетическую функции. Одновременное выполнение дефинитивной и эстетической функций становится возможным в данном случае вследствие включения в контекстное окружение, представляющее собой развёрнутую дефиницию рассматриваемого терминологического наименования.

Наибольшая частотность сочетания *революционная диктатура* отмечается не в документах левых политических партий (что было бы наиболее естественно предположить), а в дневниковых записях, мемуарах общественных деятелей, писателей, историков, в трудах идеологов социализма.

В отличие от РСДРП, Партия социалистов-революционеров видела в революционной диктатуре не самоцель, а один из возможных вариантов развития политических событий в России [Бабенко 2000]: *...реорганизация производства и всего общественного строя на социалистических началах предполагает полную победу рабочего класса, организованного в социал-революционную партию и, в случае надобности, установление его временной революционной диктатуры* [288: 48]. Выполняя дефинитивную функцию в приведённом отрывке из программы ПСР, терминологическое сочетание *революционная диктатура* характеризуется наличием изначально заложенной в денотативном макрокомпоненте семы 'временная', воздействие же понятийных сем прилагательного *временный* ('не постоянный', 'длящийся' 'определённое' 'время') из контекстного окружения приводит к сверхактуализации данного микрокомпонента в структуре значения анализируемого терминологического наименования.

Тирания – в анализируемых текстах данное слово имеет значение ‘образ правления, поддерживаемый насилием’ [Битнер: 810]: *Мир, свободная работа, обновление и протест против всякой тирании, от кого бы и откуда бы она ни исходила, – таков лозунг союза* [281: 87]. В околядерной части денотативного макрокомпонента значения рассматриваемого наименования выделяется сема отрицательной рациональной оценки, на наличие которой указывают понятийные микрокомпоненты негативного характера ‘поддерживаемый’ ‘насилием’. В вышеприведённом контексте исследуемая общественно-политическая лексема выполняет номинативную, оценочную и прагматическую функции.

Анализ функционирования рассматриваемого слова позволил выявить ещё одно значение – ‘власть над сознанием людей, основанная на насаждении общепринятых норм и правил морали’: *Станционного смотрителя сгубила ходячая мораль; сама призрак, ничто, она совершенно реально высасывает кровь из людей; ее тирания – вот мысль, выраженная Пушкиным в «Станционном смотрителе»* [364]. Данное значение является метафорическим. Слово было перенесено на новую референтную основу, его первоначальное значение (‘произвольное или деспотическое проявление власти; жестокость, немилосердие, деспотизм’ [НПСИС: 484]) было утрачено. В рассматриваемом контексте анализируемая лексема вследствие имевшего место процесса метафоризации утрачивает признак идеологизированности и переходит из подсистемы общественно-политической лексики в разряд общеупотребительной лексики литературного языка.

В целом же частотность употребления слова *тирания* невелика. Всего было выявлено три случая его использования в исследуемых текстах. Подобная ситуация может быть объяснена достаточно широким содержанием анализируемого термина: под *тиранией* может пониматься любая, мыслимая как антидемократическая, форма правления. Положение же дел в России дореволюционного периода было таково, что политические партии и организации, находясь в постоянной взаимной борьбе за власть, стремились привлечь на свою сторону как можно больше сторонников. «По переписи 1897 г. 77,1% населения были крестьяне» [Бабенко 2000: 6]. Что касается рабочих, то они по паспортам числились крестьянами или мещанами [Бабенко 2000: 8]. Именно поэтому в борьбе за голоса потенциальных сторонников (и, соответственно, за власть) политические силы старались в своих программах, листовках,

воззваниях к народу и других документах показать прогрессивность своих взглядов, выразить своё неприятие не абстрактной *тирании*, а существовавшего самодержавного строя. Частотность термина *самодержавие* и его производных, как показал анализ текстов, исчислялась сотнями примеров по отношению к единичным случаям употребления термина *тирания*.

Конституционная тирания

Лексема *тирания*, как и большинство слов общественно-политической сферы, могла употребляться в документах противостоящих политических лагерей (например, в документах правых и левых партий). Так, в открытом письме основателя и почётного председателя Союза русского народа А.И. Дубровина исследуемая единица распространяется прилагательным *конституционный*, в результате чего образуется новое свободное составное общественно-политическое наименование, в котором изначально широкое понятийное наполнение лексемы *тирания* под воздействием денотативной семантики слова-распространителя предельно сужается до рамок конкретной формы государственного устройства, но при этом сохраняется всё та же сема отрицательной логической оценки.

Таким образом, в наших текстах рассматриваемое общественно-политическое наименование имеет значение 'тип государственного устройства, основанный на деспотической власти народного представительства': *Это предприятие «обновлённого» Совета в достаточной мере обеспечено денежными средствами из странных (написано верно – пояснение наше – А.З.) источников и широким сочувствием со стороны тех, кому желательно учредить на Св. Руси любезную масонским сердцам религиозную анархию, заменить Самодержавный образ правления конституционной тиранией и устранить русскую народность от её исторических прав первенства в Империи [272: 597].* В данном контексте исследуемое сочетание выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции. Являясь окказиональным образованием, анализируемое наименование словарями начала XX века не фиксируется, в исследуемых источниках не встречается.

Охлократия – в рассматриваемых текстах данная лексема имеет значение 'тип государственного устройства, при котором верховная власть сосредоточена в руках малообразованных неимущих слоёв общества': *Без этого демократия неизбежно выродилась бы в то правительство невежественной черни «охлократию», которую ещё древние*

считали *наихудшим из всех правительств* [264: 40]. Под воздействие понятийных сем негативного характера слов контекстного окружения (слова *невежественная чернь, наихудшее из всех правительств*) в коннотативном макрокомпоненте значения лексемы *охлократия* актуализируются микрокомпоненты резко отрицательной эмоциональной оценки и неодобрения (как семы эмотивного компонента коннотации). Таким образом, в вышеприведённом отрывке из речи М.М. Ковалевского анализируемое общественно-политическое наименование выполняет наравне с функцией номинации функции оценки и воздействия.

Следует отметить, что появление подобных созначений у лексемы *охлократия* в речи М.М. Ковалевского не случайно, так как данный политический деятель был представителем центристов, выступал за умеренные реформы с обязательным сохранением монархического строя, и любые упоминания о возможности установления власти неимущих слоёв общества (рабоче-крестьянского класса) вызывали с его стороны резкую негативную реакцию [Российские либералы 2001].

В словарях начала XX века рассматриваемое слово фиксируется в несколько ином значении. Под *охлократией* понималось 'господство черни, неимущих' [НПСИС: 598].

2.1.2.3. Наименования форм демократического государственного устройства

Сюда относятся лексемы, термины и составные общественно-политические наименования, именующие такой тип государственного устройства, при котором власть сосредоточена в руках народа.

Республика – в анализируемых текстах рассматриваемая лексема имеет значение 'форма государственного правления, при которой верховная власть принадлежит не наследственному правителю, а лицу или нескольким лицам, избираемым народными представителями или народом' [НПСИС: 414-415]: ...<...>... *сила этой власти* (самодержавия – уточнение наше – А.З.) *подрывалась и подбивается поныне врагами этой власти, желающими или вовсе низложить её (стремясь к республике), или ограничить её (конституцией)* [282: 375]. В данном контексте слово *республика* лишено каких бы то ни было дополнительных созначений и экспрессивных составляющих и, соответственно, квалифицируется как термин, сохраняя номинативную специализацию, имея признак идеологизированности и употребляясь в специальном тексте.

В итоге в приведённом отрывке из программы Русского народного союза имени Михаила Архангела анализируемый термин выполняет дефинитивную и номинативную функции.

В целом же вопрос о республиканской форме правления наиболее активно стал звучать из уст политических деятелей России лишь в период начала Первой мировой войны.

По мнению историков и политологов, отношение к республике как к государственному строю было различным в противоборствующих политических лагерях [Федоров 2002; Жиров 2001 и др.]. Такая ситуация отразилась и в системе языка рассматриваемого временного периода. Совершенно очевидными являются позиции правых и левых политических организаций (с учётом их внутренней дифференциации по степени радикализма взглядов) – в текстах их документов в структуре значения слова *республика* актуализируются либо отрицательные микрокомпоненты, либо положительные (соответственно, происходит процесс детерминологизации). По-иному дело обстоит с партиями центра (например, Партия демократических реформ, Партия мирного обновления и др.), в документах которых анализируемая лексема упорно игнорируется (нами не было выявлено ни одного случая употребления данного наименования). Такая ситуация может быть, отчасти, объяснена тем специфическим положением, которое занимали умеренно-либеральные центристские партии на политической арене в России начала XX века. Как известно, «интеллигенция выступала за ликвидацию неограниченного самодержавного режима. Она требовала введения всеобщего избирательного права, демократических свобод, реализации требования культурного самоопределения наций и народностей России» [Бабенко 2000: 40]. Стремясь продемонстрировать прогрессивность своих взглядов, члены данных партий и организаций упорно клеймили царизм за антидемократичность.

Однако следует отметить, что большинство руководителей партий центра были собственниками, людьми состоятельными, и поэтому кардинальное политическое переустройство в стране не могло входить в их планы (республика, образованная путём революции и основанная на экспроприации собственности, как того добивались эсеры и др. левые партии, привела бы к потере ими власти и своего привилегированного социального положения) [Российские либералы 2001]. К тому же сам по себе российский либерализм (а именно интеллигенция и либералы составляли основу партий центра) к началу XX века уже был крайне

неоднородным в плане состава и идейных направлений. Исследователи истории дореволюционной России отмечают, что «становление либеральных взглядов в России активизировалось в 1830 – 1840 гг., когда и западники, и славянофилы своими независимыми суждениями, духовным творчеством, гражданским поведением бросали вызов эпохе Николая I, стремясь к установлению свободы совести и слова, личной независимости; начали активно думать о судьбе отечества, об отношении к Западу, о роли религиозного сознания, о правах человека» [Российские либералы 2001: 4-5]. В начале же XX века «русский либерализм вступил в качественно новую фазу своего развития. В рамках его общей эволюции прослеживается тенденция к демократизации и расширению социальной базы за счёт приобщения к либеральному движению широких слоёв бессловной интеллигенции, к радикальным изменениям в области идеологии и программы, политики и тактики» [Российские либералы 2001: 7-8].

Таким образом, прогрессивные веяния в центристских партийных рядах основывались на косности и консерватизме политических взглядов и ограничивались видением будущего политического устройства России как конституционной парламентарной монархии. Данная политическая концепция последовательно воплощалась членами партий центра в своих программных документах путём тщательного отбора соответствующих языковых средств. Именно этим и объясняется, на наш взгляд, упорное игнорирование лексемы *республика* в текстах их политических документов.

Оставаясь по большей части консервативной и патриархальной, общественность во многих случаях относилась к идее создания в России *республики* с недоверием или полным неприятием. Так, З. Н. Гиппиус в своих дневниковых записях за 1914 – 1917 годы писала следующее: *Воистину «торгово-продажная» республика, – защищаемая одурелыми солдатами – рабами* [366]. Экспрессивность, особая выразительность создаётся в данном случае путём наложения дополнительных значений на основное понятийное содержание анализируемого слова, а также в результате воздействия экспрессивной возвышенной (слово *воистину*) и экспрессивной стилистически сниженной денотативной семантики слов контекстного окружения («торгово-продажная», *одурелые солдаты*). Употребляясь в данном случае в тексте художественной литературы, общественно-политическая лексема *республика* выполняет номинативную, аксиологическую, прагматическую и эстетическую (создание образа эпохи) функции.

Как форма государственного устройства *республика* бывает нескольких типов: 'сообразно конституции своей республика может быть... <...> демократической' или 'буржуазной' [НПСИС: 414-415].

Демократическая республика – в анализируемых текстах данное наименование имеет значение 'форма государственного правления, при которой фактическая власть принадлежит лицу или нескольким лицам, или органам, выбираемым населением на определённый срок': *Партия признаёт наиболее законченной формой политического строя – демократическую республику* [290: 50]; *Лишь демократическая республика, лишь полное народовластие есть форма правления, достойная свободного народа...* [353, № 34: 1]. Выявленные контексты, в которых используется анализируемое наименование, к сожалению, являются семантически не полными, не позволяющими однозначно сформулировать значение исследуемого терминологического сочетания. По этой причине значение наименования *демократическая республика* выводилось на основе анализа значений слов-компонентов. Так, прилагательное *демократический* имеет значение 'прил. к демократия' [Ушаков, т. 1: 683]. Лексема *республика* определяется как 'форма государственного устройства, при которой верховная власть принадлежит лицу или нескольким лицам, или органам, выбираемым населением на определённый срок' [Ушаков, т. 3: 1345].

Как видно из вышеприведённого примера употребления, сочетание *демократическая республика* лишено каких-либо коннотативных составляющих в структуре своего значения, к тому же оно номинативно специализировано, используется в специальном тексте (в программе Радикальной партии) и, следовательно, является терминологическим и выполняет дефинитивную функцию.

Анализ употреблений анализируемого наименования в документах левых партий показал идентичную ситуацию: *Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой...* [292: 31]. В рассматриваемом контексте терминологическое сочетание *демократическая республика* выполняет дефинитивную функцию.

Историки и политологи в своём большинстве сходятся во мнении, что в текстах листовок, воззваний к народу, открытых писем, программных документов РСДРП построение в России такой формы правления, как *демократическая республика*, позиционировалось как конечная

цель политической борьбы с самодержавием [Бабенко 2000; Политическая полиция 2001; 294; 296]. Отсюда и возникали нейтральные либо положительные коннотации в структуре значения анализируемого наименования, что, в свою очередь, приводило к детерминологизации.

Подробное же исследование текстов работ идеологов социализма, мемуаров политических и общественных деятелей показало, что в понятие, именуемое рассматриваемым сочетанием, зачастую вкладывалось несколько иное содержание. Так, П.И. Новгородцев, профессор Московского университета, доктор права, один из учредителей Конституционно-демократической партии, депутат I Государственной думы, писал: *Энгельс только подчеркивает это противоречие, когда с одной стороны объявляет, что «свободное государство есть чистая бессмыслица», а с другой – правда, много лет спустя – находит возможным сказать, что «демократическая республика есть специфическая форма для диктатуры пролетариата»* [383]. Понятийные семы слов контекстного окружения ('особая' 'оболочка' 'для временной' 'неограниченной' 'не основанной' 'на законах' 'власти' 'неимущего' 'рабоче-крестьянского' 'класса'), накладываясь на основное денотативное содержание терминологического наименования *демократическая республика* (данное наименование сохраняет свой специальный статус несмотря на употребление в художественном тексте и выполняет номинативную и эстетическую функции), активизируют процессы микрокомпонентного перераспределения, в результате чего формируется новое контекстуально обусловленное значение анализируемого терминологического сочетания. Под *демократической республикой* начинает пониматься 'тип государственного устройства, при котором государством формально управляет народное представительство, но реальная неограниченная законами временная власть находится в руках пролетариата'.

В.И. Ленин рассматривал *демократическую республику* как форму правления, учитывающую лишь интересы имущих классов (наименования *демократическая республика* и *буржуазная республика* были для него синонимичными): *Демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма...* [379]. В данном примере под влиянием контекстного окружения (понятийные семы слов *политическая оболочка капитализма*) происходит изменение в составе и структуре денотативного макрокомпонента значения исследуемого терминологического сочетания: деактуализируются семы 'в руках' 'народного' 'представительства'. На их месте появляются микрокомпо-

ненты 'в руках' 'имущих' 'классов'. Полностью обусловленное контекстом значение терминологического сочетания *демократическая республика* может быть сформулировано следующим образом: 'форма демократического государственного устройства, при которой фактическая власть находится в руках имущих классов'.

Демократическая парламентарная республика

В отличие от рассмотренного выше наименования данное терминологическое сочетание содержит уточняющий компонент – прилагательное *парламентарный*, которое определяется как 'относящийся к парламентаризму, управляемый согласно ему' [НПСИС: 349]. Слово *парламентаризм* же, в свою очередь, имеет значение 'парламентарная форма государственного управления, система управления, при которой парламент является не только законодательным органом, но и контролирующим исполнительную власть...' [НПСИС: 349].

Таким образом, в анализируемых текстах рассматриваемое сочетание имеет значение 'форма государственного правления, при которой власть находится в руках парламента, исполняющего законодательную и контролирующую функции': *Россия должна быть демократической парламентарной республикой. Законодательная власть должна принадлежать народному представительству* [303: 180]. В рассматриваемом контексте анализируемое терминологическое наименование выполняет номинативную и дефинитивную функции.

Буржуазная республика – в анализируемых текстах данное наименование имеет значение 'форма государственного правления, при которой... <...> власть фактически находится, несмотря на всенародное представительство, в руках буржуазии' [НПСИС: 414-415]: *... мы видели, как сводится революция с прямого пути – пути социальной свободы... <...> на кривые пути компромиссной политики, пути, ведущие вместо протора социального строительства в тупик буржуазной республики, в которой по-прежнему... <...> согнут будет под ярмом капитализма труд – высшее, лучшее, единственное человеческое благо* [298: 49-50]. В данном отрывке из прокламации оргкомитета и фракции ВЦИК социалистов-революционеров-интернационалистов исследуемое общественно-политическое наименование под действием негативной семантики контекстного окружения приобретает коннотативные семы отрицательной эмоциональной оценки и неодобрения. Контекстуально обусловленные созначения способствуют выполнению анализируемым сочетанием номинативной, аксиологической и прагматической функций.

Как показало исследование бытования сочетания *буржуазная республика* в текстах различных источников, отрицательные коннотации появлялись лишь в документах левых революционных политических организаций. И здесь нет ничего удивительного, так как левые, в частности социалисты, были твёрдо убеждены, что их «настоящие враги – буржуазия» [309: 45]. С другой стороны, «такие теоретики, как Ю. Ларин, Н. Череванин, считали, что царизм превратился в буржуазную монархию, что делает невозможным новую демократическую революцию в России. Им возражал Ю. Мартов, который надеялся на «левение» буржуазии, что могло способствовать расширению пролетарской борьбы» [Бабенко 2000: 73].

В проанализированных же нами материалах правых партий данное наименование выявлено не было, что может косвенно свидетельствовать о неприемлемости его содержания идейным установкам проправительственных партий. По мнению историков, крайне правые консервативные политические организации отстаивали принцип сохранения абсолютной монархии, при которой все высшие государственные посты занимали представители буржуазии [294; 296]. Определение же общественно-политического наименования *буржуазная республика* представляло для них синтез совершенно несовместимых, с их точки зрения, полярных идей: с одной стороны, буржуазный общественный строй (что было для них приемлемо), с другой – власть народного представительства (что шло вразрез с политическими программами). Таким образом, мы можем лишь предположить намеренное игнорирование «неудобного» термина членами крайне правых партий.

В текстах неспециального характера анализируемое сочетание могло приобретать и положительные созначения. Так, например, М.М. Пришвин в своих дневниковых записях за 1917 год писал следующее: *Петров-Водкин ходит в восторге от народа, от солдат, и, когда его в тревоге спросишь, что же дальше будет, он говорит: «Буржуазная республика!»* [386]. Под влиянием положительных понятийных микрокомпонентов слов контекстного окружения (слова *ходит в восторге*) в коннотативном макрокомпоненте значения анализируемого сочетания актуализируются семы положительной оценки и 'одобрения'. Экспрессивность всего наименования создаётся путём соответствующего пунктуационного оформления (используется восклицательный знак), а также благодаря наложению дополнительных созначений на основное денотативное содержание исследуемого наименования. В вышешри-

ведённом контексте рассматриваемое сочетание выполняет функции номинации, оценки и регуляции поведения.

Пролетарская республика

Характеризуя программы политических партий России периода 1906 – 1911 годов, товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский отмечал следующее: *Разница была лишь в том, что одни обещали массам насильственное перераспределение собственности именем Самодержавного Царя, как представители интересов народа и его защитников от утеснения богатых, и другие – именем рабочих и крестьян, объединённых в демократическую или пролетарскую республику* [371: 628]. Анализируемое наименование образовано на базе сочетания прилагательного *пролетарский* и существительного *республика* (в основе словосочетания – подчинительная связь согласование). Словарями начала XX века данное наименование не фиксируется. Слово *пролетарский* определяется как 'свойственный пролетариям, относящийся к ним' [НПСИС: 392]. Под *пролетариями* же понимаются 'представители пролетариата, люди, живущие изо дня в день исключительно продажей своей рабочей силы, не владеющие более или менее значительной собственностью или капиталом' [НПСИС: 391]. На Западе слово *пролетарий*, по-видимому, появилось в 20-х годах XIX века, а в русском языке оно начало функционировать в 30-х годах [Черных, т. 2: 212]. По наблюдениям Ю.А. Бельчикова, «с «политическим» значением слово *пролетарий* используется уже в 40-х гг. XIX века» [Бельчиков 1959: 35]. Процесс окончательной терминологизации слова *пролетарий*, по мнению Ю.С. Сорокина, связан с завершением формирования промышленного пролетариата как класса в России [Сорокин 1965: 103].

Таким образом, анализируемое общественно-политическое сочетание *пролетарская республика* может быть определено как 'форма государственного устройства, при которой вся власть сосредоточена в руках рабочего класса общества'. В приведённом выше контексте данное наименование выполняет номинативную и эстетическую (создание образа эпохи) функции.

Парламентаризм – в анализируемых текстах рассматриваемое наименование имеет значение 'парламентарная форма государственного управления' [НПСИС: 349]: *Вот те мотивы, которые заставили партию народной свободы высказаться за демократическую республику французскую или республику парламентарного типа, – они сводятся к тому, что только при наличности французского типа возможно осуществление*

наиболее гибкой формы государственного правления – **парламентаризма** [301: 411]. В данном контексте слово *парламентаризм* лишено каких бы то ни было дополнительных созначений, употребляется в специальном тексте, сохраняет номинативную специализацию и, следовательно, квалифицируется как термин, а также выполняет дефинитивную и номинативную функции.

Анализ функционирования рассматриваемой лексемы показал наличие полярных оценок экстралингвистической реалии, объективируемой в системе языка данным наименованием. Так, в высказываниях идеолога социализма и коммунизма В.И. Ленина термин *парламентаризм* приобретает резко отрицательные коннотации и переходит в подсистему общеупотребительной общественно-политической лексики (то есть детерминологизуется): *Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями* [377]. Под влиянием понятийных сем негативного характера слов *продажный* и *прогнивший* ('готовый' 'за деньги' 'на бесчестные' 'поступки'; 'морально' 'внутренне' 'разложившийся') в коннотативном макрокомпоненте значения анализируемого термина актуализируются микрокомпоненты отрицательной оценки и 'неодобрения' как семы эмотивного компонента значения, вследствие чего происходит детерминологизация. Воздействие сильного негативного фона контекста способствовало появлению у лексемы *парламентаризм* экспрессивности. В указанном контексте исследуемое слово выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции.

Подобная позиция В.И. Ленина, по мнению историков и политологов, является отчасти своеобразной реакцией на противодействие революционным силам со стороны правительства и правых партий. Так, Б.Г. Федоров отмечает, что члены РСДРП готовили революцию не только путём агитационной работы, террора, но и при помощи организации беспорядков: «Нужно сказать, что подстрекательством к беспорядкам целенаправленно занимались все левые партии, причём эсеры – в деревне, а социал-демократы преимущественно в городах» [Федоров, т. 1, 2002: 189]. Что касается монархистов, то они «... каждый раз проводили контрдемонстрации и нередко забрасывали камнями левых активистов, которые были вооружены палками и револьверами» [Федоров, т. 1, 2002: 191]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что идеолог

социализма и коммунизма «недолюбливал» псевдодемократические формы правления с властью, сосредоточенной в руках имущих классов.

Некоторые общественные деятели и писатели полностью разделяли позицию революционных и в целом левых политических организаций и партий в вопросе о возможности установления парламентаризма в России. В частности Л.Н. Толстой писал следующее: *Социализм же, парламентаризм и всякие конгрессы, напротив, полезны правительствам и капиталистам: все эти учреждения со своими сложными разглагольствованиями, спорами, самым действительным способом скрывают от людей главную причину того зла, против которого они будто бы борются* [394]. В данном контексте анализируемое слово выполняет номинативную функцию.

Конституционный парламентаризм

Правые партии, такие как Союз русского народа имени Михаила Архангела, высказывались против изменения формы государственного устройства. Они видели будущее России в *первенстве русской народности..., покоящегося на неразрывном единении Царя с народом, через народное представительство в лице лучших русских людей – в Государственной Думе и Совете, без средостения и старого бюрократизма, и нового для России конституционного парламентаризма* [259: 396]. Анализируемое наименование словарями рассматриваемого временного периода не фиксируются. Оно образовано на базе сочетания прилагательного *конституционный* и существительного *парламентаризм* (тип синтаксической связи – подчинение, согласование). Слово *конституционный* имеет следующее значение: 'согласный с конституцией, основанный на ней, пользующийся ею' [НПСИС: 216]. Сам же термин *конституция* определяется словарями начала XX века как 'собрание основных законов государственного устройства, устанавливающих также отношения верховной власти и подданных или граждан в управлении и законодательстве' [НПСИС: 216].

Таким образом, анализируемое сочетание *конституционный парламентаризм* имеет значение 'парламентарная форма государственного устройства, основанная на собрании основных законов государства и определяемая ими' и в приведенном выше отрывке из информационного сообщения об издании газеты «Колокол» выполняет номинативную функцию.

В текстах других анализируемых источников рассматриваемое наименование выявлено не было.

Парламентарный строй

Партии либерально-демократического толка вплоть до революции 1917 года настаивали на кардинальной смене политического устройства в России [Фёдоров 2002; Бабенко 2000 и др.]. Так, И.Н. Ефремов, крупный землевладелец, член ЦК Партии прогрессистов в 1912 – 1914 годах, на одном из своих выступлений в Государственной думе заявил следующее: *Такой деятельности правительства должен быть положен конец; личный режим должен быть заменён парламентарным строем, этот лозунг мы провозгласили полтора года тому назад, и он становится всё более и более общим лозунгом всей страны* [306: 396]. В рассматриваемом контексте дефиниция терминологического наименования *парламентарный строй* может быть сформулирована следующим образом: 'форма государственного устройства, при которой власть сосредоточена в руках народного представительства – парламента'. В данном употреблении анализируемое терминологическое сочетание выполняет дефинитивную и номинативную функции. Словарями начала XX века сочетание *парламентарный строй* не фиксируется. Примеров использования рассматриваемого наименования в текстах других анализируемых источников выявлено не было.

Конституционное устройство – выявлен один случай употребления анализируемого наименования: ***Конституционное устройство*** *Российского государства определяется основным законом, Россия должна быть конституционной и парламентарной монархией* [283: 71]. Выявленный контекст употребления, являясь семантически неполным, не позволяет вывести значение исследуемого сочетания. По этой причине дефиниция анализируемого наименования выводится на основе анализа значений образующих его слов. Так, прилагательное *конституционный* имеет значение 'основанный на конституции' [ССРЛЯ, т. 5: 1317]. Термин *устройство* определяется как 'установленный общественный порядок, система организации чего-либо, строй' [ССРЛЯ, т. 16: 993]. Таким образом, исследуемое сочетание может быть определено как 'тип государственного устройства, основанный на конституции'. Употребляясь в специальном тексте (программа Конституционно-демократической партии), составное наименование характеризуется отсутствием контекстуально детерминированных коннотативных микрокомпонентов значения, следовательно, сохраняет свою номинативную специализацию, идеологизированность, что позволяет квалифицировать его в качестве общественно-политического термина.

Данное наименование словарями не отмечается, что, по-видимому, было связано с крайне низкой частотностью его использования.

Демократия

В русском языке начала XX века это слово могло употребляться в нескольких значениях. Так, в текстах воспоминаний общественных деятелей дореволюционного периода выявлено использование анализируемой лексемы в значении 'народовластие; форма правления, при которой верховная власть находится в руках самого народа' [НПСИС: 129]: **Демократия** для нашего времени, это...<...> – самоуправление народа и зависимость от народа власти [383]. В рассматриваемом контексте термин *демократия* выполняет номинативную и эстетическую функции. Общая частотность употреблений данного наименования в вышеуказанном значении крайне низка.

Термин *демократия* мог использоваться в значении 'сторонники демократического способа правления', что позже отмечено словарями [БАСРЯ, т. 4: 664-665]:... <...> *нарастал тревога в рядах революционной демократии и в формах действенных, в формах открытого протеста вырвалась она, наконец, наружу* [298: 49]; *Голосу революционной демократии должен внять Всероссийский Исполнительный Комитет* [298: 50]. В данном случае можно предположить развитие нового значения, которое отмечено некоторыми словарями начала XX века (например, словарь С.Н. Алексеева [Алексеев: 6]), на базе произошедшего процесса тропеизации – метонимии, так как имел место перенос отличительных принципов *демократии* (как формы правления) на совокупность людей, отстаивающих и руководствующихся подобными принципами.

Сочетание *революционная демократия* представляет собой свободное терминологическое наименование. Под влиянием семантики прилагательного *революционный* в денотативном макрокомпоненте анализируемого термина актуализируются семы 'относящийся' 'к революции'. Таким образом, происходит сужение первоначального понятийного содержания термина *демократия*. В итоге составное наименование начинает означать 'сторонников установления демократической формы правления путём революционной смены власти'.

В значении 'сторонники демократического способа правления' частотность использования термина *демократия* достаточно велика. В ходе анализа текстов источников было выявлено более 30 случаев употребления: *Разве отказ идти на коалицию в то время, когда революционная демократия обнаружила склонность к ней, не есть разжигание и*

проявление классовой борьбы? [392]; *На самом деле демократия доверяет правительству в его целом* [384] и др.

Как известно, в современном русском языке основным, первым, значением термина *демократия* является 'форма правления, при котором верховная власть в государстве принадлежит народу, народовластие' [ССРЛЯ, т. 3: 690]. Преобладание же в языке начала XX века анализируемого термина в значении 'сторонники демократического способа правления' (а также в семантических модификациях этого значения) всецело определялось общественно-политической ситуацией в России рассматриваемого временного периода. Большинство историков и политологов сходится во мнении, что расстановка политических сил в дореволюционной России была такова, что *демократия* как форма государственного устройства с всеобщим доступом народа к рычагам управления страной никем всерьёз не рассматривалась. Правые партии и партии центра, несмотря на различие программ, по большому счёту, являлись партиями монархическими, поэтому не в их интересах было говорить о демократии как будущем строе России. Левые же партии в обозримом будущем видели для нашей страны только один путь – насильственная смена власти и установление диктатуры пролетариата, далее – социал-демократическая республика с всё той же абсолютной властью класса рабочих и крестьян. Ни о какой демократии, в истинном смысле этого слова, говорить не приходилось [Бабенко 2000; Жиров 2001; Федоров 2002 и др.].

Таким образом, в начале XX века основная ставка делалась на политические силы, разделявшие общую идею *демократии* как формы правления, однако само понимание *демократии* сильно варьировалось в противоборствующих политических лагерях. А так как идеал демократии у каждого был свой, то и наименования совокупности людей, придерживавшихся и руководствовавшихся принципами демократии, были различными: *демократия, социал-демократия, революционная демократия, политическая демократия, мелкобуржуазная демократия* и др.: *Манифестация эта прошла без всяких столкновений и еще раз ясно показала, что революционная демократия поддерживается далеко не всеми* [362]; *Христианской является политическая демократия постольку, поскольку в ней человек – не один какой-либо человек, а каждый человек – имеет значение как суверенное, как высшее существо* [383]; *Что государство есть орган господства определенного класса, который не может быть примирен со своим антиподом (с противоположным ему*

классом), этого *мелкобуржуазная демократия* никогда не в состоянии понять [377]; Немецкая *социал-демократия* действительно по своим заявлениям становилась все более марксистской, а в то же время она делала бесспорные успехи на избранном ею пути легальной политической борьбы [383].

Анализ исследуемых текстов позволил выделить ещё два значения слова *демократия*: 'страна, государство с демократической формой правления' (*Государство вообще, т. е. самая полная демократия, может только «отмереть»* [377]) и 'принцип организации коллективной деятельности, при которой обеспечивается равноправное и активное участие в ней всех членов коллектива' (*Точнее, демократия их происходит от того, что они давно не получают заказов от двора (несколько строк в ее мемуарах)* [389]) [БАСРЯ, т. 4: 664-665]. Частотность употребления анализируемой лексики в указанных значениях крайне низка – выявлены единичные примеры использования в текстах художественной литературы.

В итоге слово *демократия* предстает перед нами как полисемантическая структура, представляющая собой совокупность четырёх семем, каждая из которых является отдельным значением рассматриваемого наименования. Иерархия значений слова *демократия* определяется семантической производностью/непроизводностью и может быть представлена следующим образом: 1. 'Народовластие; форма правления, при которой верховная власть находится в руках самого народа' [НПСИС: 129]. 2. 'Страна, государство с демократической формой правления'. 3. 'Сторонники демократического способа правления' [БАСРЯ, т. 4: 664-665]. 4. 'Принцип организации коллективной деятельности, при которой обеспечивается равноправное и активное участие в ней всех членов коллектива' [БАСРЯ, т. 4: 664-665]. Лексема *демократия* идентифицируется нами как общественно-политический термин только в первых трёх значениях. Четвёртое значение является результатом семантического процесса ассоциативного переноса изначальных характеристик демократии на другие явления общественной жизни, вследствие чего утрачивается связь наименования и специального понятия в рамках отдельной области знания. Однако сохранение потенциального идеологического компонента в слове *демократия* в четвёртом значении позволяет относить его к подсистеме общественно-политической лексики.

Следует отметить, что функционирование анализируемого общественно-политического термина в русском языке начала XX века в отме-

ченных выше значениях далеко не всегда фиксировалось словарями. В используемых нами словарях дореволюционного периода бытование слова *демократия* в лексической системе языка отмечается лишь в «Новом полном словаре...» [НПСИС] и то в одном единственном значении. Второе значение было выведено нами всецело из анализа употреблений рассматриваемого наименования в различных контекстах. Третье и четвёртое значения фиксируются современными толковыми словарями, построенными на основе исследования корпуса текстов XVIII – XX в. [БАСРЯ].

Структура и состав словарной статьи словарей начала XX века не были строго регламентированы, и в толковании слов зачастую содержались элементы энциклопедизма и личностного отношения к явлениям и предметам, номинируемым теми или иными словами, имели место случаи, когда в словарях давались не совсем точные толкования. Так, можно встретить следующее определение термина *демократия*: ‘сами народные массы, как класс, стремящиеся к преобладанию в государстве’ [НПСИС: 129]. Как видим, в данной формулировке все группы населения вне зависимости от их политических воззрений сведены в один «класс» только на основании их общего стремления изменить общественно-политическое устройство государства в сторону абсолютного расширения прав граждан на управление собственной страной. Если быть исторически и фактически точным, то «к преобладанию в государстве» стремились самые различные политические партии [294; 295: 3-10, 123], а по причине амбивалентности микрокомпонентного состава коннотативного и денотативного блоков значения общественно-политической лексики к *демократии* себя причисляли как члены монархистских партий, так и сторонники диктатуры и тоталитаризма.

Таким образом, использование признака «стремление к преобладанию в государстве» не позволяет дифференцировать собственно демократические и недемократические политические силы.

На актуальность понятия, номинируемого термином *демократия*, указывают также широкие словообразовательные связи данного слова. Так, в русском языке дореволюционного периода достаточно частотными были такие термины и общественно-политические лексемы, как *демократический*, *демократизация*, *демократизм*, *демократ* и др. В наших текстах прилагательное *демократический* имеет значение ‘относящийся к демократии, свойственный ей’: Как *демократическая* по своим тенденциям, наша партия (Партия демократических реформ –

пояснение наше – А.З.) *требует свободы только под условием равноправия полов, национальностей и вероисповеданий. Равенство прилагается по всем видам личных вольностей или так называемых публичных прав, обнимающих собою всю сумму как физических, так и духовных проявлений личности: к свободе передвижения в такой же мере, как и к свободе от произвольных арестов столько же, сколько и к свободе совести, свободе устного и печатного слова* [264: 38]. В среде передовой интеллигенции начала XX века само понятие демократии зачастую ассоциировалось с требованием малоимущих классов (которых в России того времени было более 70%) уравнивать в правах абсолютно все слои населения путём введения свободы слова, печати, вероисповедания и т. д. [Российские либералы 2001]. Подобное понимание явления, именуемого термином *демократия* (а также его производными) было отмечено и словарями рассматриваемого временного периода. Так, в «Новом полном словаре...» лексема *демократический* определяется как ‘свойственный демократии, народовластный; принадлежащий к низшим классам населения’ [НПСИС: 129]. Понятийные семы ‘принадлежащий’ ‘к низшим’ ‘классам’ ‘общества’ актуализировались в семантике анализируемого слова приблизительно в конце XIX в. – начале XX века. Ранее лексема *демократический* характеризовалась отсутствием данных микрокомпонентов в структуре своего значения, что, в частности, зафиксировано в «Словаре церковнославянского и русского языка» [СЦРЯ, т. 1: 660].

Термин *демократизация* в исследуемых текстах имеет значение ‘переход на демократические основы’: *Таковыми органическими мерами, подрывающими самые основы буржуазного общества и закладывающими краеугольные камни будущего строя, являются: полная демократизация всего политического и общественного строя, обеспечивающая свободное народное правление...* [297: 116]. В рассматриваемом контексте анализируемое специальное наименование выполняет номинативную и дефинитивную функции. Словарями начала XX века данная лексема не фиксируется.

В русском языке дореволюционного периода достаточно частотным было наименование *демократизм* (было выявлено 16 случаев употребления), использовавшееся в значении ‘демократическая форма правления’: *Демократизм этот, так же, как и социализм – от антихриста, ибо первый исходит из домогательств власти (право на участие всех во власти), а второй – из домогательства равномерного распределения благ земных* [403]. В приведённом выше отрывке анализируемый термин под

воздействием контекстного окружения (понятийные семы негативного характера слов *антихрист, домогательства*) приобретает отрицательную эмоциональную оценку и 'неодобрение' как микрокомпоненты коннотативного блока значения, вследствие чего детерминологизируется и переходит в разряд общеупотребительной общественно-политической лексики. В указанном контексте слово *демократизм* выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции. В используемых словарях начала XX века бытование данной лексемы в языке не отмечается.

Существительное *демократ* в наших текстах имеет значение 'сторонник демократии': *Пусть стихи его не очень похожи на стихи, но чувство языческой любви к жизни, которое говорит в них, высокая оценка человека, сила мысли – всё это прекрасно и здорово. Уитмен – истинный демократ и философ. В своих книгах он заложил, быть может, первооснову подлинно демократической философии – доктрину свободы, красоты и правды и гармонического сочетания их в человеке [368].* В данном контексте исследуемое слово выполняет номинативную и эстетическую (создание образа персонажа) функции.

Таким образом, идея тотального политического переустройства в России периода 1900 – 1917 годов была сверхактуальна. Поворот в сторону демократизации общественно-политического устройства осознавался большинством политических сил (за исключением крайне правых радикальных политических организаций, таких как Союз русского народа имени Михаила Архангела), однако само понимание демократии и сопряжённых с ним понятий сильно варьировалось. В системе языка подобная ситуация отразилась в виде резко возросшей в начале XX века частотности употреблений терминов и лексем *демократия, демократизм, демократизация, демократ* и др. Отсутствие единой трактовки понятийного наполнения данных наименований привело к варьированию микрокомпонентного состава денотативного и коннотативного блоков значения.

Народовластие – в рассматриваемых текстах анализируемое наименование имеет значение 'форма государственного устройства, при которой власть сосредоточена в руках народа': *Волей революционного народа – вопрос о завершении народовластия стал на очередь к окончательному и безоговорочному решению [298: 49].* В данном контексте термин *народовластие* выполняет номинативную и дефинитивную функции. Частотность его употреблений в текстах рассматриваемых документов

очень низкая. Было выявлено всего два случая использования анализируемого термина в программных документах левых партий (один пример – в Программе трудовой (народно-социалистической) партии, другой – в прокламации Партии левых социалистов-революционеров).

Термин *народовластие* словарями начала XX века не фиксируется. В словарях XIX века отмечается слово *народодержавие* в значении 'то же, что демократия; народное правление' [СЦРЯ, т. 2: 835]. И в одном, и в другом случаях в основе образования рассматриваемых слов лежит механизм словосложения. Термин *народовластие* является производным от сложения существительных *народ* и *власть*. Слово же *народодержавие* образовано путём сложения существительных *народ* и *держава*. Слово *держава* имело значение 'владычество, могущество, крепость, сила' [СЦРЯ, т. 1: 663]. *Власть* же определялась как 'право повелевать и управлять другими; начальство' [СЦРЯ, т. 1: 276].

Использование термина *народовластие* в документах левых партий вполне закономерно. По мнению историков, «важнейшим направлением деятельности ПСР считалась пропагандистско-агитационная работа в массах (организация стачек, бойкота помещиков, создание крестьянских «братств» – тайных кружков в деревне). Велась работа и среди городского населения (особенно пролетариата)» [Бабенко 2000: 70]. Таким образом, опираясь в своей политической деятельности на неимущие классы крестьян и рабочих, члены данных партий (в том числе и Партии социалистов-революционеров) проводили тщательный отбор языковых средств в своих агитационных и программных документах, отдавая предпочтение общественно-политическим терминам и лексемам с прозрачной внутренней формой. Делалось это исключительно в целях быть понятыми потенциальными малограмотными сторонниками.

Анализируемый термин не использовался в документах монархистских партий, так как его семантическое наполнение шло вразрез с идейными установками данных политических организаций.

В периодической печати начала XX века функционировало идентичное по значению наименование *народоправление*: *Москва со своими Иванами (Калитой, Иваном III и Грозным) выступила против областного начала и на место децентрализации выдвинула идею централизации, а вместо народоправления – царскую власть* [351, № 82: 2].

Представительное правление – в наших текстах анализируемое терминологическое наименование имеет значение 'форма правления, при которой участие в государственных делах народ принимает не непо-

средственно, а через своих выборных представителей' [СИСП: 995]: *В области верховного правления. Стремясь к осуществлению народовластия в наиболее полной и совершенной его форме, партия в первую очередь будет добиваться введения **представительного правления*** [293: 59]. В данном контексте терминологическое сочетание *представительное правление* выполняет дефинитивную и номинативную функции.

Анализ текстов исследуемых источников показал крайне низкую частотность употребления рассматриваемого терминологического наименования: был выявлен всего лишь один случай его использования в вышеуказанной программе Народно-социалистической партии. Подобная ситуация могла быть вызвана двумя причинами: либо неактуальностью экстралингвистического понятия, номинируемого терминологическим сочетанием *представительное правление*, либо несколько неудачной формулировкой самого термина.

Вопросы, связанные с деятельностью народного представительства и с возможностями установления представительного правления в России, являлись одними из ключевых в политических дискуссиях периода 1900 – 1917 годов. С точки зрения ряда историков и политологов, некоторые представители интеллигенции рассматривали представительное правление как нечто среднее между различными типами ограниченной монархии: «Как перспективный тип государственного устройства, «примиряющий» обе модели ограниченной монархии (конституционной и парламентарной), определявшие политическое развитие в XIX в., М.М. Ковалевский характеризовал представительную демократию, основанную на самоуправлении народа (парламентаризм) и равенстве всех граждан перед законом» [Российские либералы 2001: 368-369].

Таким образом, наиболее вероятной представляется вторая причина низкой частотности рассматриваемого терминологического наименования.

Сочетание *представительное правление* образовано на базе прилагательного *представительный* и существительного *правление*. Слово *представительный*, по наблюдениям В.В. Виноградова, появилось в русском языке в начале XIX века как производное от *представитель* и уже в то время начало функционировать в общественно-политическом значении [Виноградов 1994: 545-547]. Можно заключить, что анализируемое терминологическое наименование обладало достаточно прозрачной внутренней формой и могло быть понятно подавляющему большинству сторонников левых социалистических и революционных партий, но члены данных партий (а также других политических организаций)

не употребляли анализируемое наименование. Возможно, в некоторых случаях желание использовать «модную» заимствованную общественно-политическую терминологию пересиливало стремление быть понятыми народными массами.

2.1.3. Системные отношения в тематической группе «Наименования форм государственного устройства»

Принимая во внимание тот факт, что ОПЛ и ОПТ представляют собой две самостоятельные подсистемы, в данном параграфе отдельно рассматриваются системные отношения общественно-политической лексики и общественно-политической терминологии.

Так как системно-структурный аспект в данном исследовании не предусмотрен, а поставленные цели и задачи работы не требуют углубленного, детального анализа системных связей и отношений, мы не будем подробно останавливаться на этом направлении. Более важным для нас является установление самого факта системности общественно-политической терминологии и лексики как отдельных подсистем лексики русского языка начала XX века, а также выявление взаимосвязи между особенностями функционирования исследуемых наименований, их семантическими преобразованиями и типологией системных отношений, присущих данным наименованиям.

Для констатации же факта о том, что исследуемые наименования, функционировавшие в русском языке дореволюционного периода, представляли собой не «разрозненные» лексемы, а на основании функционально-семантической общности интегрировались в лексико-семантические множества и отдельные лексические подсистемы, необходимо выявление «элементарных» системных связей (без выделения отношений включения, пересечения и т. д.; без рассмотрения таких частных случаев синонимии, как абсолютная, относительная синонимия и пр.).

Системные отношения ОПТ

Учитывая особенности общественно-политического термина, в настоящем параграфе рассматриваются следующие типы системных отношений: терминологическая дублетность, квазисинонимия, квазиантонимия, терминологическая полисемия и гиперо-гипонимия. Контекстуально обусловленная терминологическая квазисинонимия нами не рассматривается, так как актуализация коннотативных микроком-

понентов значения приводит к детерминологизации. Следовательно, контекстуально детерминированная квазисинонимия свойственна только ОПЛ.

Термины-дублиеты

Для данного типа системных отношений характерно наличие идентичного микрокомпонентного состава денотативного блока значения и отсутствие каких-либо семантико-стилистических дифференциаций. Именно поэтому термины-дублиеты полностью взаимозаменяемы в абсолютно любом контексте.

Как показал проведённый анализ, в рассматриваемой ТГ терминологическая дублетность не представлена. Значения всех выявленных специальных наименований различаются как по объёму, так и по составу микрокомпонентов.

В целом явление дублетности в терминологии достаточно редкое. Случаи абсолютного совпадения значений специальных наименований, как правило, чаще наблюдаются в терминологиях естественнонаучных дисциплин.

Квазисинонимия

Терминологическая квазисинонимия имеет место в тех случаях, когда семантико-стилистические дифференциации значений являются изначально заложенными, а не контекстуально обусловленными.

В ходе анализа терминологических наименований нами были выделены следующие ряды терминов-квазисинонимов:

➤ **строй** ('политическое устройство') – **государственный строй** ('политическое устройство страны, находящейся под властью определённого правительства') – **политический строй** ('государственное устройство') – **государственное устройство** ('политический строй, форма организации государства') – **форма государственности** ('политическое устройство общества'): *Ставя ближайшей целью своей деятельности борьбу за коренную демократизацию **строя** в рамках капиталистического общества, за республику демократическую, социалистические партии конечным идеалом своих стремлений выставляют республику социальную...*[295: 5]; *Партия признаёт наиболее законченной формой **политического строя** демократическую республику* [289: 84]; *<...> в наш **государственный строй** вводится новое начало – начало конституционной монархии* [243: 182]; *Единомыслие в признании конституционной монархии наиболее соответствующей для России формой **государственного устройства** и взаимодействие на основах свободы*

и проведения реформ эволюционным путём должно служить главным началом деятельности союза [281: 87]; Одни партии желают возврата старых, изжитых уже **форм государственности** – это партии реакционные...[295: 4];

➤ **монархия** (форма государственного устройства, при которой вся полнота власти принадлежит одному лицу) – **монархическое устройство** (самодержавный строй) – **самодержавие** (форма правления, при которой монарх является носителем всей верховной власти) – **самодержавный образ правления** (форма политического устройства общества, при которой вся полнота власти сосредоточена в руках одного человека – монарха): Будучи демократией, Россия в то же время **монархия**. Её **монархическое устройство** вызвано было ходом истории, необходимостью сплотиться под главенством сильной центральной власти...[264: 32]; Вот настоящее, русское, народное **самодержавие**, и именно такая система управления государством и нужна для России и в настоящее время [266: 79]; Это предприятие «обновлённого» Совета в достаточной мере обеспечено денежными средствами из странных источников и широким сочувствием со стороны тех, кому желательно учредить на Св. Руси любезную масонским сердцам религиозную анархию, заменить **Самодержавный образ правления** конституционную тиранией и устранить русскую народность от её исторических прав первенства в Империи [272: 597];

➤ **конституционная монархия** (ограниченная монархия, в которой власть монарха ограничивается народным представительством, имеющим право на участие в законодательстве и в решении важных государственных вопросов) – **конституционно-монархический строй** (форма государственного устройства, при которой власть монарха ограничена органом народного представительства): Единомыслие в признании **конституционной монархии** наиболее соответствующей для России формой государственного устройства и взаимодействие на основах свободы и проведения реформ эволюционным путём должны служить главным началом деятельности союза [281: 87]; Для полного и действительного осуществления всех вышеуказанных начал необходимо утверждение **конституционно-монархического строя** с политической ответственностью министров перед народным представительством [304: 192];

➤ **парламентаризм** (парламентарная форма государственного управления) – **парламентарный строй** (форма государственного устройства, при которой власть сосредоточена в руках народного

представительства – парламента’) – **представительное правление** (‘форма правления, при которой участие в государственных делах народ принимает не непосредственно, а через своих выборных представителей’): *Вот те мотивы, которые заставили партию народной свободы высказаться за демократическую республику французскую или республику парламентарного типа, – они сводятся к тому, что только при наличности французского типа возможно осуществление наиболее гибкой формы государственного правления – парламентаризма* [301: 411]; *Такой деятельности правительства должен быть положен конец; личный режим должен быть заменён парламентарным строем, этот лозунг мы провозгласили полтора года тому назад, и он становится всё более и более общим лозунгом всей страны* [306: 396]; *В области верховного правления. Стремясь к осуществлению народовластия в наиболее полной и совершенной его форме, партия в первую очередь будет добиваться введения **представительного правления*** [293: 59];

➤ **демократия** (‘народовластие; форма правления, при которой верховная власть находится в руках самого народа’) – **народовластие** (‘форма государственного устройства, при которой власть сосредоточена в руках народа’): *Демократия для нашего времени, это...<...> – самоуправление народа и зависимость от народа власти* [383]; *Волей революционного народа – вопрос о завершении **народовластия** стал на очередь к окончательному и безоговорочному решению* [298: 49].

Квазиантонимия

Анализ рассмотренных терминов и терминологических наименований показал, что противопоставляться могли единицы отдельных тематических субподразделений. Так, в отношении квазиантонимии вступают наименования форм демократического и недемократического государственного устройства.

Выявлены следующие пары терминов-квазиантонимов:

➤ **народовластие – диктатура** (противопоставлены денотативные семы ‘власть’ ‘сосредоточена’ ‘в руках’ ‘народа’ – с одной стороны, и ‘временная’ ‘неограниченная’ ‘власть’, ‘не основанная’ ‘на законах’ – с другой:...<...>... *сила этой власти* (самодержавия – уточнение наше – А.З.) *подрывалась и подрывается поныне врагами этой власти, желающими или вовсе низложить её (стремясь к **республике**), или ограничить её (конституцией)* [282: 375]; *Мир, свободная работа, обновление и протест против всякой **тирании**, от кого бы и откуда бы она ни исходила, – таков лозунг союза* [281: 87]);

➤ **представительное правление – диктатура;**

- *абсолютизм – демократия;*
- *абсолютизм – республика;*
- *парламентарный строй – самодержавие* и т. д.

Слово *анархия* вступает в отношения антонимии с каждым из 31 выделенного наименования конкретных форм государственного устройства.

В целом можно заключить, что противопоставлялись целые ряды квазисинонимов (например, *парламентарный строй, парламентаризм* и др., с одной стороны, и *монархия, монархическое устройство* и т. д. – с другой).

Как видим, системные отношения квазиантонимии представлены намного большим количеством примеров, чем квазисинонимия. Подобная языковая ситуация, на наш взгляд, всецело определялась экстралингвистическими факторами: антагонизм противоборствующих политических сил отразился в системе языка в виде противопоставления наименований разнообразных моделей предполагаемого пути политического развития. А так как таких моделей предлагалось политическими партиями и организациями максимально возможное количество, то и в подсистеме общественно-политической терминологии (так же, как и в ОПЛ) наблюдалось функционирование большого количества соответствующих квазиантонимических пар.

Терминологическая полисемия

При узком подходе для термина критичным является наличие только одного значения. Однако, как мы отмечали в первой главе настоящего исследования, терминология общественно-политической сферы в силу своей специфики вступает в различные системные отношения. Так, исследование наименований форм государственного устройства показало, что отдельные термины и терминологические сочетания могут функционировать в нескольких значениях, то есть характеризоваться наличием полисемии.

В ходе анализа рассматриваемой тематической группы был выявлен 1 полисемантический термин:

- *самодержавие* – 1. 'форма правления, при которой монарх является носителем всей верховной власти' [СИСП: 1047]; 2. 'власть, правление самодержца' [ЦСРЯ, т. 4: 184].

Гиперо-гипонимия

В работе нами были выделены основные родовидовые отношения (родовые и видовые наименования форм государственного устройства). Выделение данных отношений положено в основу структури-

рования и подачи материала исследования во II и III главах, что соответствующим образом отражено в содержании монографии. Поэтому повторно перечислять термины и терминологические наименования, находящиеся в данных системных отношениях, мы считаем нецелесообразным.

Проведённый анализ показал наличие гиперо-гипонимических отношений и между другими наименованиями.

Так, термин *монархия* является общим названием разных типов государственного устройства, при которых страну возглавляет монарх. В качестве видовых выступили следующие наименования: *конституционная монархия, конституционно-монархический строй, конституционная и парламентарная монархия, либеральная монархия.*

Термин *республика* также является родовым наименованием по отношению к следующим терминологическим сочетаниям: *демократическая республика, демократическая парламентарная республика.*

Термин *диктатура* является родовым наименованием по отношению к таким терминологическим сочетаниям, как *революционная диктатура* и *диктатура пролетариата.*

Таким образом, каждый из проанализированных терминов характеризуется наличием самых разнообразных системных связей, что, в свою очередь, подтверждает факт существования в лексике русского языка начала XX века обособленной подсистемы общественно-политической терминологии.

Системные отношения ОПЛ

В данном параграфе рассматриваются следующие типы системных отношений: синонимия, контекстуально обусловленная синонимия, антонимия, полисемия и гиперо-гипонимия.

Состав ОПЛ и ОПТ с формальной стороны может совпадать, то есть одна и та же единица при употреблении в текстах разного жанра может квалифицироваться то как термин, то как общественно-политическая лексема. Причина подобной «двойственной» природы анализируемых наименований кроется в динамике лексико-семантической системы языка, когда границы между различными подсистемами весьма подвижны вследствие постоянно происходящих процессов терминологизации и детерминологизации.

Таким образом, в указанном разделе книги рассматриваются общественно-политические лексемы различного происхождения (исконные и детерминологизированные специальные наименования).

Синонимия

В процессе анализа рассмотренной ТГ выявлено всего лишь 5 общественно-политических наименований, характеризующихся отсутствием контекстуально обусловленных коннотаций: *образ правления, тирания, конституционная тирания, пролетарская республика, конституционный парламентаризм.*

Из указанных единиц в отношениях синонимии находятся два сочетания: *тирания* ('образ правления, поддерживаемый насилием') – *конституционная тирания* ('тип государственного устройства, основанный на деспотической власти народного представительства'): *Мир, свободная работа, обновление и протест против всякой **тирании**, от кого бы и откуда бы она ни исходила, – таков лозунг союза [281: 87]; Это предприятие «обновлённого» Совета в достаточной мере обеспечено денежными средствами из страных (написано верно – пояснение наше – А.З.) источников и широким сочувствием со стороны тех, кому желательно учредить на Св. Руси любезную масонским сердцам религиозную анархию, заменить Самодержавный образ правления **конституционной тиранией** и устранить русскую народность от её исторических прав первенства в Империи [272: 597].*

Как видим, собственно синонимические отношения в исследуемой ТГ оказались практически не представленными. Объясняется подобное положение вещей тем, что для ОПЛ характерно наличие приобретённых (изначально не свойственных) дополнительных значений в силу выполняемых данными единицами функций в языке (аксиологическая, прагматическая, агитационная и др.).

Появление же у общественно-политической лексемы контекстуально детерминированных коннотаций обуславливает иной характер системных отношений, в частности данные единицы вступают в отношения контекстуально обусловленной синонимии.

Контекстуально обусловленная синонимия

Общественно-политическая лексика, являясь идеологизированным пластом в лексической системе языка, в документах различных политических партий может приобретать дополнительные значения, изначально ей не свойственные. Изменения в составе коннотативного макрокомпонента значения способствуют изменению системных связей лексем.

В ходе анализа нами были выявлены следующие ряды контекстуально обусловленных синонимов:

➤ **режим** (отрицательные коннотации: *В интересах самозащиты монархия и её защитники прибегают к усиленному угнетению покорённых императорской Россией национальностей, насаждая национальный, расовый и религиозный антагонизм и затемняя им рост самосознания рабочих масс. Существование такого режима становится в непримиримое и прогрессивно обостряющееся противоречие со всем хозяйственным, общественно-политическим, культурным ростом страны [286: 123]*), с одной стороны, и **образ правления** (нейтральные коннотации: *<...> изучение революционного движения в проявлениях последнего перед войной времени указывает, что движение приостановилось, – ибо естественно, оно было бы не только не популярно теперь, но и вызвало бы колоссальный взрыв контрреволюции, – и приостановилось с тем именно, чтобы даже при благоприятном окончании для нас войны, напрячь все усилия для новых безумных попыток достигнуть ниспровержения установленного Основными Законами образа правления в России [256: 490]*) – с другой;

➤ **самодержавный режим** (отрицательные коннотации: *Рабочее движение вынуждено развиваться в условиях самодержавного режима, основанного на всеохватывающей полицейской опеке и подавлении личной и общественной инициативы [288: 47]*), **царизм** (отрицательные коннотации: *Именно для того, чтобы уничтожить варварские тиски деспотизма, для того, чтобы освободить великий народ от ярма царизма, открыть ему доступ к современной цивилизации, дать стране представительные учреждения, мы, социалисты-революционеры, и сражаемся в данную минуту не только за своё знамя, но и за либеральные и демократические требования всей современной России [261: 157]*), **абсолютизм** (отрицательные коннотации: *Источник всеуказанных нами зол один и тот же: переход от абсолютизма к конституционному строю, возвещённый Манифестом 17-го октября, совершился только на бумаге [258: 84]*), с одной стороны, и **монархия** (положительные коннотации: *Монархия именно при настоящих условиях призвана осуществить своё предназначение явиться умиротворяющим началом в той резкой борьбе, борьбе политической, национальной и социальной, для которой открывается ныне широкий простор провозглашением политической и гражданской свободы [280: 95]*), **самодержавие** (положительные коннотации: *Самодержавие русских царей, Православную Церковь искони освящённое, по воле Государя Императора осталось и после 17-го Октября*

незыблемым, каким было и встарь, и должно всегда оставаться таковым для блага и процветания России [257: 190]) – с другой;

➤ **самодержавие** (положительные либо отрицательные коннотации: *Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата* [291: 55]) – **монархия** (нейтральные созначения: *Будучи демократией, Россия в то же время монархия* [264: 32]) – **самодержавный строй** (отрицательные коннотации: *Нам нет, конечно, надобности настаивать здесь на той подчинённой и частью даже антиреволюционной роли, какую играли в течение всей долголетней борьбы с самодержавным строем в России представители наших буржуазно-демократических партий* [260: 177]).

Квазиантонимия

В ходе проведённого анализа были выявлены следующие пары лексем-квазиантонимов:

➤ **парламентаризм – самодержавие** (противопоставлены денотативные семы ‘парламентарная’ ‘форма’ ‘государственного’ ‘управления’ и ‘форма’ ‘правления’, ‘при которой’ ‘монарх’ ‘является’ ‘носителем’ ‘всей’ ‘верховой’ ‘власти’);

➤ **конституционная тирания – конституционный парламентаризм** (противопоставлены понятийные семы ‘тип’ ‘государственного’ ‘устройства’, ‘основанный’ ‘на деспотической’ ‘власти’ ‘народного’ ‘представительства’ и ‘парламентарная’ ‘форма’ ‘государственного’ ‘устройства’, ‘основанная’ ‘на собрании’ ‘основных’ ‘законов’ ‘государства’ ‘и определяемая’ ‘ими’);

➤ **буржуазная республика – пролетарская республика** (противопоставлены денотативные семы ‘форма’ ‘государственного’ ‘правления’, ‘при которой’ ‘власть’ ‘фактически’ ‘находится’, ‘несмотря’ ‘на всенародное’ ‘представительство’, ‘в руках’ ‘буржуазии’ и ‘форма’ ‘государственного’ ‘устройства’, ‘при которой’ ‘вся’ ‘власть’ ‘сосредоточена’ ‘в руках’ ‘рабочего’ ‘класса’ ‘общества’);

➤ **монархия – республика;**

➤ **царизм – республика; самодержавный строй – республика** и др.

В целом противопоставлялись целые ряды синонимов (например, наименования форм монархического и демократического государственного устройства).

Полисемия

Наличие у термина хотя бы одного нетерминологического значения позволяет говорить о том, что перед нами полисемантическая лексема, одно или несколько значений которого являются терминологическими.

В ходе анализа рассматриваемой тематической группы было выявлено 3 полисемантические общественно-политические лексемы:

➤ **демократия** – 1. 'народовластие; форма правления, при которой верховная власть находится в руках самого народа' [НПСИС: 129]; 2. 'страна, государство с демократической формой правления'; 3. 'сторонники демократического способа правления' [БАСРЯ, т. 4: 664-665]; 4. 'принцип организации коллективной деятельности, при которой обеспечивается равноправное и активное участие в ней всех членов коллектива' [БАСРЯ, т. 4: 664-665].

➤ **тирания** – 1. 'образ правления, поддерживаемый насилием' [Битнер: 810]; 2. 'произвольное или деспотическое проявление власти; жестокость, немилосердие, деспотизм' [НПСИС: 484].

➤ **анархия** – 1. 'безначалие, состояние государства, при котором нет ни власти, ни законов' [НПСИС: 26]; 2. 'распушенность, беспорядок, хаос' [НПСИС: 26].

В целом количество выявленных полисемантических лексем оказалось незначительным по отношению к общему числу единиц анализа в рамках рассматриваемой тематической группы.

Гиперо-гипонимия

В подсистеме ОПЛ родо-видовые отношения во многих случаях являются контекстуально обусловленными.

Лексема *монархия* является родовым наименованием по отношению к сочетанию *конституционная монархия*.

Слово *республика* выступает в качестве гиперонима по отношению к следующим общественно-политическим составным наименованиям: *буржуазная республика, пролетарская республика*.

В подсистеме ОПЛ выделяются также иерархические родо-видовые отношения. Так, сочетание *образ правления* является родовым по отношению к лексеме *монархия* (видовое наименование), а *монархия*, в свою очередь, выступает в качестве гиперонима по отношению к составному наименованию *конституционная монархия*.

Таким образом, выявленные системные отношения позволяют говорить о функционировании в русском языке начала XX века двух обособленных подсистем – ОПЛ и ОПТ.

2.2. Наименования форм общественного устройства

Обсуждение вопросов выбора политического устройства России в русском обществе начала XX века было тесно сопряжено с определением и будущего общественного устройства. Как известно, та или иная форма социального устройства, в первую очередь, обуславливается характером соотношения в обществе имущих и неимущих классов. Поэтому проблема выбора подходящего для нашей страны типа общественного устройства стояла наиболее остро, в данном вопросе столкнулись диаметрально противоположные взгляды правых и центристских партий, с одной стороны, и левых революционных партий – с другой.

В ходе проведённого исследования нами были выявлены родовые и видовые наименования форм общественного устройства.

2.2.1. Родовые наименования форм общественного устройства

Общественный строй, социальный строй

В русском языке начала XX века достаточно последовательно дифференцировались родовые наименования форм государственного и общественного устройства: *Новый порядок... налагает на всех <...> священную обязанность <...> оказать полное содействие правительству, идущему по пути спасительных реформ, направленных к полному всестороннему обновлению государственного и общественного строя России* [280: 93]. Вызвано это было начавшейся ещё в XIX веке борьбой «за выбор национального пути развития», которая в начале XX века «достигла предельного обострения» [409: 6]. Переход России на рельсы нового политического устройства, резкий поворот «от традиционализма к цивилизованности», – всё это «обусловило появление самых разных идеологизированных моделей развития страны» [409: 6]. В языковой системе подобная ситуация нашла своё выражение в виде оформления и активного функционирования двух отдельных, но тесно взаимосвязанных тематических групп: наименования форм государственного устройства (родовые и видовые) и наименования форм общественного устройства (родовые и видовые).

Анализ исследуемых текстов программных документов политических партий и словарных дефиниций соответствующих лексем и терминов (использовались преимущественно словари начала XX века) показывает наличие достаточно последовательной семантической дифференциации наименований форм общественного и государственного устройства.

Родовыми наименованиями типов общественного устройства являются **общественный строй** и **социальный строй**. В исследуемых текстах терминологическое сочетание *общественный строй* имеет значение 'форма организации всех граждан определённого государства в общество в зависимости от распределения капитала среди различных классов населения': *Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата – к созданию такового **общественного строя**, при котором не будет места эксплуатации человека человеком* [267: 39]. Как видно из данного примера, РСДРП в 1898 г. в своём манифесте отмечает основную черту будущего общественного устройства России – отсутствие «эксплуатации человека человеком»: *Все...партии <...> объединяет то общее, что все они исходят при построении своей программы из существующего **социального (буржуазно-капиталистического) строя**...* [295: 5]. В приведённом примере слово *социальный* имеет значение 'общественный' [Битнер: 767], что указывает на дублетность наименований *общественный строй* и *социальный строй*. Для государственного же строя принципиально важным является не соотношение имущих и неимущих классов в обществе, а форма управления государством, степень допуска граждан к рычагам и механизмам данного управления.

Таким образом, причина дифференциации в языке начала XX века общественно-политических терминологических наименований *государственный строй* и *общественный строй* кроется в различном экстралингвистическом наполнении понятий, обозначаемых вышеуказанными сочетаниями. По данным словарей начала XX века, слово *общество* толкуется как 'совокупность всех граждан данного государства' [Битнер: 577], а *государство* есть 'гражданское, более или менее политически самостоятельное общество, которое управляется своими законами' [Битнер: 220]. Поэтому для *общественного строя* важны отношения между классами населения, а для *государственного строя* важным является то, каким образом данное общество управляется. Тесная взаимосвязь общественного и государственного устройства обусловила функционирование в русском языке начала XX века термина *общественно-политический строй*: *<...> либеральные, умеренно-прогрессивные партии – стремятся к некоторым улучшениям и переменам в **общественно-политическом строе**...* [295: 4]. В структуре значения данного термина наблюдается семантическая интеграция денотативных микрокомпонентов значений терминологических сочетаний *государственный строй* и *общественный строй*.

Разграничению вышеуказанных тематических групп (наименования форм государственного и общественного устройства) может способствовать также выявление в текстах программных документов политических партий начала XX века различных видовых наименований форм государственного и общественного устройства, а также наименований представителей тех или иных типов организации государства и общества.

2.2.2. Видовые наименования форм общественного устройства

В ходе анализа было выделено 8 видовых наименований: *капитализм, буржуазно-капиталистический строй, буржуазное общество, буржуазный строй, социализм, социалистический строй* и др. Данные лексемы, термины и составные наименования были подразделены на две отдельные группы: «наименования форм капиталистического общественного устройства» и «наименования форм социалистического общественного устройства». Деление на группы производилось с учётом родо-видовых отношений, а также в соответствии с тематической общностью наименований внутри каждой из двух подгрупп.

2.2.2.1. Наименования форм капиталистического общественного устройства

Данный тип общественного устройства предполагает распределение капитала таким образом, что подавляющее большинство населения страны является малоимущим (либо относится к среднему классу), а заработанные ими средства сосредоточиваются в руках имущих классов, составляющих лишь малый процент от общего числа граждан страны. Другой отличительной характеристикой рассматриваемой формы общественного устройства является то, что власть и все рычаги управления страной также находятся, как правило, в руках имущих классов.

Россия на начало XX века оставалась буржуазно-капиталистической страной, а такое положение дел никак не устраивало левые политические силы. Дискуссии по вопросам равномерного перераспределения капитала в обществе отразились в системе языка рассматриваемого временного периода в виде активного функционирования лексем, терминов и составных наименований форм капиталистического и социалистического общественного устройства. К тому же, как отмечает историк Г.В. Жиров, «с началом XX в. усиливается процесс политизации соци-

альной жизни общества. Он проходит в условиях поляризации старых и новых политических сил страны, что вело к конфликтам. Внутренняя политика самодержавия, направленная на укрепление его основ, способствовала вытеснению из страны сил оппозиции» [Жиров 2001: 180]. К 1907 году окончательно становится ясно, что существующий социально-политический строй больше существовать не может. Так, В.И. Вернадский в газете «Новь» от 11 апреля 1907 года дал достаточно мудрый политический прогноз будущего России: «Для России нет выбора. Новый режим для неё неизбежен, т. к. на его стороне народные массы и все умственные силы страны. И есть два выхода. Один – более спокойный переход к новому режиму – парламентской монархии – через Государственную Думу, путём постепенного расширения её прав и уничтожения бюрократической анархии. Другой – бурный и долгий путь революции, который в конце концов приведёт к новым устойчивым укладам жизни – неизвестно каким, но раньше может смести всё, что ещё дорого миллионам русского народа» [Российские либералы 2001: 433].

Капитализм – лексема имеет значение ‘общественный строй, при котором средства производства находятся в частной собственности имущих классов, извлекающих прибыль путём эксплуатации наёмных рабочих’: *Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма* [267: 39]. Капитализм – форма общественного устройства, при которой эксплуатируется труд рабочих, а также имеет место ярко выраженный дисбаланс в распределении капитала и против которого ведут борьбу неимущие классы. В приведённом выше контексте исследуемый термин детерминологизируется вследствие развития коннотативных контекстуально детерминированных сем отрицательной эмоциональной оценки и неодобрения. В результате развития дополнительных созначений слово *капитализм* в указанном отрывке из манифеста РСДРП начинает выполнять функции оценки и воздействия.

Данный термин преобладает в документах левых, в том числе и революционных, партий (всего выявлено 14 употреблений). Подобная ситуация, по большей части, может быть объяснена несомненной экстралингвистической значимостью для левых партий понятия, номинируемого термином *капитализм*. Так, в частности, программа партии РСДРП построена на принципе обличения капитализма как главного социаль-

ного зла, как основной преграды на пути строительства социализма в России. По данному вопросу С.М. Кравчинский¹ в своей прокламации писал следующее: «Мы – социалисты. Цель наша – разрушение существующего экономического строя, уничтожение экономического неравенства, составляющего, по нашему убеждению, корень всех страданий человечества» [309: 43].

В программных документах правых и центристских политических партий не выявлено ни одного примера использования анализируемого термина. Причина этого, вероятно, кроется в идейных установках монархических и умеренно-либеральных партий, которые, несомненно, поддерживали сохранение капитализма, но явно афишировать свои взгляды не могли по понятным политическим соображениям. Так, например, отстаивая капиталистическую форму общественного устройства, «... Плеве и другие консерваторы выступали за сохранение сословной обособленности крестьянства, неприкосновенность общины и неотчуждаемость наделов» [Бабенко 2000: 18].

Отношение к капитализму как к форме общественного устройства в российском обществе начала XX века варьировалось. Подобная неоднозначность, в свою очередь, обуславливала потенциальную амбивалентность семного состава коннотативного блока значения лексемы, объективирующей в системе языка рассматриваемое социальное явление. Так, М. Горький в 1906 году писал о капитализме как о явно негативном явлении в жизни общества: *Но пока будет идти процесс поглощения индивидуумов капиталом и организации масс, капитализм искалечит много голов и животов, много сердец и умов* [368]. Под воздействием отрицательной семантики слов контекстного окружения (слова *поглощение индивидуумов, искалечит* и др.) актуализируются коннотативные микрокомпоненты отрицательной эмоциональной оценки и 'неодобрения', а анализируемое слово начинает выполнять наравне с номинативной функцией аксиологическую, прагматическую и эстетическую (выделение тематического ядра) функции.

Д.И. Менделеев считал, что капитализм может существовать и тогда, когда реальная власть сосредоточена не в руках имущих классов, а в руках самого народа и народного представительства: *Этим я не хочу говорить против участия землевладельцев, капиталистов и ученых в*

---

¹ Кравчинский Сергей Михайлович (1851 – 1895) – из дворян, окончил Михайловское артиллерийское училище, затем учился в Петербургском лесном институте; деятельный участник общества «Земля и Воля». 4 августа 1878 г. убит главноуправляющего III отделением, шефа жандармов Н.В. Мезенцева; скрылся за границей.

народном представительстве, а хочу только сказать, что по существу государственного дела участие в нем капиталистов вовсе ни из чего не следует и если оно существует в настоящее время во многих странах Западной Европы, то это ничуть не касается России, в которой может развиваться **капитализм** без всякого прямого его участия в правительственных сферах, не только общих, но и местных [381]. Как видно из данного примера, лексема *капитализм* лишена каких бы то ни было дополнительных созначений, следовательно, сохраняет номинативную специализацию (выступает в качестве термина) и выполняет номинативную и эстетическую (создания дискуссионной ситуации) функции.

Тесная связь капитализма, как и любой другой формы социального устройства, с вопросом о распределении капитала и материальных благ в обществе нашла своё отражение в соответствующих словарных дефинициях рассматриваемого временного периода. Так, в некоторых словарях *капитализм* толковался как 'экономический строй, основанный на частном владении меньшинства общества капиталами, орудиями производства и пользовании продуктами потребления, в то время как большинство вынуждено продавать труд имущему классу, обогащая его и живя изо дня в день заработной платой' [НПСИС: 185]. В других же словарях дефиниция анализируемого термина представляет собой гибрид понятийных сем собственно экономических составляющих капитализма и общественных начал. При этом *капитализм* определяется следующим образом: 'общественно-экономическое устройство, при котором вся промышленность находится в руках немногих капиталистов' [СИСП: 675]. В «Словаре научных терминов...» под редакцией Битнера за 1905 год капитализм вообще не рассматривается ни в качестве экономического устройства, ни в качестве общественного строя. Явление общественно-политической жизни, номинируемое данным термином, определяется как 'господство капиталистов в области промышленности и торговли' [Битнер: 351].

В языке дореволюционного периода функционировали следующие производные от рассматриваемого наименования единицы: *капиталист*, *капиталистический*, *капитализировать*.

Существительное *капиталист* в наших текстах имеет значение 'собственник, представитель буржуазии': **Капиталисты** пока просят одного – не позже, как через 18 месяцев дать принципиальный ответ, с тем, чтобы потом передать дело в Гос. Думу [372: 610]. В данном контексте исследуемая общественно-политическая лексема выполняет номинативную функцию.

Лексема *капиталистический* определяется как 'свойственный капитализму, относящийся к нему' и выполняет номинативную функцию: «Социальная» революция 1848 года разбилась о столь же естественное, сколько и непреодолимое препятствие: тогдашний уровень экономического развития не был достаточен для того, чтобы устранить **капиталистический** способ производства [383].

Глагол *капитализировать* в исследуемых текстах имеет значение 'превращать прибавочную стоимость в капитал': **Капитализируя** примерно из 4 с небольшим процентов, указанный годовой расход отвечает 17 млн руб. [384].

Таким образом, мы можем констатировать сам факт того, что многие образованные люди начала XX века видели в капитализме больше экономических составляющих, нежели общественных, что и нашло своё отражение в соответствующих дефинициях в лексикографии рассматриваемого периода.

Буржуазно-капиталистический строй

По мнению историков, члены РСДРП рассматривали капитализм как обязательную ступень на пути развития рабочего класса [296: 49-51]: **Но буржуазно-капиталистический строй** немислим без пролетариата, или рабочего класса. Последний рождается вместе с капитализмом, растёт вместе, крепнет и, по мере своего роста, всё больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией [267: 38]. Учитывая слабый характер внутри семантических связей, значение сочетания *буржуазно-капиталистический строй* может быть выведено из значений слов-компонентов.

Анализируемое терминологическое наименование образовано на базе сочетания сложного прилагательного *буржуазно-капиталистический* и существительного *строй*. Прилагательное *буржуазно-капиталистический* образовано путём сложения, то есть имеет место сочетание производящей основы *буржуазн-* и слова *капиталистический*. Таким образом, рассматриваемое прилагательное восходит к сочинительному словосочетанию *буржуазный и капиталистический*.

Само слово *буржуазный* определяется словарями начала XX века как 'мещанский, простой, самодовольно-эгоистичный' [НПСИС: 73]. По наблюдениям Ю.С. Сорокина, лексема *буржуазия* (производящая по отношению к *буржуазный*) некоторое время являлась синонимом к словам *мещанство, средний класс, среднее сословие*. «Окончательно определяется терминологическое значение этого слова уже в последние десятилетия XIX в., в марксистской литературе» [Сорокин 1965: 88-90].

Таким образом, словарями рассматриваемого временного периода данное прилагательное фиксировалось в устаревшем нетерминологическом значении. В нашем же примере слово *буржуазный* может быть определено как 'относящийся к буржуазии, свойственный ей'.

Существительное *буржуазия* имеет значение 'часть общества, которая... формируется промышленностью и торговлей...' [НПСИС: 73].

Прилагательное *капиталистический* в нашем случае может быть определено как 'относящийся к капитализму, свойственный ему'.

На основании выявленных выше значений слов-компонентов дефиниция анализируемого терминологического сочетания формулируется следующим образом: 'общественный строй, при котором капитал и средства производства сосредоточены в руках капиталистов'. Следует отметить, что прилагательные *буржуазный* и *капиталистический* содержат в своих значениях идентичные денотативные микрокомпоненты 'капиталисты', 'имущие' 'классы'. Интерференция данных сем в составе понятийного макрокомпонента значения терминологического наименования *буржуазно-капиталистический строй* приводит к сверхактуализации микрокомпонента 'капиталисты'.

В приведённом выше контексте анализируемое терминологическое сочетание выполняет дефинитивную функцию.

В ходе исследования рассматриваемых текстов был выявлен всего лишь один случай употребления данного наименования. Отсутствие других примеров использования анализируемого сочетания может свидетельствовать в пользу нежелания левых политических партий акцентировать внимание своих сторонников на абсолютном неприятии капиталистического строя. Хотя общеизвестным является тот факт, что «революционные партии, в отличие от всех других, борются не только против несправедливого политического порядка, но и против всего общественного строя – против капиталистического строя. Они добиваются социалистического строя, при котором нет частной собственности на все орудия производства, хозяйство ведётся всем народом в крупных размерах» [Мартов 1992: 143].

Буржуазный строй – анализируемое наименование имеет значение 'форма общественного устройства, при которой капитал и средства производства находятся в руках имущих классов': *Изживая всё своё былое прогрессивное содержание, буржуазный строй приводит к интеллектуальному вырождению господствующих в нём классов, всё сильнее отталкивая от себя умственный и моральный цвет нации и заставляя его*

тяготеть к враждебному буржуазии лагерю угнетённых и эксплуатируемых [288: 44]. В данном контексте исследуемое общественно-политическое составное наименование выполняет номинативную, аксиологическую, прагматическую функции и характеризуется наличием контекстуально обусловленных коннотативных сем отрицательной эмоциональной оценки и 'неодобрения' (как семы эмотивного блока значения). Подобное неприятие капитализма в любых его проявлениях было отличительной чертой крайне левых партий, таких как Партия социалистов-революционеров, отрывок из программы которой рассматривался нами выше. Правые и центристские политические организации по причине своих идеологических установок предпочитали игнорировать данное терминологическое наименование.

Проведенный анализ показал крайне низкую частотность употреблений рассматриваемого сочетания. Было выявлено всего лишь два случая его использования в исследуемых текстах. Вероятно, даже в среде революционных социалистических партий предпочитали употреблять более общие термины (например, *капитализм*).

Буржуазное общество – наименование может быть определено как 'форма общественного устройства, характерными чертами которой являются эксплуатация трудящихся зажиточными классами, крайне неравномерное распределение капитала, нахождение средств производства в частной собственности имущих слоёв общества': *Эта конечная цель определяется характером современного буржуазного общества и ходом его развития* [292: 27]. В рассматриваемом контексте терминологическое сочетание *буржуазное общество* выполняет дефинитивную функцию.

Словарями начала XX века терминологическое сочетание *буржуазное общество* не фиксируется.

Правые монархистские партии, так или иначе, видели в буржуазном обществе идеал социального устройства, хотя само данное наименование ими не употреблялось. Идеолог социализма В.И. Ленин отмечал, что капиталистическая форма общественного устройства сама по себе способствует социальному расслоению: *Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий* [378]. В рассматриваемом примере анализируемое терминологическое сочетание под воздействием негативной семантики понятийных сем слов контекстного окружения (слова: *не уничтожило, противоречий, погибшего*) приобретает микрокомпо-

ненты отрицательной оценки и 'неодобрения' и, следовательно, перестаёт быть термином, переходит в разряд общественно-политической лексики. Потеря статуса специального наименования в рассматриваемом случае отразилась также и на выполняемой функции. В приведённом выше контексте сочетание *буржуазное общество* используется для номинации, оценки и с целью оказания манипулятивного влияния на сознание граждан.

В периодической печати анализируемое наименование, как правило, выполняло номинативную функцию: *Мы вступаем в эпоху великих социальных бурь, грозных социальных конфликтов во всём буржуазном обществе* [353, № 2: 1].

Уже к середине первого десятилетия XX века многие писатели и общественные деятели констатировали процесс постепенного вырождения капиталистического строя в России. Так, М. Горький писал следующее: *Быстро вырождающееся буржуазное общество бросается в мистику, в детерминизм – всюду, где можно спрятаться от суровой действительности, которая говорит людям: или вы должны перестроить жизнь, или я вас изуродую, раздавлю* [369]. «Вырождаться» может лишь тот тип общественного устройства, который не учитывает реальных потребностей людей, который является препятствием на пути дальнейшего развития. Именно поэтому в структуре значения исследуемого общественно-политического составного наименования актуализируются микрокомпоненты отрицательной эмоциональной оценки и 'неодобрения'. В приведённом контексте анализируемое сочетание выполняет номинативную, аксиологическую, прагматическую и эстетическую (создание образа эпохи) функции. В целом же данное наименование, как и другие, рассмотренные выше, обладает достаточно прозрачной внутренней формой.

2.2.2.2. Наименования форм социалистического общественного устройства

В данной группе 4 наименования: *социализм, революционный социализм, государственный социализм, социалистический строй*, имеющие такой тип общественного устройства, при котором предполагается равномерное распределение капитала среди классов общества, а также равный доступ к орудиям производства и материальным благам.

Социализм – рассматриваемый термин имеет значение ‘общественное устройство, при котором все средства и орудия производства принадлежат всему обществу...’ [СИСП: 1074]: *В вопросах рабочего законодательства П. С. Р. ставит своей целью охрану духовных и физических сил рабочего класса в городе или деревне и увеличении его способности к дальнейшей борьбе за социализм...* [288: 50]. В данном отрывке из программы Партии социалистов-революционеров исследуемая лексема выполняет номинативную и дефинитивную функции. В целом в подсистеме общественно-политической терминологии русского языка начала XX века наблюдается достаточно высокая частотность употреблений анализируемого термина (всего выявлено 25 случаев использования данного наименования).

Функционирование термина *социализм*, по большей части, ограничено рамками политических документов левых партий социалистического и революционного толка. Не выявлено ни одного примера употребления рассматриваемого термина в программах монархистских и центристских партий. Объяснение этого, вероятно, кроется в политике самих этих партий. Россия в начале XX века была более чем на 80% аграрно-крестьянской страной [Бабенко 2000: 6]. Подавляющее большинство населения страны представляло собой неимущие классы пролетариата и крестьянства. По этой причине члены правых и центристских партий старались вообще не касаться вопросов о возможности перераспределения собственности, средств производства и установления социалистического строя. Это, пожалуй, один из немногих примеров того, как одни политические силы не используют лозунги и ключевые положения программ других политических сил против них же, путём гиперболизации каких-либо незначительных недостатков либо изъянов данных лозунгов. Для крестьян и рабочих установление социализма могло означать возможность резко и качественно поднять свой уровень жизни. Для правых и центристских партий, члены которых были выходцами из состоятельных, зажиточных классов общества, установление социализма было бы равноценно абсолютному материальному и карьерному краху [Мартов 1992: 128-140].

Члены РСДРП были твёрдо уверены в том, что источник бедственного положения неимущих классов кроется в самом институте частной собственности как главной основе капитализма [Мартов 1992: 140-145]: *...<...>... западноевропейский и американский пролетариат улучшает своё положение и вместе с тем борется за своё конечное освобождение против частной собственности, – за социализм* [267: 38-39]. В рассматриваемом

мом контексте общественно-политическое явление, объективируемое в системе языка термином *социализм*, ассоциируется с освобождением рабочего класса. Таким образом, в структуре значения анализируемого термина актуализируются семы положительной оценки и 'одобрения', вследствие чего исследуемое наименование детерминологизируется. В приведённом контексте слово *социализм* выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции.

Схожая точка зрения на роль социализма представлена и в некоторых периодических изданиях: *Но, добиваясь мира, народовластия и восьмичасового рабочего дня, мы ни на минуту не должны забывать, что все эти завоевания лишь этапы на пути к нашей великой конечной цели – социализму, который один только освободит человечество от всех сковывающих его пут, один лишь может вывести его на светлую, широкую дорогу свободного развития* [353, № 34: 1]. В приведённом контексте исследуемая лексема характеризуется наличием коннотативных контекстуально обусловленных сем положительной оценки и 'одобрения' и выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции.

По наблюдениям Ю.С. Сорокина, появление слова *социализм* в русском языке датируется приблизительно 40-ми годами XIX века. Первоначальное значение данного термина, как отмечает учёный, было довольно расплывчатым. В значении же нового социального устройства анализируемый термин стал употребляться с распространением марксизма в России [Сорокин 1965: 109-112].

В рассмотренном выше значении этот термин фиксировался далеко не всеми словарями начала XX века. Так, в «Словотолкователе...» С.Н. Алексеева *социализм* определяется не как форма общественного устройства, а как 'учение о коренной реформе современного государственного строя. Общее равенство, передача орудий производства в народную собственность, преимущественные права у трудящихся – основные требования социализма' [Алексеев: 17]. Подобные «разночтения» авторов словарей в понимании сущности социализма и, соответственно, в формулировании дефиниции данного термина могут являться результатом процесса постепенной терминологизации слова *социализм*, обусловленного распространением в России начала XX века марксизма.

В лексической системе русского языка рассматриваемого временного периода функционировал ряд производных от термина *социализм*: *социализация, социалист, социалистический*.

Так, существительное *социализация* в наших текстах имеет значение 'переход чего-либо из частной собственности в собственность общественную': <...> *партия будет стоять за социализацию земли, т. е. за изъятие её из товарного оборота и обращения из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние...* [287: 65].

Лексема *социалист* в исследуемых текстах определяется как 'сторонник социализма': *Как социалист и революционер, он должен был возмутиться, – возмутиться тем, что он называл преступною бойней* [390].

Слово *социалистический* в наших источниках имеет значение 'свойственный социализму, относящийся к нему': *В отличие от социализма относительного, для которого социалистический принцип является лишь временной исторической категорией, абсолютный социализм в глубине своих чаяний и надежд ставит себя выше временных исторических изменений* [383].

К тому же в русском языке начала XX века достаточно частотными были такие составные наименования, как *социалист-революционер, социал-демократ, «вольный социалист», социалист-революционер максималист, социал-демократия, социал-демократический, народник-социалист* и др.: *По имеющимся в Департаменте Полиции сведениям, соединённое собрание центральных комитетов партий социал-демократов и социалистов-революционеров постановило произвести целый ряд террористических актов против высших должностных лиц, продолжая террор и после созыва нежелательной для революционеров Государственной Думы² [279: 259]; Заслуживает внимания то обстоятельство, что в «партизанских боевых действиях» принимали участие не только социалисты-революционеры и анархисты, но и социал-демократы, о чём свидетельствует ряд задержаний лиц, принадлежащих к этой организации, при совершении ими вооружённых нападений [253: 246]; Ездивший [в] Париж с Вашего разрешения из Белостока сотрудник максималист «Владимиров» заявил ротмистру Андрееву, что он присутствовал на собрании Парижских социалистов-революционеров максималистов в присутствии Бурцева [325: 335]; «Вольные социалисты» не причисляют себя ни к одной из существующих революционных партий, считая себя ни с кем не связанной и видимо более озабочены быстрым*

---

² Речь идёт о 3-ей Государственной думе (1 ноября 1907 – 9 июня 1912), созванной на основании избирательного закона 3 июня 1907 г. (Третьеиюньский переворот), который радикально перераспределил число выборщиков в пользу крупных землевладельцев и буржуазии и лишил крестьянских выборщиков права самим избирать депутатов из своей среды.

укомплектованием группы, чем качеством поступающих в группу членов, так как открывают доступ в свою группу социалистам всех категорий и оттенков, притом с правом состоять одновременно в какой-либо иной революционной партии. Такая, с революционной точки зрения и по существу, неустойчивость группового принципа «о членах партии», говорит за анархический характер группы и даёт основания считать её тем более опасной [324: 455].

Обсуждая возможности смены общественного строя, члены левых политических партий выделяли две разновидности социализма: *революционный социализм* и *государственный социализм*.

Революционный социализм

Рассуждая о вопросах социального неравенства, члены Партии социалистов-революционеров отмечали следующее: *...дело революционного социализма есть дело освобождения всего человечества. Оно ведёт к устранению всех форм междоусобной борьбы между людьми, всех форм насилия и эксплуатации человека человеком, к свободе, равенству и братству всех без различия пола, расы, религии и национальности* [288: 46].

Анализируемое общественно-политическое сочетание словарями начала XX века не фиксируется.

Принимая во внимание слабую семантическую связь между компонентами рассматриваемого наименования, мы можем вывести дефиницию на основе значений слов-компонентов. Исследуемое наименование образовано на базе сочетания прилагательного *революционный* и существительного *социализм*. Слово *революционный* определяется как 'относящийся к революции, имеющий её характер' [НПСИС: 407]. Существительное же *революция* имеет значение 'быстрый и коренной переворот в политическом и общественном строе страны, обыкновенно насильственный, часто сопровождаемый народным восстанием и кровопролитием' [НПСИС: 407]. Таким образом, значение анализируемого общественно-политического сочетания может быть определено как 'форма общественного устройства, достигнутая путём быстрого насильственного переворота в общественно-политическом строе страны, сопровождаемого народным восстанием и кровопролитием'.

Как видим, микрокомпонентный состав понятийного блока значения слова *социализм* в процессе образования нового составного наименования подвергся семантическому расширению и конкретизации. В околоядерной части денотативного макрокомпонента значения исследуемого составного наименования актуализировалась сема резко отрицатель-

ной рациональной оценки (на её наличие косвенно указывают понятийные микрокомпоненты негативного характера 'насильственный' 'переворот', 'восстание', 'кровопролитие'.

В рассмотренном нами отрывке из программы Партии социалистов-революционеров общественно-политическое наименование *революционный социализм* под влиянием положительного семантического фона контекстного окружения (понятийные семы слов и словосочетаний *освобождение человечества, устранение междоусобной борьбы, устранение насилия и эксплуатации человека человеком* и др.) приобретает коннотативные микрокомпоненты положительной эмоциональной оценки и 'одобрения', при этом сема логической отрицательной оценки оказывается нейтрализованной. В указанном контексте исследуемое сочетание выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую (агитационную) функции.

Подобное отношение к явлению, именуемому сочетанием *революционный социализм*, полностью соответствовало политическим установкам Партии социалистов-революционеров [Политическая полиция 2001; Мартов 1992; Бабенко 2000].

В ходе анализа не было выявлено ни одного случая употребления исследуемого наименования в документах правых и центристских партий. Стараясь не касаться вопросов о социализме, монархисты и либерал-демократы также не высказывались по поводу разновидностей данной формы общественного устройства.

Отношение к революционному социализму в среде большей части интеллигенции было крайне негативным. Так, С.Л. Франк в своём произведении 1909 года «Этика нигилизма» писал следующее: *Здесь перед нами отголосок того руссоизма, который вселял в Робеспьера уверенность, что одним лишь беспощадным устранением врагов отечества можно установить царство разума. Революционный социализм исполнен той же веры. Чтобы установить идеальный порядок, нужно «экспроприировать экспроприрующих», а для этого добиться «диктатуры пролетариата», а для этого уничтожить те или другие политические и вообще внешние преграды* [400]. В данном отрывке из работы С.Л. Франка анализируемое наименование выполняет функции оценки и воздействия, а вследствие влияния негативного семантического фона контекстного окружения приобретает коннотативные микрокомпоненты отрицательной эмоциональной оценки и 'неодобрения'. При этом наблюдается удвоение воздействующего потенциала рассматриваемого

сочетания в результате наличия двух микрокомпонентов резко отрицательной оценки (логической и эмоциональной) в рамках одной семантической структуры. Таким образом, прагматическая функция находится в прямой зависимости от микрокомпонентного состава значения лексемы (или составного наименования).

Известный философ и мыслитель Н.А. Бердяев также отмечал чуждый человеческой природе характер революционного социализма: *Революционный социализм и анархизм гораздо враждебнее культуре, творчеству и красоте, гораздо аскетичнее, беднее, чем католичество* [359]. В данном контексте также наблюдается появление в структуре значения анализируемого наименования резко отрицательных созначений. Выполняемые функции аналогичны предшествующему примеру.

Следует также отметить, что позиция интеллигенции по отношению к революционному социализму и в целом к революции была крайне неоднозначной. Так, «если для дворянских (земских) либералов было характерно категорическое отрицание революции вообще, то теоретики освобожденческого течения (а затем и кадеты) расчленили понятие «революция» на социальную, которая ими также отвергалась, и революцию политическую, возможность, а в ряде случаев и необходимость и даже неизбежность, которой ими в принципе признавалось» [Российские либералы 2001: 8-9]. Историк и политолог Б.Г. Федоров отмечает следующее: «О том, как революционно и одновременно аморально была настроена часть даже приличного общества, наглядно свидетельствует тот факт, что присяжный поверенный и видный земский деятель А.М. Масленников цинично прислал в тюрьму убийце генерала (имеется в виду генерал В.В. Сахаров, застреленный членом партии эсеров Биценко Анастасией Алексеевной 22 ноября 1905 года, – пояснение наше – А.З.) цветы. Убийство ставилось в ранг революционного подвига, гуманность была не в моде» [Федоров, т. 1, 2002: 188]. К тому же «некоторые русские князья и столбовые дворяне были больше настроены против правительства, чем иные трезвомыслящие «инородцы» [Федоров, т. 1, 2002: 472]. В итоге могло наблюдаться варьирование микрокомпонентного состава коннотативного блока значения общественно-политических наименований, так или иначе объективирующих в системе языка комплекс понятий, связанных с революцией.

Прекрасно понимая сущность революционного социализма, многие политические деятели вообще не видели никаких перспектив у данного типа общественного устройства. В частности, П.И. Новгородцев писал

следующее: *Породить из себя новый мир, идя путем отрицания и насилия, путем исключительного разрушения прошлого, **революционный социализм** не может: он может разве только внести временную дезорганизацию в существующие отношения, чтобы вместе с тем и самому исчезнуть в хаосе этой дезорганизации, уступив место более реалистическим и плодотворным течениям* [383]. Как видно из данного контекста, рассматриваемое общественно-политическое сочетание характеризуется наличием коннотативных сем отрицательной эмоциональной оценки и 'неодобрения' как семы эмотивного блока значения. Контекстуально детерминированные дополнительные созначения в совокупности с заложенными семами отрицательной рациональной оценки способствуют своеобразной «гиперболизации» выполняемых данным наименованием функций (аксиологической и прагматической). Ещё одной разновидностью социализма является *государственный социализм*.

Государственный социализм – в исследуемых текстах анализируемое наименование имеет значение 'имитация существования в стране социалистического общественного устройства, создаваемая правительством капиталистов с целью снижения уровня напряжённости в рабоче-крестьянской среде': *Тем самым П. С.-Р. предостерегает рабочий класс против того «государственного социализма», который является отчасти системой полумер для усыпления рабочего класса...* [288: 53]. В приведённом контексте исследуемое общественно-политическое наименование выполняет номинативную функцию.

Словарями рассматриваемого временного периода данное сочетание фиксируется в несколько ином значении. Так, в «Новом полном словаре иностранных слов...» *государственный социализм* определяется не как общественный строй, а как 'теория, по которой вмешательству государства, стремлению его к урегулированию отношений между трудом и капиталом должно быть отведено первое место для решения социально-экономического вопроса' [НПСИС: 453]. Подобный «разнобой» в понимании сущности явления, номинируемого рассматриваемым наименованием, может свидетельствовать в пользу того факта, что на начало XX века собственно терминологическое значение данного сочетания находилось в стадии формирования. Других случаев использования анализируемого наименования не выявлено.

Социалистический строй – анализируемое наименование в исследуемых текстах определяется как 'форма общественного устройства, для которой характерно равномерное распределение капитала и находж-

дение средств и орудий производства в собственности всего общества': ...<...>... современное хозяйственное развитие обнаруживает свои положительные творческие стороны, подготавливая некоторые материальные элементы для высшего, **социалистического строя** жизни и объединяя в компактную социальную силу промышленные армии наёмных рабочих [288: 42]. В рассматриваемом отрывке из программы Партии социалистов-революционеров терминологическое сочетание *социалистический строй* теряет номинативную специализацию (детерминологизируется) в результате появления положительных коннотаций ('одобрение' и положительная оценка) вследствие влияния позитивной денотативной семантики слов контекстного окружения (слова *положительные творческие стороны, высший*). В рассмотренном контексте исследуемое наименование выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции.

Функционирование анализируемого наименования в системе языка отмечается словарями начала XX века. Однако обращает на себя внимание смешение авторами словарей денотативных микрокомпонентов дефиниций форм государственного и общественного устройства в пределах одной словарной статьи. Так, в «Словаре историческом и социально-политическом» терминологическое сочетание *социалистический строй* толкуется как 'политический и общественный строй, к которому стремятся социалисты и при котором все имеют право на труд и на продукты труда' [СИСП: 1075].

2.2.3. Системные отношения в тематической группе «Наименования форм общественного устройства»

Системные отношения ОПТ

1. Термины-дублиеты. В ходе проведённого анализа были выявлены следующие термины-дублиеты:

➤ **социальный строй – общественный строй** (данные наименования имеют абсолютно идентичный микрокомпонентный состав: 'форма организации всех граждан определённого государства в общество в зависимости от распределения капитала среди различных классов населения'): *Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата – к созданию такового **общественного строя**, при котором не будет места эксплуатации человека чело-*

веком [267: 39]; *Все...партии <...> объединяет то общее, что все они исходят при построении своей программы из существующего **социального (буржуазно-капиталистического) строя**...*[295: 5].

В целом терминологическая дублетность представлена в исследуемой тематической группе небольшим количеством примеров.

2. Термины-квазисинонимы

Семантическая дифференциация значений выявлена лишь в одном случае:

➤ **капитализм** ('общественный строй, при котором средства производства находятся в частной собственности имущих классов, извлекающих прибыль путём эксплуатации наёмных рабочих') – **буржуазно-капиталистический строй** ('общественный строй, при котором капитал и средства производства сосредоточены в руках капиталистов'): *Но буржуазно-капиталистический строй немислим без пролетариата, или рабочего класса. Последний родится вместе с капитализмом, растёт вместе, крепнет и, по мере своего роста, всё больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией [267: 38]; Этим я не хочу говорить против участия землевладельцев, капиталистов и ученых в народном представительстве, а хочу только сказать, что по существу государственного дела участие в нем капиталистов вовсе ни из чего не следует и если оно существует в настоящее время во многих странах Западной Европы, то это ничуть не касается России, в которой может развиваться **капитализм** без всякого прямого его участия в правительственных сферах, не только общих, но и местных [381].*

Отсутствие других терминов-синонимов может быть объяснено двумя причинами: 1) явление терминологической синонимии относительно малораспространённое в подсистеме общественно-политической терминологии; 2) состав выделенной тематической группы изначально незначителен.

3. Терминологическая квазиантонимия

В проанализированной группе нами были выявлены противопоставления не отдельных наименований, а целых квазисинонимических рядов:

➤ **капитализм, буржуазно-капиталистический строй – социализм** (в основе противопоставления – полярность денотативных сем: 'частное' 'владение' 'капиталом' 'и средствами' 'производства', с одной стороны, и 'равномерное' 'распределение' 'капитала' 'в обществе', 'принадлежность' 'средств' 'и орудий' 'производства' 'всему' 'обществу' –

с другой): *Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма* [267: 39]; *В вопросах рабочего законодательства П. С. Р. ставит своей целью охрану духовных и физических сил рабочего класса в городе или деревне и увеличении его способности к дальнейшей борьбе за социализм...* [288: 50].

➤ **буржуазное общество – социализм** (противопоставляются всё те же понятийные семы, что и в значениях антонимической пары, рассмотренной выше): *Эта конечная цель определяется характером современного буржуазного общества и ходом его развития* [292: 27]; *...<...>... западноевропейский и американский пролетариат улучшает своё положение и вместе с тем борется за своё конечное освобождение против частной собственности, – за социализм* [267: 38-39].

4. Гиперо-гипонимия

Родо-видовые отношения в рассматриваемой подсистеме ОПТ представлены единственным примером. Так, термины **социализм, капитализм, буржуазно-капиталистический строй** выступают в качестве видовых наименований по отношению к терминам-дублетам **общественный строй** и **социальный строй**.

Случаи терминологической полисемии в рассматриваемой ТГ выявлены не были.

Системные отношения ОПЛ

1. Контекстуально обусловленная синонимия

В исследуемой ТГ было выявлено 7 общественно-политических лексем, 6 из которых по своему происхождению являются детерминологизированными наименованиями. Таким образом, собственно квазисинонимические отношения не представлены.

В ходе анализа нами были выявлены следующие ряды контекстуально обусловленных квазисинонимов:

➤ **буржуазное общество** (отрицательные коннотации: *Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий* [378]) – **буржуазный строй** (негативные значения: *Изживая всё своё былое прогрессивное содержание, буржуазный строй приводит к интеллектуальному вырождению господствующих в нём классов, всё сильнее отталкивая от себя умственный и моральный цвет нации и заставляя его тяготеть к враждебному буржуазии лагерю угнетённых и эксплуатируемых* [288: 44]);

➤ **социалистический строй** (положительные значения: ...<...>... современное хозяйственное развитие обнаруживает свои положительные творческие стороны, подготавливая некоторые материальные элементы для высшего, **социалистического строя** жизни и объединяя в компактную социальную силу промышленные армии наёмных рабочих [288: 42]) – **социализм** (положительные коннотации: В вопросах рабочего законодательства П. С. Р. ставит своей целью охрану духовных и физических сил рабочего класса в городе или деревне и увеличении его способности к дальнейшей борьбе за **социализм**... [288: 50]).

По причине малого количества выделенных в составе ТГ «Наименования форм общественного устройства» единиц число примеров рассмотренного типа системных отношений также незначительно.

2. Квазиантонимия

В проанализированной группе нами были выявлены противопоставления не отдельных наименований, а целых синонимических рядов (как собственно синонимических, так и контекстуально детерминированных):

➤ **капитализм – социализм, социалистический строй** (в основе противопоставления – полярность денотативных сем: ‘частное’ ‘владение’ ‘капиталом’ ‘и средствами’ ‘производства’, с одной стороны, и ‘равномерное’ ‘распределение’ ‘капитала’ ‘в обществе’, ‘принадлежность’ ‘средств’ ‘и орудий’ ‘производства’ ‘всему’ ‘обществу’ – с другой): *Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма [267: 39]; ...социализм может предвидеть в будущем количественное накопление богатств, искусств и познаний, но согласиться с тем, что путем постепенных изменений социалистический строй превратится некогда в иной несоциалистический уклад жизненных отношений, это значило бы для этой системы вступить в противоречие с самой собою [383];*

➤ **буржуазное общество, буржуазный строй – социализм, социалистический строй** (противопоставляются всё те же понятийные семы, что и в значениях антонимической пары, рассмотренной выше. Отличие состоит в типе синонимии: в первом случае противопоставляются собственно терминологические синонимы, во втором – контекстуально обусловленные): *Изживая всё своё бывшее прогрессивное содержание, буржуазный строй приводит к интеллектуальному вырождению господствующих в нём классов, всё сильнее отталкивая от себя*

*умственный и моральный цвет нации и заставляя его тяготеть к враждебному буржуазии лагерю угнетённых и эксплуатируемых [288: 44]; ...<...>... современное хозяйственное развитие обнаруживает свои положительные творческие стороны, подготавливая некоторые материальные элементы для высшего, **социалистического строя** жизни и объединяя в компактную социальную силу промышленные армии наёмных рабочих [288: 42].*

3. Гиперо-гипонимия

В ходе проведённого анализа был выявлен один пример родо-видовых отношений в подсистеме ОПЛ в границах рассматриваемой ТГ.

Общественно-политические лексемы **социализм** и **социалистический строй** выступают в качестве родовых по отношению к сочетаниям **революционный социализм** и **государственный социализм**.

Таким образом, можно отметить факт наличия разнообразных системных отношений в составе рассмотренной тематической группы. Непредставленной оказалась лишь терминологическая полисемия, так как ни одна из исследованных единиц анализа не обладала более чем одним значением.

Выводы

Напряжённая общественно-политическая ситуация в русском обществе начала XX века, обсуждение вопросов социально-политического переустройства способствовали утверждению в системе языка рассматриваемого временного периода таких тематических групп общественно-политической лексики и терминологии, как «Наименования форм государственного устройства» и «Наименования форм общественного устройства».

В составе ТГ «Наименования форм государственного устройства» выявлено 26 общественно-политических терминов и 17 общественно-политических лексем.

В составе ТГ «Наименования форм общественного устройства» выявлено 6 общественно-политических терминов и составных терминологических наименований и 7 общественно-политических лексем.

Большинство рассмотренных лексем по своему происхождению являются детерминологизированными наименованиями.

Состав ОПЛ и ОПТ с формальной стороны может совпадать, то есть одна и та же единица при употреблении в текстах разного жанра может квалифицироваться то как термин, то как общественно-политическая

лексема. Причина подобной «двойственной» природы анализируемых наименований кроется в динамике лексико-семантической системы языка, когда границы между различными подсистемами весьма подвижны вследствие постоянно происходящих процессов терминологизации и детерминологизации.

Проведённый анализ показал, что имел место идеологически обоснованный отбор языковых средств членами политических партий. Язык политической сферы – это, прежде всего, мощное средство пропаганды определённых политических идей и воззрений, это средство, позволяющее манипулировать сознанием народных масс, агитировать их на ту или иную деятельность.

Члены противоборствующих политических партий тщательно отбирали используемую терминологию. Критериями отбора служили следующие основные принципы: 1) терминология должна быть доступна для понимания потенциальными сторонниками; 2) план выражения используемых единиц должен соответствовать характеру идеологических установок (консервативных или прогрессивных).

Актуальность и обоснованность данных критериев в отношении к общественно-политической жизни страны рассматриваемого временного периода сомнений, на наш взгляд, не вызывает. Более 80% населения России начала XX века представляло собой рабоче-крестьянский класс с несомненным доминированием крестьян (рабочих было не так много и по своему происхождению они являлись крестьянами). Это хорошо понимали члены разнообразных политических партий и организаций. Принимая в расчёт преимущественно низкий уровень образованности данного электората, партийные лидеры подбирали такие общественно-политические термины и лексемы, которые были бы полностью понятны сторонникам.

В дореволюционной России выделялось три крупных блока политических организаций: правые партии, отстаивавшие сохранение неограниченного самодержавия; центристские партии, ратовавшие за установление конституционно-монархического строя, и левые партии, настаивавшие на кардинальной смене общественно-политического строя.

Монархистские партии и партии центра акцентировали внимание потенциальных сторонников на принципе единства царя, церкви, отечества и народа. Явно славянофильские корни и крайний консерватизм своих взглядов члены данных партий демонстрировали путём использования исконно русских общественно-политических терминов и лексем с прозрачной внутренней формой (например, *самодержавие, монархия*).

Левые партии различного толка (от умеренно социалистических до радикально-революционных) старались демонстрировать прогрессивность своих идей, употребляя новые, преимущественно заимствованные, термины и лексемы с также прозрачной внутренней формой (например, *царизм, режим, буржуазно-капиталистический строй*).

Анализ функционирования рассмотренных терминов и лексем позволяет говорить об амбивалентности семного состава коннотативного макрокомпонента значения исследованных единиц. Сущность данного явления состоит в контекстуальной детерминации коннотативных микрокомпонентов значения того или иного слова.

Контекстуальная семантическая амбивалентность в большинстве случаев носит регулярный характер. Её причина кроется в варьировании понимания одной и той же лексемы представителями противоположающихся политических лагерей.

Одним из проявлений контекстуальной семантической амбивалентности является актуализация отрицательных/положительных микрокомпонентов в структуре изначально нейтрального коннотативного блока значения общественно-политического термина (когда происходит детерминологизация) либо лексемы. Например, слово *республика* в дневниковых записях З.Н. Гиппиус и в программе Русского народного союза им. Михаила Архангела; наименование *буржуазная республика* в документах социалистов-революционеров-интернационалистов и в дневниковых записях М.М. Пришвина и т. д.

Проведённый функционально-семантический анализ наименований рассмотренных тематических групп позволяет говорить о функционировании обособленных подсистем ОПТ и ОПЛ. Терминология начала XX века своими корнями восходит к общественно-политической публицистике А.И. Герцена, Н.П. Огарева и других писателей XIX века.

Подсистемы общественно-политической лексики и терминологии русского языка начала XX века предстают перед нами как динамичные развивающиеся системы, основными чертами которых являются:

- 1) появление новых общественно-политических наименований и терминов (напр., *народный цезаризм, пролетарская республика*);

- 2) семантико-стилистические дифференциации разных наименований, результатом которых могли быть следующие процессы: а) детерминологизация одних терминов и актуализация терминологических значений других специальных наименований (например, в начале XX века вследствие функционирования двух терминов-дублетов *строй* и

устройство возникла необходимость разграничения сфер их использования; в результате этого произошла частичная детерминологизация термина *устройство* в значении 'государственный строй'); б) Появление оценочной маркированности (например, итогом дифференциации наименований *государственный строй* и *режим* стала актуализация семы негативной рациональной оценки, не зависимой от сферы употребления, в структуре денотативного блока значения лексемы *режим*).

3) Развитие внутрисистемных связей и отношений терминов, терминологических наименований и общественно-политических лексем вследствие различного понимания носителями языка типологии и структуры государственных институтов. Например, терминологическое сочетание *конституционная монархия* в «Новом полном словаре иностранных слов...» [НПСИС] рассматривается как родовое по отношению к наименованиям *представительная монархия* и *парламентарная монархия*. Такое понимание гиперо-гипонимических отношений в данном случае вступает в явное противоречие с функционировавшим в то же время терминологическим сочетанием *конституционная и парламентарная монархия*.

4) Синтагматически обусловленные преобразования в структуре значений общественно-политических лексем и терминов, которые могли сопровождаться сверхактуализацией уже имеющих денотативных сем (напр., в сочетании *царское самодержавие* происходит двойная актуализация микрокомпонентов 'власть', 'правление' 'самодержца').

5) Образование новых терминов и общественно-политических наименований посредством конкретизации родовых наименований, сопровождаемое общим расширением состава денотативного макрокомпонента с преимущественным семантическим уточнением дефиниции. Например, *самодержавный образ правления, конституционно-монархический строй, демократическая республика* и т. д.

6) Вхождение каждой отдельной единицы в разнообразные типы системных отношений. В целом же специфическими особенностями системно-структурной организации наименований рассмотренных тематических групп являются: а) развитая система квазиантонимических отношений, являющаяся отражением полярных взглядов политических сил на будущее общественно-политическое устройство России; б) наличие двухуровневых родовидовых отношений, когда одна и та же единица могла выступать и как родовое, и как видовое наименование по отношению к разным словам (напр., лексема *республика* по отношению

к наименованиям *государственный строй* и *буржуазная республика*); в) наличие контекстуально детерминированной лексической квазисинонимии; г) малочисленные, но выразительные примеры терминологической полисемии.

Общественно-политический термин, употребляясь в текстах различных жанров, может выполнять разные функции. Так, в специальных текстах проанализированные термины могли выполнять дефинитивную и номинативную функции. Употребляясь же в текстах неспециального характера, данные наименования могли сохранять свой статус, однако дефинитивная функция утрачивалась, и термин начинал выполнять эстетическую и номинативную функции. В тех случаях, когда в структуре денотативного блока значения термина присутствовала сема логической оценки, термин мог выполнять наравне с дефинитивной аксиологическую и прагматическую функции.

Для единиц ОПЛ рассмотренных ТГ характерно выполнение функций оценки, воздействия, а также эстетической и номинативной.

ГЛАВА III

НАИМЕНОВАНИЯ СУБЪЕКТА ВЕРХОВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Как известно, та или иная форма государственного устройства предполагает совершенно определённый круг наименований субъекта верховной государственной власти.

Противоборство реакционных и прогрессивных политических сил в российском обществе начала XX века протекало на фоне повышенного внимания к фигуре главы государства. Для членов правых и, отчасти, центристских партий монарх был гарантом материального и социального благополучия. Революционные же силы видели в нём главное препятствие на пути строительства демократического государства с равными финансовыми и «управленческими» возможностями всех граждан общества. Такая ситуация нашла своё отражение в системе языка рассматриваемого временного периода в виде формирования и активного функционирования тематической группы «Наименования субъекта верховной государственной власти».

В данной главе подача материала осуществляется на основе выделения родо-видовых системных отношений. Порядок следования единиц анализа определяется степенью общности компонентного состава наименований (например, сначала рассматриваются все единицы, центральным компонентом которых является слово *царь*, затем – наименования с компонентом *монарх* и т. д.).

Большинство единиц анализа, которые исследованы в настоящей главе, представляют собой составные нетерминологические наименования, не фиксировавшиеся словарями начала XX века. Принимая во внимание крайне низкую степень семантической связи компонентов данных единиц, их общее значение будет выводиться из значений образующих их слов.

3.1. Родовые наименования субъекта верховной государственной власти

В качестве родового выявлено одно составное терминологическое наименование – *глава государства*.

Члены РСДРП, рассуждая по вопросам социального устройства России, в своей программе отмечали следующее: *В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, сохранились ещё очень многочисленные остатки нашего старого докапиталистического порядка, который основывался на закреплении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства* [292: 31]. Анализируемое терминологическое наименование образовано на базе сочетания существительных *глава* и *государство* (тип синтаксической связи – подчинение). Слово *глава* определяется как ‘тот, кто возглавляет что-л., руководит чем-л.’ [БАСРЯ, т. 4: 130]. Существительное *государство* толкуется как ‘страна и её население, находящиеся под властью определённого правительства’ [ССРЛЯ, т. 3: 338]. Таким образом, общее значение наименования *глава государства* может быть сформулировано следующим образом: ‘тот, кто возглавляет страну, находящуюся под властью определённого правительства’. В рассмотренном контексте исследуемое наименование лишено каких бы то ни было дополнительных значений (то есть сохраняет статус термина) и выполняет дефинитивную функцию.

Анализ функционирования анализируемого терминологического сочетания показал достаточно низкую частотность его употреблений в текстах исследуемых источников (выявлено всего 3 случая). Объяснение подобной ситуации кроется как в области экстралингвистики, так и, собственно, в сфере языка. Наименование *глава государства* является родовым по отношению к сочетаниям, объективирующим в системе языка названия субъекта верховной государственной власти в государствах с различными формами правления. Как известно, родовым наименованиям свойственна предельная обобщенность семантики. Именно поэтому подобные единицы в подавляющем большинстве случаев лишены коннотативных микрокомпонентов в структуре своего значения. Исключением в этом смысле не является и анализируемое наименование.

Для напряжённой политической ситуации в России начала XX века было актуально использование противоборствующими партиями предельно конкретных наименований главы государства. Именно этими

причинами, на наш взгляд, и обусловлена не востребованность родового сочетания *глава государства* в русском языке рассматриваемого временного периода.

В исследуемых текстах художественной литературы анализируемое наименование употреблялось по отношению к руководителям иностранных государств. Так, П.И. Ковалевский в своём произведении отмечал следующее: *Подводя итог настоящему положению дела во французской республике, с положительностью можно было сказать, что республика, в которой глава государства настойчиво твердил, что он управляет волею народа, de facto превращалась в либеральную империю под державою человека, неуклонно стремившегося к самой неограниченной власти* [373]. Как видим, в данном контексте рассматриваемое сочетание характеризуется отсутствием дополнительных созначений и, следовательно, остаётся термином. Тем не менее, употребление в тексте неспециального характера способствует изменению выполняемых функций. В нашем случае анализируемое наименование выполняет номинативную и эстетическую функции.

3.2. Видовые наименования субъекта верховной государственной власти

В ходе проведённого анализа выявлено 28 видовых наименований. Данные наименования, в свою очередь, были на основании тематической общности подразделены нами на три неравные по количеству единиц подгруппы: 1) наименования субъекта верховной государственной власти в монархическом государстве (24 единицы), 2) переходные явления в системе именовании субъекта верховной государственной власти (3 единицы), 3) наименования субъекта верховной государственной власти в демократическом государстве (1 единица).

3.2.1. Наименования субъекта верховной государственной власти в монархическом государстве

Многие наименования в силу своего окказионального происхождения и единичных случаев употребления в строго определённых источниках не являются терминами, а относятся к подсистеме общественно-политической лексики.

Таким образом, на основании общности компонентного состава единицы рассматриваемой группы подразделены на следующие подгруппы: 1) наименования с компонентом «царь»; 2) наименования с

компонентом «самодержец»; 3) наименования с компонентом «монарх»; 4) наименования с компонентом «государь»; 5) нетерминологические наименования окказионального происхождения с компонентом «верховный»; 6) прочие наименования.

Наименования с компонентом «царь»

Царь – анализируемый термин имеет значение ‘титул государя у восточных славян’ [Алексеев: 738]: *Высочайший манифест 17 октября 1905 года... <...>... приобщает народ русский к деятельному участию в согласии с царём в государственном строительстве* [280: 92-93]. В рассматриваемом контексте наименование *царь* выполняет номинативную и дефинитивную функции.

Отношение к главе государства в дореволюционной России было крайне неоднозначным. Подобная ситуация нашла своё отражение в системе языка в виде различных контекстуальных детерминаций семантического состава значения лексемы *царь*. Так, по мнению историков и политологов, правые партии видели в монархе главный символ неограниченного самодержавия, исконной для нашей страны формы правления [Мартов 1992: 128-131].

Проведённый анализ показал значительную частотность употреблений анализируемого термина в документах правых партий (было выявлено свыше 100 случаев использования данного наименования). В сознании членов консервативных монархистских политических организаций *царь* являлся одним из тех краеугольных камней, на которых основывается русская народность: *«Колокол» – орган правой национальной печати, поставляет своей целью верноподданное служение Церкви, Царю и Родине...* [259: 396]. В рассматриваемом контексте термин *царь* выполняет дефинитивную функцию.

В целом не выявлено ни одного случая употребления анализируемого наименования с положительными либо отрицательными коннотациями в документах правых партий, что вызывает некоторые вопросы. В частности, как отмечают историки, многие правые партии активно поддерживали монарха и правительство, действовавшее от его имени, вплоть до 1905 года – даты опубликования Манифеста 17 октября и времени первой русской революции. Правительство также очень положительно было настроено по отношению к крайне правым политическим организациям типа Союза русского народа, Союза русских людей, Русского собрания, Русской монархической партии. «К таким организациям с большим сочувствием относился и сам Николай II» [Федоров, т. 1, 2002: 478].

Ситуация несколько изменилась в конце 1905 года. К этому времени, например, «...Союз русского народа стал чрезмерно радикальным, агрессивным и часто делал резкие антиправительственные заявления. Поэтому при явной поддержке власти в 1906 г. В.М. Пуришкевич создал более умеренный Русский народный союз имени архангела Михаила...» [Федоров, т. 1, 2002: 479]. Однако образование ещё одной правой организации уже не могло вернуть доверие правительства. В то время председателем правительства был П.А. Столыпин, который поначалу также видел в этих партиях поддержку своим реформам и в целом опору самодержавия [Федоров, т. 1, 2002: 478]. Но после кардинального поворота в деятельности Союза русского народа П.А. Столыпин окончательно разочаровался в нём (как, впрочем, и во всех радикальных монархистских партиях), он «...не мог опираться на такие организации, так как чурался любого экстремизма» [Федоров, т. 1, 2002: 479].

В итоге можно предположить, что СРН видел причину бедственного положения страны не в существовании самодержавия, а в «антимонархической» (по мнению А.И. Дубровина и других руководителей Союза русского народа) деятельности правительства [272]. Вероятно, именно этим фактом можно объяснить отсутствие отрицательных коннотаций в структуре значения лексемы *царь* в документах данной политической организации и других радикальных монархических партий. Тем не менее, после 1905 года «...пересмотрел в какой-то мере своё отношение к крайне правым и Николай II» [Федоров, т. 1, 2002: 487].

Совсем иные дополнительные созначения приобретает лексема *царь* в программных документах крайне левых революционных партий: *Это решение гласило: «Нет тебе, русский, разноплеменный и многострадальный народ, иного пути для того, чтобы разорвать наброшенную на твою шею мёртвую петлю, как путь народной революции; царь не за, а против тебя»* [268: 174]; *Из опыта пропаганды в целом ряде местностей мы знаем, что во многих случаях это уже совершилось, что критика царя теперь уже часто свободна и легка при пропаганде среди крестьян, что даже часто пропагандист находит уже совершенно готовым полное отсутствие надежды, полное неверие в царя...* [271: 95]. Царь, которого постоянно критикуют, деятельность которого вызывает недоверие крестьян, и который выступает против граждан своего государства, не может вызывать положительного отношения. Таким образом, в структуре коннотативного макрокомпонента значения анализируемого термина актуализируются семы отрицательной оценки и 'неодобрения',

вследствие чего исследуемое наименование детерминологизируется и переходит в разряд общественно-политической лексики. В приведённых выше контекстах слово *царь* выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую (агитационную) функции.

Левые политические силы видели в царе и в монархической форме правления главное препятствие на пути развития социализма. Однако для того, чтобы детально разобраться в причинах негативного отношения к царю со стороны революционеров, следует привлечь более широкий социологический контекст. Как отмечают историки, «последний царь правил с 1894 по 1917 г. Он имел два образования – военное и юридическое, свободно владел четырьмя языками, хорошо знал русскую историю. Николай II был воспитан в убеждении, что самодержавие есть единственная форма правления, приемлемая для России» [Бабенко 2000: 11]. Таким образом, российский император даже и не предполагал, что в его отечестве возможна какая-либо иная форма правления. Б.Г. Федоров пишет, что «император Николай II так и не понял, что произошло в России в его трагическое царствование. Революция 1905 г. заставила его – с перепугу – пойти на уступку в виде Манифеста 17 октября и создания Государственной думы. Но он, как и многие другие в правящей элите России, не понял существа перемен и не воспринял их с должной серьёзностью» [Федоров, т. 1, 2002: 558]. Результатом подобного «халатного» отношения со стороны власти к происходящим в стране событиям стало резкое увеличение числа сторонников левых политических организаций, авторитет царя в глазах народа под действием революционной агитации также стал постепенно падать.

Следует также отметить, что язык революционной агитации в начале XX века только лишь начинал своё становление, в стадии формирования находились схемы создания текстов, обладающих свойством колоссального воздействия, позволяющего манипулировать сознанием народных масс. Интерес науки к этому явлению обозначился лишь после Первой мировой войны [Чудинов 2008].

Таким образом, термин *царь* крайне редко использовался членами вышеуказанных партий (всего было выявлено 5 употреблений). Причина этого, на наш взгляд, кроется в стремлении революционеров обличать не столько главу государства, сколько сам самодержавный режим.

Сама фигура царя в России начала XX века являлась предметом многочисленных обсуждений и, зачастую, кривотолков. Так, генерал Г.О. Раух в своих дневниковых записях отмечал следующее: *Витте теперь боится, что зашли слишком далеко и жида хотят потушить вооружённый*

*бунт, а потом опять примутся за своё дело. Это решение многозначительное. Он же рассказал, что в Петербург привезены части гильотины, на которой будто должен погибнуть **царь**, но до этого они не допустят* [372: 608]. В данном случае нейтральный семантический фон контекстного окружения также не вызывает каких-либо микрокомпонентных изменений в структуре значения слова *царь*, которое сохраняет статус термина и выполняет в указанном контексте номинативную функцию.

Анализ функционирования термина *царь* показал, что данное слово могло употребляться и в переносном (нетерминологическом) значении 'первый, лучший среди остальных': *О, как я издали чую то, чего не могу, и какой у меня тогда кроткий – от неизбежности – голос! Душа у меня – **царь**, тело – раб. Бог, давший мне широкие плечи и крепкие руки, знал, что он делал* [401]. Имевший место процесс тропеизации способствовал деактуализации идеологического компонента в структуре значения анализируемой лексемы, вследствие чего произошёл переход рассматриваемого слова из подсистемы ОПТ в разряд лексики общелитературного (не общественно-политического) языка.

Рассматриваемая лексема в отмеченном выше значении фиксируется далеко не всеми словарями рассматриваемого временного периода. Так, в «Новом полном словаре иностранных слов...» слово *царь* определяется как 'сильнейший, славнейший между своими, высший представитель' [НПСИС: 544]. Как видим, подобное определение не может претендовать на абсолютную точность, так как «родовые» микрокомпоненты 'первенство', 'превосходство' в чём-либо оказываются подменёнными видовыми семами 'сильнейший', 'славнейший'.

В подсистеме общественно-политической лексики русского языка рассматриваемого периода также функционировал ряд производных от термина *царь* (*царствовать, царский, царство, цареубийство* и др.). Рассмотрим наиболее частотные из них.

Прилагательное *царский*, образованное от исследуемого существительного морфемным суффиксальным способом (суффикс -ск-), а также слово *царство*, образованное при помощи словообразовательного суффикса с отвлечённым значением -ств-.

В наших текстах прилагательное *царский* имеет значение 'относящийся к царю, свойственный ему': <...>...*самодержавный режим является роковым препятствием для прогресса и благосостояния как русского народа, так и всех других национальностей, угнетённых **царским** правительством...* [299: 160].

В исследуемых текстах существительное *царство* употребляется в двух значениях: в прямом и переносном (в соответствии со значениями производящего слова). Первое значение может быть сформулировано следующим образом: 'государство с монархической формой правления': *Мы требуем отмены всех законов, стесняющих права, включённых в состав русского **царства**, национальностей!* [262: 152]. Второе значение формулируется как 'область, сфера преобладания, господства каких-нибудь начал' [ССРЛЯ, т. 17: 553]: *...<...>...только социалистический порядок может уничтожить тяготеющий над ними гнёт и создать их **царство**, **царство** труда, освобождённого от ига капитала* [297: 114]. В первом контексте слово *царство* выполняет номинативную и прагматическую функции и квалифицируется нами как общественно-политическое наименование. Функция воздействия становится возможна благодаря возвышенной стилистике исследуемого слова: сочетание *русское царство* (по сравнению с типичным *Россия, Российская империя*) обладает некоторой «архаичностью», возвышенностью, указывает на исконный характер самодержавия в нашей стране. Во втором контексте анализируемая лексема характеризуется отсутствием идеологизированности (вследствие имевшего место переноса на новую референтную основу) и квалифицируется как единица лексической системы общелитературного языка.

Лексема *цареубийство* в наших текстах имеет значение 'убийство царя, монарха' [Ушаков, т. 4: 438]: *По мнению конференции (имеется в виду конференция партии социалистов-революционеров – пояснение наше – А.З.), масса крестьянства и рабочих в настоящее время убеждены в том, что она только путём революционной борьбы может добыть свои права, тем более, что вера народа в Царя, будто-бы, теперь окончательно подорвана и все надежды получить от Царя землю у крестьян пропали. Такое положение конференция признаёт наиболее подходящим моментом для направления удара на «центр центров», почему ближайшей тактической задачей партии является **Цареубийство**, которое, хотя и признаётся Центральным комитетом партии технически трудно выполнимым, но должно быть приведено в исполнение, не смотря на существующие к тому препятствия* [318: 300-301]; «... обсуждался вопрос (на одном из собраний социалистов-революционеров максималистов в 1909 году – уточнение наше – А.З.) о желательности совершения **Цареубийства** во время следования ГОСУДАРЯ из Петербурга до Полтавы или во время объезда войск и делегаций учащихся в Полтаве» [325: 335].

Понятийная сема негативного характера 'убийство' указывает на наличие в около ядерной части денотативного блока значения исследуемого слова микрокомпонента отрицательной рациональной оценки. В приведённых выше контекстах лексема *цареубийство* выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции.

Также анализ показал, что слово *царь* могло употребляться в качестве первого компонента в «чистых сложениях подчинительного типа» [Краткая 2002: 92] (*царь-лес, царь-град, царь-пушка* и т. д.): *Сёстры, сестри́цы мой роди́мые! – куковáла Марья по-кукушечьи. Тóлько лес шуми́т, **царь-лес**. Так год прошёл и други́й прошёл. Нет сестёр* [388]; *Вот, нео-славянофилы, ваш **Царь-Град**, получайте* [366]; *Я перебежал как мог быстро со двора к толпе солдат, бушевавшей между **Царь-пушкой** и Чудовым монастырем; батюшка Чернявский подходил к толпе с другой стороны* [370]. Подобные наименования не относятся ни к общественно-политической лексике, ни к общественно-политической терминологии. Функция исследуемого слова в данных сложных существительных заключается в выделении объекта, называемого второй лексемой, среди ряда других подобных предметов.

В ряде случаев слово *царь* могло функционировать в качестве первого компонента составных наименований, представляющих собой словосочетания: *царь-батюшка, царь-освободитель, царь-самодержец*. Рассматриваемые сочетания отличаются от упомянутых выше сложных существительных тем, что у них склоняются оба компонента [Краткая 2002: 93].

Царь-батюшка

На протяжении столетий в патриархальной России крестьянство верило в неразрывную связь царя и народа, в то, что власть главы государства дана ему от Бога. Таким образом, авторитет монарха, как отмечают историки и политологи, в народных массах (равно как и православная вера) был непоколебим [Мартов 1992: 127-131; Бабенко 2000 и др.]. С такой ситуацией активно пытались бороться левые революционные силы. Основная пропагандистская деятельность была направлена на развенчание мифа о «божественной» основе царской власти. Так, члены Партии социалистов-революционеров в своём воззвании отмечают следующее: *Неужели же легенда о «**царе-батюшке**» сама собой исчезнет в народе, а мы всё будем верить в другую легенду – легенду о мужике, вечно надеющемся на **царя-батюшку**?* [271: 95].

Анализируемое наименование образовано на базе сочетания существительных *царь* и *батюшка*. В толковом словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой слово *батюшка* определяется как 'отец' и сопровождается пометами *почтительное* и *устар.* [МАС, т. 1: 65]. Словарями начала XX века данное составное наименование не фиксируется. Являясь вторым компонентом в рассматриваемом сочетании, существительное *батюшка* не привносит в общее значение наименования, которое может быть сформулировано как 'глава монархического государства', каких-либо новых понятийных сем. Его функция заключается в модификации изначально нейтрального коннотативного макрокомпонента лексемы *царь*, а также в актуализации семы положительной рациональной оценки.

Таким образом, в структуре эмотивного компонента значения исследуемого общественно-политического наименования наблюдается актуализация сем 'уважение', 'почитание', а в составе оценочного блока значения появляются микрокомпоненты положительной оценки (появление которых отчасти обусловлено тесной связью с денотативным блоком значения, в составе которого локализуется микрокомпонент положительной логической оценки). Также благодаря компоненту *батюшка* всё наименование в целом становится стилистически маркированным (мы придерживаемся точки зрения, согласно которой стилистическая принадлежность не является отдельным компонентом в структуре значения лексических единиц), приобретает явные черты возвышенности.

Подобные стилистические характеристики достаточно чётко регламентируют перечень контекстов употребления. Пометы *книжн.* и *возвышенное*, а также изначально заложенные положительные эмотивные и оценочные созначения предполагают использование наименования *царь-батюшка* в соответствующих «возвышенных» контекстных окружениях. В случае же употребления анализируемого наименования в документах Партии социалистов-революционеров (см. приведённый выше отрывок) наблюдается диссонанс между стилистически нейтральным и даже «обыденным» контекстом и употреблённым сочетанием *царь-батюшка*. Результатом такой «дисгармонии» становится перераспределение микрокомпонентов коннотативного блока значения анализируемого общественно-политического наименования. Так, деактуализируются семы 'положительная оценка', 'уважение' и 'почитание'. На их место приходят микрокомпоненты нейтральной оценки и ярко выраженной иронии.

Следует особо отметить, что появление семы 'ирония' в составе эмотивного компонента значения обусловлено специально созданным диссонансом между контекстом, в котором скрыто осуждается царь, и стилистически возвышенным наименованием главы монархического государства. В рассмотренном контексте анализируемое наименование выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции.

Пропагандистская деятельность левых радикальных политических сил в среде народных масс, а также неумелые и, зачастую, разлаженные действия центральной монархической власти по пресечению и противодействию подобной «антицарской» и «антисамодержавной» пропаганде приводили к тому, что крестьяне переставали верить в царя. Эти новые для российского общества начала XX века явления точно подметили левые социалистические и революционные партии. Так, Партия социалистов-революционеров в своём докладе Амстердамскому конгрессу Социалистического интернационала уже в 1904 году заявляла следующее: *В то же время у крестьян развивается чувство осознания своих прав. Великая надежда мужика на своего **батюшку-царя** уже в достаточной мере улетучилась благодаря столь долгому и напрасному ожиданию, а также во многом из-за политики Александра III, который старался покровительствовать только дворянскому земледелию* [252: 133]. В рассматриваемом контексте анализируемое наименование также характеризуется наличием положительной рациональной оценки, коннотативных сем 'иронии' и 'нейтральной оценки'. Данные дополнительные созначения (как и положительная логическая оценка) способствуют выполнению исследуемым сочетанием аксиологической, прагматической и номинативной функций.

Однако, по мнению ряда историков, не следует думать, будто бы всё крестьянство в России полностью разуверилось в царе и перешло на сторону революционеров. Так, например, Б.Г. Федоров приводит следующий отрывок из письма П.А. Столыпина жене от 29 октября 1905 года: «крестьяне кое-где сами возмущаются и сегодня в одном селе перерезали 40 агитаторов» [Федоров, т. 1, 2002: 189]. Тактика индивидуального террора, избранная социалистами-революционерами в качестве основного направления деятельности партии, оттолкнула от них большую часть сторонников. Начиная с 1906 года, стал наблюдаться спад в деятельности ПСР, партия постепенно дезорганизовывалась, о чём свидетельствуют различные исторические документы.

В «Обзоре революционных организаций в Москве» от 4 октября 1906 года приводятся следующие сведения: «Заметно появление критической оценки и осуждение небрегающих никакими средствами для поддержания своего существования революционеров. Словом, движение обнажилось и потеряло значительную долю своей привлекательности, а вместе с тем и часть моральной и материальной поддержки общества» [253: 247]. С течением времени положение дел в Партии социалистов-революционеров только ухудшалось. Так, в циркуляре Департамента полиции начальникам районных охранных отделений в связи с внутрипартийной обстановкой в ПСР от 13 сентября 1909 года говорится о критическом положении партии: «По поступившим в Департамент Полиции сведениям, ещё не проверенным, положение дел в партии социалистов-революционеров признаётся весьма печальным. Повальное бегство членов – активных и «сочувствующих» продолжается с ужасающей для партии последовательностью. Недоверие к Центральному Комитету растёт неимоверно и нет никакой надежды на то, чтобы нынешний состав Центрального Комитета был переизбран на ближайших выборах» [321: 345].

Также были выявлены случаи употребления анализируемого наименования с контекстуально обусловленными положительными коннотациями: *Доблестные войска Кавказа! Счастлив, что вступаю в ряды ваши, напутствуемый таким высокомилоственным приветом вам от сердца нашего Царя-батюшки* [351, № 82: 6]. В данном контексте исследуемое сочетание выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции.

Низкая семантическая связь компонентов исследуемого сочетания не только позволяет выводить общее значение наименования из значений образующих его слов, но и допускает возможность перестановки данных компонентов: *царь-батюшка* в первом контексте и *батюшка-царь* – во втором.

Частотность употребления анализируемого сочетания крайне низка (всего было выявлено два случая использования). В исследуемых текстах программных документов правых и центристских партий, а также в текстах художественной литературы рассматриваемого временного периода случаев использования данного сочетания обнаружено не было. Подобная ситуация может свидетельствовать о невостребованности наименования *царь-батюшка* в русском языке начала XX века.

Царь-освободитель

Говоря о Партии 17 октября и её роли в политической жизни России, М.М. Ковалевский³ отмечал следующее: *Партия 17 октября сделала также самую грубую политическую ошибку, выразив своё сочувствие тому нарушению основных начал наших судебных уставов, каким являются полевые суды. Ведь царь-освободитель обещал нам равенство всех перед судом...* [263: 95]. Анализируемое общественно-политическое наименование образовано на базе сочетания существительных *царь* и *освободитель*. Слово *освободитель* имеет значение 'освободивший кого, давший кому свободу' [Даль, т. 2: 697]. Таким образом, общее значение рассматриваемого сочетания может быть сформулировано как 'глава монархического государства, давший народу свободу'. Понятийная семантика компонента *освободитель* способствует расширению и уточнению микрокомпонентного состава денотативного блока значения термина *царь*. В свою очередь, семы 'давший' 'народу' 'свободу' указывают на наличие микрокомпонента положительной рациональной оценки. В итоге в приведённом контексте исследуемое наименование выполняет наравне с номинативной функцией функции оценки и воздействия.

Интересным представляется история функционирования в русском языке данного общественно-политического сочетания. Как известно, в отечественной истории царём-освободителем именовали Александра II за то, что он в 1877 – 1878 годах инициировал Русско-турецкую войну, целью которой было не столько укрепление политического влияния Российской империи на Балканах, сколько стремление освободить из-под османского ига славянские народы. Эпитета *освободитель* Александр II удостоился также благодаря проведённой им реформе по отмене крепостного права (манифест от 19 февраля 1861 г.).

В начале XX века умеренно-либеральные центристские партии стали называть *царём-освободителем* Николая II за утверждённый и подписанный им 17 октября 1905 года «Высочайший манифест», в котором за гражданами России на законодательном уровне были закреплены политические и гражданские свободы. Данный документ был воспринят общественностью как первая ступень на пути установления в нашей стране парламентарной монархии.

---

³ Ковалевский М.М. (1851 – 1916) – историк, юрист, социолог, публицист, общественный деятель. В 1906 г. – депутат I Государственной думы. В 1907 г. был избран членом Государственного совета от академической курии, лидер прогрессивной группы.

В целом же частотность употреблений анализируемого общественно-политического наименования в начале XX века была крайне низкой. Нами было выявлено всего лишь два примера использования рассматриваемого сочетания в текстах политических документов партий и в художественной литературе.

Царь-самодержец

Члены Русского народного союза имени Михаила Архангела в своём уставе отмечали следующее: *Союз имеет целью: развитие среди православных и старого обряда Русских людей ревностной, деятельной любви к своей Вере, своему Царю-Самодержцу и своему народу для дружной совместной работы всех без различия состояний и сословий на пользу России единой, неделимой и мощной* [282: 377]. Анализируемое составное общественно-политическое наименование образовано на базе сочетания существительных *царь* и *самодержец*. Слово *самодержец* имеет значение 'не ограниченный в своей власти, самодержавный правитель; монарх' [ССРЛЯ, т. 13: 94]. Существительное *царь* определяется как 'государь, властелин какой-нибудь страны' [ССРЛЯ, т. 17: 556]. Таким образом, значение рассматриваемого составного наименования может быть сформулировано следующим образом: 'наследственный монарх, управляющий государством полновластно и неограниченно'.

Термины *царь* и *самодержец* находятся в отношениях квазисинонимии, так как имеет место семантико-стилистическая дифференциация значений (микрокомпонентный состав денотативных блоков значений данных слов не является идентичным). Взаимная интерференция понятийных сем слов-компонентов анализируемого наименования способствовала сверхактуализации ключевых денотативных микрокомпонентов ('монарх', 'управляющий' 'неограниченно', 'самовластно'), что, в свою очередь, привело к некоторой стилистической «возвышенности» всего составного наименования в целом.

В отмеченном выше контексте рассматриваемое наименование лишено каких бы то ни было дополнительных созначений и выполняет номинативную функцию.

Анализ функционирования данного сочетания показал крайне низкую частотность его употреблений в исследуемых текстах (был выявлен всего лишь один пример использования).

Правые партии (преимущественно крайне радикального толка) старались употреблять такие языковые средства для наименования главы

государства, которые способствовали бы возвышению авторитета царя в глазах народа. Подобного эффекта можно было достичь, в частности, путём использования наименований со сверхактуализированными понятийными семами.

В документах революционных политических партий сочетания такого рода не могли использоваться по определению. В текстах художественных произведений нами также не было выявлено ни одного примера употребления рассматриваемого наименования.

Также в ходе анализа текстов исследуемых источников было выявлено нетерминологическое общественно-политическое наименование *эх-царь*.

Эх-царь

Разочарование интеллигенции в царе нашло своё отражение в системе русского языка начала XX века в появлении на страницах периодической сатирической печати особого наименования явно окказионального происхождения: *Цензуре, очевидно, не понравилась именно программность речей эх-царя* [347: 5]. Анализируемое слово образовано на базе сочетания междометия *эх*, выражающего чувства крайнего разочарования и безнадёжности, и существительного *царь*. Междометие, являясь неполнозначенательной асемантичной частью речи, лишено какого-либо значения. Его функция в языке заключается в выражении эмоций и волеизъявлений.

В рассматриваемом наименовании элемент *эх* воздействует на семный состав понятийного и коннотативного макрокомпонентов значения слова *царь*. Результатом подобного влияния является перераспределение микрокомпонентов в структуре значения вышеуказанной единицы. Состав денотативного макрокомпонента расширяется, появляются семы 'не оправдавший' 'народного' 'доверия'. Новые понятийные микрокомпоненты, в свою очередь, способствовали актуализации микрокомпонента отрицательной рациональной оценки.

Частотность употреблений анализируемого слова достаточно низкая. Нами было выявлено всего лишь три случая использования рассматриваемого наименования и только в текстах отмеченного выше журнала «Пулемёт» за 1918 год. Такая ситуация, на наш взгляд, может быть объяснена тем, что индивидуально-авторское по происхождению исследуемое слово «не прижилось» в лексической системе языка рассматриваемого периода.

В ходе проведённого анализа нами также были выявлены ещё два составных общественно-политических наименования: *самодержавный царь* и *русский белый царь*.

Самодержавный царь

Говоря о противостоянии правых и левых партий, С.Е. Крыжановский отмечал следующее: *Разница была лишь в том, что одни обещали массам насильственное перераспределение собственности именем **Самодержавного Царя**, как представителя интересов народа и его защитника от утеснения богатых, и другие – именем рабочих и крестьян, объединённых в демократическую или пролетарскую республику* [264: 628]. Анализируемое терминологическое наименование образовано на базе сочетания прилагательного *самодержавный* и существительного *царь*. Слово *самодержавный* определяется как 'обладающий неограниченной государственной властью' [ССРЛЯ, т. 13: 94]. В структуре денотативного блока значения термина *царь* содержатся семы 'управляющий' 'самодержавно', 'полновластно'. Сочетание двух слов с идентичной семантикой является причиной микрокомпонентной интерференции, которая, в свою очередь, приводит к сверхактуализации отмеченных выше понятийных компонентов.

Таким образом, значение анализируемого составного наименования может быть сформулировано следующим образом: 'наследственный монарх, обладающий неограниченной государственной властью'.

В рассматриваемом контексте исследуемое наименование характеризуется отсутствием каких-либо дополнительных созначений и выполняет номинативную функцию.

Словарями начала XX века сочетание *самодержавный царь* не фиксируется. В русском языке на протяжении длительного временного периода активно функционировало синонимичное наименование *самодержавный государь*, известное с XVI века [301, т. 23: 37].

Анализ функционирования рассматриваемого терминологического сочетания показал достаточно низкую частотность его употреблений (было выявлено всего лишь 2 случая использования). Причина подобной ситуации, отчасти, может заключаться в характере микрокомпонентного состава понятийного блока значения. Левые революционные партии никогда не использовали наименования царя, в структуре значений которых содержались сверхактуализированные понятийные микрокомпоненты, так как это шло бы вразрез с их основными идейными установками и противоречило бы их «агитационной стратегии».

Иное дело проправительственные монархические организации, реализовавшие свои пропагандистские программы во многом посредством употребления составных наименований, образованных на базе сочетаний лексем и терминов с идентичной понятийной семантикой. «Выигрышность» подобных конструкций по сравнению с «обычными» наименованиями субъекта верховной государственной власти для правых партий была совершенно очевидна, так как искусственно созданная сверхактуализация ключевых денотативных сем как нельзя лучше способствовала усилению всей понятийной составляющей значения наименования. Таким образом, благодаря использованию соответствующих языковых средств в народных массах поддерживался авторитет царя и, соответственно, укреплялись позиции правых партий.

В ходе проведённого анализа был выявлен случай употребления рассматриваемого терминологического сочетания с обратной последовательностью слов-компонентов: *Они верят, что право грубой крамольной силы уступит чистой и возвышенной силе Русского народного права, направленного к устройению жизни Русского Народа на основах любви к Родине, возвеличения Церкви православной, преданности **Царю Самодержавному** и обновления жизни России в духе Русского самосознания* [282: 375]. Отсутствие строгой фиксации последовательности слов-компонентов анализируемого наименования свидетельствует о низкой степени межкомпонентной семантической связи.

Русский белый царь

Союз русского народа имени Михаила Архангела являлся крупнейшей и наиболее влиятельной крайне правой радикальной политической организацией в России начала XX века [Мартов 1992: 127-135; Федоров, т. 1, 2002: 478]. Радикализм взглядов данной политической силы проявлялся, в частности, в ярко выраженном национализме: *Давно бы и весь земной шар находился бы под скипетром **Русского Белого Царя**, если бы мы не допустили инородцев и иноверцев к святому делу управления страной и если бы не давали заведомым изменникам гулять на свободе и хвастаться своею безнаказанностью на срам Божьему и Царскому закону и на соблазн малодушным неучам* [269: 599]. Анализируемое наименование образовано на базе сочетания прилагательного *русский* и фразеологического оборота *белый царь*. В наших текстах слово *русский* имеет значение 'представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России'. Фразеологизм *белый царь* определяется как 'русский царь' [БАСРЯ, т. 1: 531].

Интересным представляется история наименования *белый царь*. Считалось, что «прозвали Россию «Белою», а русских государей – «Белый царь» восточные народы, потому что в России, в XIV и XV столетиях, в великокняжеском обиходе белое платье было в «великом почтении»: даже в позднейшее время белый цвет преобладал на московских стенах...» [Дьяченко: 800]. «Преобладание» белого цвета могло объясняться тем символическим значением, которое в него вкладывалось: *белый* – значит светлый, праведный, богоугодный. Соответственно, *белый царь* – это царь православный [367]. В итоге общее значение рассматриваемого составного общественно-политического наименования может быть сформулировано следующим образом: ‘русский царь, являющийся представителем восточнославянского народа, составляющего основное население России’.

Таким образом, в значении анализируемого наименования наблюдается сверхактуализация понятийных микрокомпонентов ‘являющийся’ ‘представителем’ ‘восточнославянского народа’. В приведённом выше контексте исследуемое сочетание выполняет номинативную и прагматическую функции, причём функция воздействия становится возможна именно благодаря наличию сверхактуализированных микрокомпонентов значения.

В итоге сочетание *русский белый царь* именуется не просто главой монархического государства, а содержит в себе объективированные посредством языкового кода дифференциальные признаки, отграничивающие российского православного государя от субъектов верховной государственной власти других стран.

В рассматриваемом контексте анализируемое наименование характеризуется наличием нейтральных коннотаций. Словарями начала XX века данное сочетание не фиксируется.

Как показал проведённый анализ функционирования исследуемого общественно-политического наименования в рассматриваемых текстах, сочетание *русский белый царь* не являлось актуальным в русском языке дореволюционного периода, о чём косвенно свидетельствует единственный выявленный случай его употребления в тексте программы упомянутой выше крайне правой радикальной партии.

Наименования с компонентом «самодержец»

Самодержец – анализируемый термин имеет значение ‘государь, управляющий полновластно и неограниченно’: *По масонской системе совместности добра со злом повсюду проводится бездушная система*

безразличия национальностей и вероисповеданий с полным пренебрежением к патриотическим желаниям **Самодержца** и Его верного коренного народа [272: 597]. В подобном значении лексема *самодержец* фиксируется и словарями начала XX века [328, т. 2: 1303]. В данном контексте исследуемое слово характеризуется отсутствием каких-либо дополнительных созначений (то есть сохраняет статус специального наименования) и выполняет номинативную функцию.

Слово *самодержец* по своему происхождению является исконно русским. Начало его функционирования в лексической системе языка датируется исследователями второй половиной XI века [410, т. 23: 37]. Архаичность наименований, образованных на базе старославянской модели сложения местоимения *сам* с именами действия, существительными и другими частями речи, отмечалась ещё В.В. Виноградовым [Виноградов 1994: 620].

Термин *самодержец* обладает прозрачной внутренней формой, базирующейся на буквальном «прочтении» значений компонентов, образующих данное сложное существительное.

Исконно русское происхождение, а также общедоступность смыслового наполнения обусловили высокую частотность его употреблений в текстах документов крайне правых партий (выявлено 20 случаев использования). Объяснение данного факта кроется в идеологических основах функционирования монархистских организаций в дореволюционной России. На посту главы государства они видели человека с неограниченной властью и, являясь противниками всего нового, «не русского», они в подавляющем большинстве случаев использовали исконные для родного языка, не заимствованные общественно-политические наименования.

Анализ функционирования рассматриваемого наименования позволил выявить ещё одну особенность. В текстах исследуемых документов правых партий термин *самодержец* во многих случаях употребляется в форме множественного числа: *Весь рост нашей Империи, её слава и величие представляют собою священные плоды веры, мудрости и любви **Самодержцев** из Рода Романовых. Они вывели наше отечество из ничтожества и сделали его крепкою, единою, неделимою, необъятною державою [269: 600]; **Самодержцы** – потомки Царя Михаила Первого за 300 лет своего неограниченного правления русскою землёю вырастили из малого и слабосильного московского царства Великую Империю...*[269: 599] и т. д. Под влиянием позитивного семантического фона контекстного окружения (понятийные микрокомпоненты слов *рост нашей*

Империи, священные плоды веры, мудрости, любви, сделали крепкою, единою... державою; вырастили... Великую Империю) исследуемый термин в обоих примерах претерпевает внутривидовые семантические изменения, сущность которых состоит в актуализации коннотативных сем положительной оценки и 'одобрения', вследствие чего специальное наименование детерминологизируется и переходит в разряд общественно-политической лексики. В указанных контекстах рассматриваемая лексема выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции.

Слово *самодержец* является единственным наименованием субъекта верховной государственной власти, выявленное нами в форме множественного числа. Как правило, употребление терминов данной тематической группы в русском языке начала XX века было в большинстве случаев сопряжено с фигурой конкретного царя – Николая II. Поэтому, когда в политических кругах говорили о монархе, царе и т. д., то подразумевали не каких-либо глав иностранных государств, а имели в виду российского императора. Таким образом, фиксированная форма единственного числа данных наименований была своеобразным лексико-грамматическим идентификатором общеизвестной персоны.

Использование же термина *самодержец* в форме множественного числа полностью отвечало вектору «языковой политики» Союза русского народа имени Михаила Архангела. Опираясь на свои политические взгляды и убеждения представители данной партии искали в многовековой истории самодержавия в России [296: 1-10]. Можно предположить, что апеллирование к заслугам представителей рода Романовых мыслилось членами Союза как хорошо организованное действие по пропаганде своих консервативных взглядов на общественно-политическое устройство России.

В текстах программных документов левых и центристских партий нами не было выявлено ни одного случая использования анализируемого термина.

Анализ синтагматических связей исследуемого наименования показал, что в качестве присловных распространителей могли употребляться прилагательные *русский, всероссийский, неограниченный, великий*: *Очевидно, мое невинное, с самыми благородными намерениями шествие навстречу с глиняной кружкой всероссийский самодержец* понял очень дурно. [365]; *Новый русский самодержец, при котором было заложено начало Шлиссельбурга, нашел весь режим «незаконным», лишил всех*

приобретенных льгот и ввел «законность»... [365]; *Прежний неограниченный **самодержец**, всемогущий по идее, но связанный в действительности всеми путями приказного строя, слабый вследствие отчужденности от него народа, становится конституционным монархом...*[280: 94]; *Но время от нас не ушло. Заговорит геройский дух победителей смуты и в нас, их наследниках. С благословения Великого **Самодержца** из Рода Романовых собирается, объединяется народная сила под знаменем Св. Великомученика и Победоносца Георгия, а зачем, для чего, – Бог укажет, государь скажет и чистая совесть разгадает* [269: 599]. В данном случае сочетания *всероссийский самодержец, русский самодержец, неограниченный самодержец и великий самодержец* квалифицируются не как составные общественно-политические наименования, а как свободные словосочетания, образованные посредством распространения термина *самодержец*. В приведённых контекстах исследуемое наименование выполняет номинативную и прагматическую функции (функция воздействия становится возможна благодаря денотативной семантике слова *самодержец*).

Государь самодержец – в наших текстах был выявлен всего лишь один случай использования анализируемого наименования: *Государь Самодержец уже дозволил нам и Св. Синод благословил соорудить средствами всей Царелюбивой России Божий храм в С.-Петербурге...* [269: 600]. Исследуемое наименование образовано на базе сочетания двух существительных – *государь* и *самодержец*. В основе образования словосочетания лежит подчинительная синтаксическая связь – приложение как подвид согласования. Специфической чертой приложения является то, что «согласуемой формой... является падеж; формы рода и числа в согласовании не участвуют...» [Краткая 2002: 400].

Слово *государь* имеет значение 'глава монархического государства; царь, император' [ССРЛЯ, т. 3: 339]. Термин *самодержец* определяется как 'не ограниченный в своей власти, самодержавный правитель; монарх' [ССРЛЯ, т. 13: 94]. Таким образом, общее значение анализируемого составного наименования может быть сформулировано как 'глава монархического государства, не ограниченный в своей власти'.

Сочетание в рамках одного составного наименования лексем с идентичной понятийной семантикой приводит к сверхактуализации денотативных микрокомпонентов 'глава' 'монархического' 'государства', что, в свою очередь, способствует выполнению им прагматической и номинативной функций.

В рассмотренном контексте анализируемое составное наименование характеризуется отсутствием каких-либо дополнительных созначений. Словарями начала XX века сочетание *государь самодержец* не фиксируется.

Самодержец всероссийский – анализируемое общественно-политическое наименование в дореволюционной России являлось официальным и фиксировалось всеми документами, исходившими от царя. Так, например, Высочайший манифест от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка» начинался следующими словами: *Божией милостью, мы, Николай Второй, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь Финляндский, и прочая, и прочая...* [245: 193]. Рассматриваемое наименование образовано на базе сочетания существительного *самодержец* и прилагательного *всероссийский*. Значение слова *самодержец* было сформулировано нами выше. Прилагательное же *всероссийский* определяется как ‘относящийся ко всей России... распространяющийся на всю Россию...’ [МАС, т. 1: 230]. Таким образом, наименование *самодержец всероссийский* имеет значение ‘государь, управляющий самовластно и неограниченно всей Россией’. Как видим, понятийная семантика слова *всероссийский*, воздействуя на состав денотативного макрокомпонента значения термина *самодержец*, вызывает процессы микрокомпонентного перераспределения, результатом которых является расширение и конкретизация семантического состава определяемого термина.

В рассмотренном контексте анализируемое составное наименование выполняет номинативную и прагматическую функции. Словарями дореволюционного периода данное сочетание также не фиксируется.

Анализ функционирования исследуемого общественно-политического сочетания показал крайне низкую частотность его употреблений (было выявлено 2 примера использования). Наравне с официальными властями наименование *самодержец всероссийский* употреблялось членами Союза русского народа: *Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому. В высокотождественный... день тезоименитства ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Главный Совет Союза Русского Народа... повергает перед Вами... поздравления и выражения... непоколебимой преданности* [322: 602]. В рассматриваемом отрывке анализируемое наименование выполняет номинативную и прагматическую функции, а под влиянием возвышенной

стилистики контекстного окружения переходит в разряд высокого стиля. С точки зрения коннотативной окрашенности данное сочетание квалифицируется как нейтральное.

Наименования с компонентом «монарх»

Монарх – анализируемый термин имеет значение ‘единоличный глава государства, обычно наследственный’ [Ушаков, т. 2: 253]: *Это положение... призывает к коренному преобразованию нашего государственного строя на началах конституционных и к прочному закреплению за народным представительством дарованных ему манифестом прав деятельного участия рядом с **Монархом** в законодательных трудах и управлении страной* [243: 184]. В данном контексте термин *монарх* выполняет номинативную и дефинитивную функции. Словарями начала XX века исследуемый термин также фиксируется в следующих значениях: ‘самодержец, самодержавный государь’ [Алексеев: 518]; ‘единовластный государь’ [Битнер: 536].

Лексема *монарх* известна в русском языке с 17 века [410, т. 9: 258]. В XIX веке анализируемый термин функционировал в значении ‘единодержец, самодержец; государь’ [ПСИС: 524].

Анализ функционирования термина *монарх* в исследуемых текстах показал полное отсутствие случаев его употребления в документах правых и левых политических партий. Иначе дело обстоит с партиями центра. Умеренно-либеральные и в основе своей консервативные политические организации довольно часто использовали в текстах своих документов рассматриваемый общественно-политический термин (было выявлено 5 случаев употребления).

Следует отметить, что в среде центристских партий отношение к монарху было далеко не однозначным [Бабенко 2000; Федоров, т. 1, 2002]. Такая ситуация нашла своё отражение в системе языка рассматриваемого временного периода в виде бытования исследуемой лексемы с противоположными коннотациями. Так, Партия прогрессистов относилась к первому лицу государства достаточно сдержанно: *Поэтому прогрессисты считали вполне естественным исключение представителей левых партий от участия в Собрании, имевшем целью посылку депутации к монарху* [247: 356]; *Программа блока или может быть доложена монарху или должна служить учредительной хартией блока, о котором министры узнают из газет* [247: 356]. Как видим, в рассматриваемых контекстах слово *монарх* характеризуется отсутствием каких-либо

дополнительных созначений и, следовательно, сохраняет статус специального наименования. В приведённых отрывках из доклада фракции прогрессистов исследуемый термин выполняет номинативную и дефинитивную функции.

В рядах же Партии мирного обновления упорно бытовало мнение, что бедственное положение России может быть исправлено ответственным перед Думой правительством: *Только правительство, несущее ответственность перед Думой, может восстановить связь между безответственным монархом и народным представительством* [315: 124]. Под влиянием контекстного окружения (понятийные семы негативного характера слова *безответственный*) в структуре коннотативного макрокомпонента значения анализируемого термина актуализируются семы отрицательной оценки и 'неодобрения', вследствие чего меняется статус рассматриваемого слова (происходит детерминологизация) и оно начинает выполнять не дефинитивную, а аксиологическую и прагматическую функции.

В среде интеллигенции отношение к Николаю I и Николаю II было различным [Федоров, т. 1, 2002: 557-560]. Так, М. Горький в своих «Письмах» за 1889 – 1906 гг. отмечал удивление Николая I по поводу выдвинутых требований установления конституционно-монархического строя в России: *«Разве я не самый ограниченный монарх на свете?»* [369]. В рассматриваемом контексте анализируемый термин выполняет номинативную функцию (дефинитивная функция в данном случае невозможна по причине использования в неспециальном тексте). В данном случае удивление российского царя можно понять, так как «Николай II продолжал считать себя самодержавным монархом, получившим власть от Бога», однако история показала, что «он не смог стать конституционным монархом, хотя у него был реальный шанс спасти себя и страну» [Федоров, т. 1, 2002: 559].

Николая II же в прогрессивных кругах сильно критиковали за поддержку черносотенного движения, правых радикальных партий и за пренебрежительное отношение к выдающимся людям эпохи [Российские либералы 2001; Федоров, т. 1, 2002]. В частности А.Ф. Кони с большой долей иронии отзывался об императоре: *пламенно писал ему Лев Толстой, лишению которого христианского погребения синодом «возлюбленный монарх» не воспрепятствовал, купив одновременно с этим на выставке передвижников репинский портрет Толстого для музея в Михайловском дворце* [374]; *Неоднократно предав Столыпина и поставив*

его в незащищенное положение по отношению к явным и тайным врагам, «обожжаемый **монарх**» не нашел возможным быть на похоронах убитого, но зато нашел возможным прекратить дело о попустителях убийцам и сказал, предлагая премьерство Коковцеву: «Надеюсь, что вы меня не будете заслонять, как Столыпин?» [374]; **Монарх** принял с благодарностью значок «Союза русского народа» и приказывал оказывать поддержку клеветническим и грязным изданиям черносотенцев [374]. В структуре значения анализируемого термина актуализируются семы резко отрицательной оценки, 'неодобрения' и 'презрения', вследствие чего слово *монарх* перешло из разряда специальных наименований в подсистему ОПЛ. В первых двух цитатах исследуемая общественно-политическая лексема даётся в кавычках в сочетании с присловными распространителями *возлюбленный* и *обожжаемый*. Прилагательное *возлюбленный* имеет значение 'горячо любимый' [Ушаков, т. 1: 342]. Слово *обожжаемый* является производным от глагола *обожать*, который определяется как 'питать к кому-чему-нибудь чувство сильной, доходящей до преклонения, любви' [Ушаков, т. 2: 681]. Таким образом, *обожжаемый* – это 'тот, к кому питают чувство сильной любви'. В вышеприведённых контекстах исследуемое слово выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции.

Синтагматические связи термина *монарх*, а также учёт графического оформления (наличие кавычек) позволяют сделать вывод о том, что имеет место искусственно созданная дисгармония между возвышенной, положительной понятийной семантикой присловных распространителей и общим крайне негативным семантическим фоном контекстного окружения. Результатом подобного «семантического дисбаланса» явилась актуализация семы 'ирония' в структуре коннотативного блока значения анализируемого термина.

Функционировало исследуемое наименование и в значении 'первый, лучший среди остальных': *А еще уверяют, что человек – царь природы. Очень и очень ограниченный **монарх**, во всяком случае. Я лично не люблю природы* [399]. В приведённом контексте рассматриваемое слово выполняет номинативную и эстетическую (создание языковой игры) функции. В данном значении анализируемая лексема словарями начала XX века не фиксируется.

В русском языке дореволюционного периода активно функционировало производное от анализируемого термина прилагательное *монарший* (выявлено более 10 случаев употребления): *Желательно, чтобы освеженный Государственный совет получил право законода-*

тельных начинаний (инициативы), донныне исключительно принадлежащее помимо монарха только министрам, и чтобы предложенные и обсужденные в Государственном совете новые законы рассматривались ранее поступления на **монаршее** благоволение в Государственной думе и обратно, дабы возбудилось своего рода равенство и соревнование ко благу народному между двумя высшими совещательными законодательными учреждениями [381].

Конституционный монарх – выявлен один случай употребления рассматриваемого составного терминологического наименования: *Прежний неограниченный Самодержец, всемогущий по идее, но связанный в действительности всеми путями приказного строя, слабый вследствие отчужденности от него народа, становится конституционным монархом, который, хотя и находит пределы своей воли в правах народного представительства, но в самом единении с народом... получает новую мощь...* [280: 94]. Исследуемое наименование образовано на базе сочетания прилагательного *конституционный* и существительного *монарх*. Слово *конституционный* имеет значение ‘прил. к конституция во 2 и 3 знач. (полит.)’ [Ушаков, т. 1: 1443]. А *конституция*, в свою очередь, определяется как ‘законы, являющиеся ограничением монархической власти’ [Ушаков, т. 1: 1443]. Определение термина *монарх* приводилось выше. Таким образом, общее значение анализируемого наименования может быть сформулировано как ‘глава монархического государства, власть которого ограничена сводом основных законов’. Как видим, понятийная семантика слова *конституционный*, воздействуя на состав денотативного блока значения термина *монарх*, вызывает процессы микрокомпонентного перераспределения, результатом которых является деактуализация семы ‘единовластный’ и общее расширение микрокомпонентного состава, сопровождающееся актуализацией сем ‘власть’ ‘которого’ ‘ограничена’ ‘сводом’ ‘основных’ ‘законов’.

В вышеприведённом контексте рассматриваемое составное терминологическое наименование выполняет дефинитивную функцию.

Словарями начала XX века сочетание *конституционный монарх* не фиксируется.

Наименования с компонентом «государь»

Государь

В исследуемых текстах анализируемый термин имеет значение ‘глава монархического государства; царь’ [МАС, т. 1: 318]: *Государь* есть верховный правитель, и вся администрация только известная доля целого

правительства [381]; ...Дубровин... указал, что **государь**, видя, что думцы занимаются не тем, для чего призваны, исправил несколько избирательный закон, так как это было в его власти, и он мог бы, распустив 2-ю думу, вовсе не созвать третью [300: 394]. В данных контекстах рассматриваемое наименование выполняет номинативную и эстетическую (создание образа персонажа и создание образа эпохи) функции.

В ходе анализа исследуемых текстов было выявлено 22 случая употребления термина *государь*, что, несомненно, свидетельствует об актуальности данного наименования для русского языка начала XX века.

Несмотря на наличие диаметрально противоположных оценок деятельности субъекта верховной государственной власти в дореволюционной России, лексема *государь* характеризовалась наличием либо нейтральных коннотаций (*Затем рассказывал, как их принимал **государь**; его одного ещё не принимал наедине. Я знаю, что **государь** это предполагал, но сказать ему прямо не мог, хотя советовал ходатайствовать, уверяя в успехе [372: 610]; Как-то в конце 1907 г. П.А. Столыпин получил от **Государя** поданное неким доктором Кацауровым всеподданнейшее прошение, начинавшееся словами: «Жалует Царь, да не жалует писарь» [371: 626-627] и др.), либо положительных созначений (*На всех видевших Его вблизи **Государя** производил впечатление чрезвычайной простоты и неизменного доброжелательства. [362]*). Во всех выявленных случаях, будучи употребленным в неспециальном тексте, анализируемое слово выполняет номинативную и эстетическую функции.*

Анализ синтагматических связей показал, что в качестве присловного распространителя могло использоваться прилагательное *добрый*: *Молю Бога, чтобы Он помог Вам и пострадавшей России. Вижу ее дальнейший путь, ее расцвет. Но надо сознать, что ей нужно. Все сначала ей, но на строгом, новом законе, который пусть выработает Дума и с которым согласитесь Вы, добрый **Государь**. Вашего Величества верноподданный Л.Н. Толстой. [395].* В данном случае сочетание *добрый государь* квалифицируется как свободное, нетерминологическое, образованное на базе распространения специального наименования *государь* словом *добрый*. Воздействие понятийной семантики прилагательного на микрокомпонентную структуру значения анализируемого термина заключается в актуализации коннотативных сем положительной оценки и 'одобрения' (в результате чего лексема *государь* детерминологизируется). В приведённом контексте исследуемая общественно-политическая лексема выполняет номинативную, оценочную и прагматическую функции.

Словарями начала XX века рассматриваемый термин не фиксируется. В русском языке XVIII века анализируемое наименование функционировало в значении 'верховный владетель, монарх' [411, т. 5: 200].

Также слово *государь* могло употребляться в нетерминологическом значении 'повелитель, господин': *И на пути сказал Иисусу один человек: повсюду пойду за тобой, государь мой.* [397]. В данном значении анализируемое существительное активно использовалось в русском языке XVIII – XIX веков [ССРЛЯ, т. 3: 339]. В начале же XX века наблюдается постепенная архаизация отмеченного выше значения слова *государь*, о чём косвенно свидетельствует единичный выявленный случай его употребления.

В русском языке рассматриваемого временного периода активно функционировало составное нетерминологическое наименование *милостивый государь* (выявлено 6 примеров): *Называют людей: кого ваше превосходительство, ваше сиятельство, ваше величество, ваше благородие, милостивый государь, батюшка, сударь, а одно только название ко всем подходит и никому не обидно.* [396]. Как видно из данного контекста, анализируемое наименование представляет собой форму вежливого обращения. А со структурной точки зрения оно может быть квалифицировано как фразеологический оборот, то есть как единица языка, принципиально отличная от составного терминологического сочетания. Именно поэтому исследуемое наименование фиксируется фразеологическими словарями [Тихонов: 56].

Российский государь – выявлен единственный случай использования анализируемого наименования: *Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи Нашей великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце Наше. Благо Российского Государя неразрывно с благом народным и печаль народная Его печаль* [245: 193]. Рассматриваемое свободное общественно-политическое наименование образовано на базе сочетания прилагательного *российский* и существительного *государь* (тип синтаксической связи – согласование). Слово *российский* имеет значение 'относящийся к России' [ССРЛЯ, т. 12: 1472]. Термин *государь*, как мы выяснили ранее, имеет значение 'глава монархического государства; царь'. Таким образом, анализируемое сочетание может быть определено как 'глава российского монархического государства'. Как видим, понятийная семантика прилагательного *российский*, воздействуя на денотативное содержание термина *государь*, приводит к процессам семантического перераспределения, результатом которых является расширение

микрокомпонентного состава понятийного блока значения слова *государь* посредством актуализации семы 'русский'. В пользу целостной семантической структуры наименования *русский государь* свидетельствует также графический аспект (написание приводится с заглавными буквами обоих слов). В указанном контексте исследуемое сочетание выполняет номинативную и прагматическую функцию. Причём реализация функции воздействия стала возможна именно благодаря семантическим изменениям, произошедшим под влиянием семантики присловного распространителя.

Словарями начала XX века данное наименование не фиксируется.

Царствующий государь

Высказываясь о роли рода Романовых в истории России и о значимости императора Николая II, А.И. Дубровин отмечает следующее: *Они (Романовы – уточнение наше – А.З.) вывели наше отечество из ничтожества и сделали его крепкою, единою, неделимою, необъятною державою. Поэтому в Царствующем Государе... и в благополучии и долгоденствии Дома Его вся наша опора в настоящем и наше светлое счастье в будущем* [269: 600]. Анализируемое общественно-политическое составное наименование образовано посредством сочетания прилагательного *царствующий* и существительного *государь* (тип связи – согласование). Слово *царствующий* имеет значение 'такой, который царствует' [МАС, т. 4: 633]. Глагол *царствовать*, в свою очередь, определяется как 'быть царём, управлять царством' [МАС, т. 4: 633]. Термин *государь*, как мы выяснили ранее, имеет значение 'монарх, глава государства' [Ушаков, т. 1: 609]. Общее значение анализируемого общественно-политического наименования может быть сформулировано следующим образом: 'управляющий страной глава монархического государства'.

Таким образом, понятийная семантика прилагательного *царствующий*, воздействуя на денотативное содержание термина *государь*, вызывает процессы микрокомпонентного перераспределения, результатом которых является общее расширение семного состава денотативного блока значения слова *государь* (актуализируются семы 'управляющий' 'страной').

В приведённом выше отрывке из обращения А.И. Дубровина в составе коннотативного макрокомпонента значения анализируемого наименования *царствующий государь* под воздействием положительного семантического фона контекстного окружения (позитивные денотативные семы слов *благополучие, долгоденствие, светлое счастье*) актуализиру-

ются микрокомпоненты 'положительная оценка' и 'одобрение'. В целом анализируемое сочетание в данном случае выполняет номинативную, оценочную и прагматическую функции.

Рассматриваемое наименование словарями начала XX века не фиксируется. В исследуемых текстах нами было выявлено два случая его употребления: в «Обращении...» основателя СРН и в «Заветных мыслях» Д.И. Менделеева. Во втором случае анализируемое наименование характеризуется отсутствием коннотаций: *Это значит, что мы должны быть еще долго и долго народом, готовым каждую минуту к войне, хотя бы мы сами этого не хотели и хотя наши императоры Александр III и благополучно царствующий государь явно и торжественно выразили русское миролюбие своей инициативой.* [381]. В данном контексте исследуемое наименование выполняет номинативную функцию.

Государь император

Второй пункт программы Партии правого порядка гласил следующее: ***Государь Император*** – глава Российского Государства [285: 1]. Анализируемое составное терминологическое наименование образовано на базе сочетания существительных *государь* и *император* (тип синтаксической связи – согласование, приложение). Слово *государь* определяется как 'глава монархического государства' [ССРЛЯ, т. 3: 339]. Существительное *император* определяется как 'наследственный титул главы монархического государства и лицо, носящее этот титул' [ССРЛЯ, т. 5: 306]. Словарями рассматриваемого периода термин *император* фиксируется в значении 'государь, повелитель империи' [Битнер: 316]. Исходя из этого, общее значение исследуемого наименования может быть сформулировано следующим образом: 'глава империи, монархического государства'. В приведённом контексте рассматриваемое составное терминологическое сочетание выполняет дефинитивную функцию.

Сами термины *государь* и *император* находятся между собой в отношениях квазисинонимии (см. п. 3.3 данной главы), так как имеет место дифференциация понятийной семантики (слово *император* именуется только главой империи, а лексема *государь* называет титул субъекта верховной государственной власти исключительно у восточных славян) и, соответственно, отсутствует возможность абсолютной взаимозамены в идентичных контекстах. Результатом сочетания рассмотренных квазисинонимичных лексем в рамках одного составного терминологического наименования является интерференция их понятийных микрокомпонентов. В итоге образуется новое

терминологическое сочетание с расширенным (по сравнению с понятийной семантикой каждого из слов-компонентов) микрокомпонентным составом денотативного макрокомпонента, характеризующееся наличием особой выразительности и приобретающее черты стилистической возвышенности.

В ходе анализа исследуемых текстов было выявлено 6 случаев использования рассматриваемого сочетания, которое в русском языке начала XX века являлось официальным наименованием субъекта верховной государственной власти. Так, например, министр Императорского двора барон Фредерикс в телеграмме на имя Главного совета Союза русского народа писал следующее: ***Государь Император** повелеть соизволил благодарить Главный Совет и Отделы Союза Русского Народа за вознесённые в день Тезоименитства Его Величества молитвы и выраженные в их телеграммах чувства* [322: 601]. В данном контексте анализируемое наименование лишено каких-либо дополнительных значений, следовательно, сохраняет статус специального наименования и выполняет номинативную функцию. Выполнение дефинитивной функции в указанном случае невозможно по причине употребления в неспециальном контексте.

Анализ функционирования исследуемого терминологического сочетания показал отсутствие его употреблений в рассмотренных нами текстах документов левых политических партий. Такая ситуация, на наш взгляд, может быть объяснена нежеланием революционных организаций (в силу их политических убеждений) использовать для именовании главы государства стилистически возвышенные конструкции.

В документах правых и центристских партий, а также в текстах художественной литературы рассматриваемого временного периода терминологическое сочетание *государь император* характеризовалось наличием нейтральных коннотаций и выполняло номинативную и эстетическую функции: *Шесть с половиной лет существует уже Государственная дума, призванная по манифесту 17 октября к участию в надзоре за закономерностью действий поставленных от **государя императора** властей* [308: 302]; *И кто бы ни спрашивал – меня нет дома. Хоть бы сам **государь император** пришел. Он лег на постель и зарылся головой в подушку, вцепившись в нее зубами.* [376]; *...<...>... (Не помню, за чьей подписью, графа Милютина – впрочем, тогда он не был еще графом – или Адлерберга), в которой сообщалось, что **Государь Император** соизволил повелеть Кузьминского простить и в крепость не сажать.* [361].

Нетерминологические наименования окказионального происхождения с компонентом «верховный»

Верховный хозяин всей земли русской

Высказываясь о Государственной думе, члены Русского народного союза имени Михаила Архангела отмечали следующее: ...<...>... *вследствие Государственной их* (депутатов – уточнение наше – А.З.) *мудрости, не могущим утверждать ни бесполезных, ни тем более вредных законов для самого себя, т. е. для Народа Русского, а тем более не могущим посягнуть на ограничение прав Самого **Верховного Хозяина всей Земли Русской**...* [282: 376]. Анализируемое наименование представляет собой перифразу – «стилистический приём, заключающийся в непрямом, описательном обозначении предметов и явлений действительности (преимущественно эмоционально-экспрессивного, оценочного характера)» [ЛЭС: 371]. Как известно, основное назначение перифразы состоит в придании тексту особой выразительности. Структурной моделью исследуемой перифразы является сложное словосочетание. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой к сложным относятся словосочетания, образованные на основе разных способов синтаксической связи, исходящих от одного и того же главного слова [Грамматика 1970: 538-539]. В нашем случае выделяются два типа связей: согласование (*верховный хозяин*) и управление (*хозяин всей земли русской*).

Словарями рассматриваемого временного периода данная перифраза не фиксируется.

В рассматриваемом отрывке из программы РНС речь идёт о том, что депутаты Государственной думы, заботясь о народном благе, никогда не пойдут на ограничение власти «Верховного хозяина всей земли русской». Несложно догадаться, что данное сочетание является метафорическим наименованием главы государства. Отсюда вытекает и значение исследуемого общественно-политического сочетания: 'монарх, глава монархического государства'. Образность и выразительность анализируемого наименования способствуют выполнению им аксиологической, прагматической и эстетической функций.

Особую пафосность и возвышенность анализируемому наименованию придают понятийные микрокомпоненты слов *верховный*, *хозяин* ('высший', 'главный', 'имеющий' 'власть' 'распоряжаться').

В вышеприведённом контексте исследуемое сочетание характеризуется отсутствием дополнительных созначений.

Верховный вождь земли русской

В исследуемых текстах нами был выявлен единственный случай употребления анализируемого наименования: *Непосредственное общение Верховного Вождя земли Русской с Народом Своим, вследствие колоссального роста Государства Российского, всё более и более осложнялось. Народившийся, в виде средостения, между Царём и Народом Его сонм чиновников, склонных иногда к произволу, а позднее, усиленно развившаяся крамола – способствовали отдалению Царя от Народа* [282: 375-376]. Рассматриваемое наименование квалифицируется как перифраза. Со структурной точки зрения представляет собой сложное сочетание, так как имеет место наличие двух типов синтаксической подчинительной связи, исходящих от одного слова (*верховный вождь* – согласование; *вождь земли русской* – управление).

Так как словарями начала XX века данная перифраза не фиксируется, попытаемся вывести её значение из значений слов-компонентов.

Прилагательное *верховный* имеет значение ‘высший, главный’ [БАСРЯ, т. 2: 439]. Слово *вождь* определяется как ‘общепризнанный идейный, политический руководитель’ [БАСРЯ, т. 3: 39]. Слова *земля* и *русский*, как мы выяснили ранее, имеют значения ‘страна, государство’ [ССРЛЯ, т. 4: 1204] и ‘относящийся к Руси, России’ [ССРЛЯ, т. 12: 1582] соответственно. Таким образом, общее значение анализируемого наименования может быть сформулировано как ‘общепризнанный политический руководитель Российского государства’. Как видим, данное значение является расплывчатым и неточным, не позволяющим дифференцировать собственно субъекта верховной государственной власти от других должностных лиц страны. К тому же речь в отрывке из программы РНС идёт именно о царе, и члены этой правой партии используют окказиональное общественно-политическое сочетание (перифразу) *верховный вождь земли русской* как метафорическое наименование главы государства. Именно поэтому значение рассматриваемого сочетания может быть сформулировано как ‘царь, монарх’.

Анализируемая перифраза вследствие влияния возвышенной понятийной семантики слов *верховный* и *вождь* приобретает черты пафосности и переходит в разряд высокого стиля. В приведённом контексте выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции.

Прочие наименования

В данной группе рассматриваются общественно-политические термины и наименования, не вошедшие в другие лексико-семантические подмножества по причине несоответствия критериям выделения данных подмножеств (наличие одного и того же главного слова-компонента): *император, великий князь, помазанник божий, корона*.

Император – анализируемый термин имеет значение ‘царь, государь, глава монархического государства’: <...>... в беседах **Императора Александра со Сперанским предполагалось «сделать правительство ответственным перед законодательным собранием...»** [307: 381]. В приведённом контексте исследуемое наименование выполняет номинативную функцию.

Анализ функционирования термина *император* показал, что данная лексема входила в перечень основных наименований главы Российского государства. Так, в частности, любой манифест царя, как правило, начинался следующими словами: *Божией милостью, мы, Николай Второй, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, и прочая, и прочая* [245: 193]. В целом же частотность использования анализируемого термина в исследуемых текстах невелика (выявлено 6 употреблений).

В текстах художественной литературы, в воспоминаниях общественных деятелей и в других неспециальных источниках нами не было выявлено ни одного примера употребления слова *император* с какими-либо дополнительными значениями.

Данное наименование преимущественно употреблялось не для именования действующего главы государства (Николая I либо Николая II), а для называния субъекта верховной государственной власти предыдущих исторических эпох либо глав иностранных государств: *Приступы той же мертвящей скуки побуждали Лермонтова травить приятелей; он придирается, злит, выводит из себя, прямо кусается, как бешеная собака. («Собаке собачья смерть», – сказал, узнав о кончине Лермонтова, император Николай Павлович и, конечно, по-своему был прав)* [391]; *Поэтому православные архиереи, священнослужители и миряне православные крепко противостали Арию, – и сам благочестивый император Константин равноапостольный, собравший со всех концов православного мира епископов, пресвитеров и отчасти диаконов, в числе коих был архидиакон Афанасий, потом поставленный в архиепископы Александрии в Египте.* [375]; *Но чтобы германский император послушался*

нашего декрета, надо, чтобы мы оказались сильнее его, а так как сила на его стороне, то, «декретируя» мир, мы тем самым декретируем его победу, т. е. победу германского империализма над нами, над трудящимся населением России [385].

Словарями рассматриваемого временного периода термин *император* фиксируется. Однако состав денотативного макрокомпонента от словаря к словарю варьируется. Так, в «Новом полном словаре...» 1911 года анализируемый термин определяется следующим образом: 'у древних римлян, в период существования республики, почётный титул победоносного полководца; при Юлие Цезаре стал пожизненным, а впоследствии наследственным титулом главы государства; ныне высший титул государя большой страны, в России введён впервые Петром Великим' [НПСИС: 164]. В «Словаре научных терминов...» 1905 года исследуемая лексема имеет 2 значения: 1) 'сначала так назывался у римлян полководец, предводитель войска'; 2) 'теперь государь, повелитель империи' [Битнер: 316]. В словаре С.Н. Алексеева приводится следующая дефиниция термина *император*: 'в древн. Риме – титул должностных лиц с исполнительной властью; верховный повелитель империи' [Алексеев: 295]. Как видим, во всех словарях первая часть толкования представляет собой энциклопедическую выкладку, вторая – собственно значение. Понятийные микрокомпоненты 'повелитель' 'империи', 'верховный' 'повелитель' 'империи' характеризуются как изначально позитивные, а не нейтральные, что, вероятно, является результатом внесения субъективных составляющих авторов словарей в соответствующую дефиницию. Таким образом, славянофильские идеи об исконности монархии в России могли материализоваться в виде появления в словарных дефинициях наименования субъекта верховной государственной власти позитивных денотативных сем.

Также в русском языке рассматриваемого временного периода функционировало производное от слова *император* прилагательное *императорский* в значении 'относящийся к императору, находящийся в его собственности': *Вдруг около станции Жмеринка-Киев-Брест императорский поезд сошел с рельс, так что Император пришел к нам на станцию пешком* [361].

Великий князь

Г.О. Раух в своих воспоминаниях писал о тяжёлой обстановке в Москве в декабре 1905 года, когда повсеместно вспыхивали восстания и не хватало сил на их подавление: *Кажется, 16 или 17 вечером потребовали*

меня к **вел. кн[язю]**. Застал там гр. Витте – шла речь о посылке подкрепления в Москву. Уже несколько дней Дубасов просил, но мы всё отказывали. Наконец, вероятно, по докладу Витте, государь выразил положительно желание и предложил взять один из полков, уже бывших на смотре в Царском. **Вел. кн[язь]** остановился на Семёновском [372: 608]. Рассматриваемое общественно-политическое наименование является устойчивым и неделимым. Словарями начала XX века не фиксируется. В словаре русского языка XVIII века сочетание *великий князь* рассматривается как фразеологизм, имеющий значение ‘титул членов императорского дома’ [411, т. 3: 15]. В целом же прилагательное *великий* в значении ‘имеющий большое значение, очень важный’ к концу XVIII века стало нормативно употребляться лишь в составе устойчивых сочетаний [411, т. 3: 14].

Анализ функционирования рассматриваемого наименования показал низкую частотность его употреблений в исследуемых текстах (было выявлено 5 примеров). Тем не менее, сочетание *великий князь* являлось официальным именованием главы государства, что регулярно фиксировалось в документах, исходивших от императорского дома (например, всевозможные манифесты и открытые письма).

Помазанник божий – данная перифраза использовалась исключительно в документах крайне правых монархистских партий: *Между тем, в верности этой власти при вступлении на Престол Государей все подданные приносят перед Престолом Всевышнего клятвы, а сам Государь именуется Себя по сей день в Манифестах Самодержавным, Церковью же и Народом Своим признаётся, кроме того, и Помазанником Божиим* [282: 375]. Анализируемое наименование словарями начала XX века не фиксируется, однако в русском языке оно известно уже с XVII века в значении ‘тот, кто освящён помазанием’ [411, т. 16: 291]. В нашем же случае анализируемое сочетание имеет значение ‘монарх, освящённый обрядом помазания’. Сама сущность обряда *помазания* состояла в крестообразном мазании миром, елеем в знак благословения и передачи благодати [ССРЛЯ, т. 10: 1155]. В приведённом выше контексте исследуемая перифраза выполняет функции номинации, оценки и воздействия. Причём аксиологическая и прагматическая функции становятся возможными именно благодаря самой природе перифразы, являющейся метафорическим, образным наименованием.

Проведённый анализ функционирования рассматриваемой перифразы показал крайне низкую частотность её употребления (был выявлен единственный пример). Такая ситуация может быть объяснена

спецификой понятийного наполнения данного наименования, значение которого представляет собой своеобразный «семантический сплав» объективированных в языке идей православия и монархии. Именно поэтому нами не было выявлено ни одного случая его использования в текстах документов центристских и левых партий. А имеющая место быть «книжность» и определённая стилистическая возвышенность препятствовали употреблению наименования *помазанник божий* в текстах других неспециальных источников (сочувствующих самодержавию среди интеллигенции было не так уж и много [Федоров, т. 1, 2002: 472]).

Также в ходе исследования нами было выявлено наименование *помазанник*: <...>... *Государь, Его потомство и всё человечество во веки веков видели бы как Св. Русь любит Бога и Помазанника Его, ценит Царственные подвиги и умеет быть благодарною за них* [269: 600]. Данная лексема имеет значение 'монарх, над которым совершён обряд помазания на царство' [ССРЛЯ, т. 10: 1155]. В приведённом контексте в структуре значения анализируемого наименования актуализируются микрокомпоненты положительной эмоциональной оценки и 'одобрения' вследствие влияния позитивного семантического фона контекстного окружения. В данном случае рассматриваемая лексема выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции. Используемыми словарями начала XX века слово *помазанник* не фиксируется.

Корона

Характеризуя бедственное положение страны и определяя роль монарха в этой ситуации, И.Н. Ефремов отмечает следующее: *В наше тяжёлое время выявлений всяких непорядков и злоупотреблений, так больно отзывающихся на судьбах родины, на благе народа, более чем когда-либо, необходимо укрепление принципа безответственности короны, зиждущегося на ответственности известных народу её советников, т. е. министров* [307: 384]. В приведённом контексте совершенно очевидно, что речь идёт об утверждении принципа безответственности монарха. Поэтому лексема *корона* в данном отрывке из стенографического отчёта выступления И.Н. Ефремова имеет значение 'государь, глава монархического государства'. В несколько ином значении анализируемое слово фиксируется дореволюционными словарями: 'верховная власть, по конституции принадлежащая монарху' [НПСИС: 223]. В данном случае исследуемое наименование выполняет номинативную и прагматическую функции. Функция воздействия становится возможной благодаря имевшему место процессу метонимического переноса.

Анализ функционирования исследуемого общественно-политического наименования показал, что эта лексема употреблялась в отмеченном выше значении только в текстах центристских партий (Партия демократических реформ и др.). Частотность использования слова *корона* невелика – выявлено 2 примера.

Члены партий центра настаивали на необходимости реформирования всей системы государственного управления [Бабенко 2000: 18-45; Мартов 1992: 137-144]. Так, в частности, И.Н. Ефремов перекладывал всю ответственность за беспорядки в стране с монарха на подотчётное ему министерство: *Мы указывали, что необходима не смена лиц на министерских постах, а изменение всей системы государственного управления, что личный режим, что пережитки самодержавия парализуют живые силы народа и что спасение в действительной ответственности правительства перед народным представительством, создающей безответственность **короны*** [306: 396]. В данном контексте слово *корона* выполняет номинативную и прагматическую функции.

Значение слова *корона* ‘государь, глава монархического государства’ является результатом процесса метонимического переноса по смежности с головного убора как символа царской власти на самого носителя данного убора.

В исследуемых текстах нами были выявлены ещё два значения рассматриваемой лексемы. Так, в текстах художественной литературы начала XX века слово *корона* употреблялось в значении ‘головной убор, венец в виде золотого обруча, украшенного драгоценными камнями, служащий знаком известной власти или родового достоинства’ [НПСИС: 223]: *У него была роскошная белая, как сахар, седая борода, такие же седые кудри и большие чёрные глаза. На голове его красовалась золотая **корона**. Одет он был так, как вообще одеваются короли* [402]. В данном случае перед нами слово, характеризующееся отсутствием идеологизированности и, следовательно, не входящее в подсистему ОПЛ.

В текстах специальной литературы (по географии, геодезии и т. д.) было выявлено использование слова *корона* в значении ‘то же, что крона’ [МАС, т. 2: 106]: ***Корона** дерева обстрижена, как ножницами, в горизонтали дюны* [363]. А существительное *крона* определяется как ‘верхняя разветвленная часть дерева (ствола) вместе с сучьями и ветвями’ [МАС, т. 2: 134].

В итоге лексема *корона* предстаёт перед нами как полисемантическая структура, представляющая собой совокупность трёх семем, каждая из

которых является отдельным значением анализируемого слова. Следует отметить, что из трёх данных значений лишь одно является общественно-политическим.

3.2.2. Переходные явления в системе именовании субъекта верховой государственной власти

В данном параграфе рассматриваются наименования главы государства, в силу специфики своей понятийной семантики занимающие промежуточное положение между названиями субъекта верховной государственной власти в монархическом и демократическом государствах.

Верховный законодатель

В наших текстах был выявлен один пример использования анализируемого окказионального общественно-политического наименования (перифразы): *Провозглашённое с высоты Престола незыблемое правило о том, что отныне никакой закон не может воспринять силу без одобрения его Государственной Думой, проникнуто доверием Верховного Законодателя...* [282: 376]. Рассматриваемое наименование образовано на базе сочетания прилагательного *верховный* и существительного *законодатель* (тип синтаксической связи – согласование). Слово *верховный* имеет значение ‘высший, главный’ [БАСРЯ, т. 2: 439]. Существительное *законодатель* определяется как ‘лицо, устанавливающее государственные законы’ [ССРЛЯ, т. 4: 549]. Если выводить общее значение исследуемого наименования из значений слов, его образующих, то оно могло бы быть сформулировано следующим образом: ‘первое лицо государства, имеющее право устанавливать законы’. Однако из приведённого выше отрывка программы Русского народного союза имени Михаила Архангела совершенно очевидно, что речь идёт не о президенте, а именно о монархе (так как члены данной крайне радикальной монархической партии не видели иного для России пути, кроме неограниченной монархии). Поэтому в подобном случае наиболее точным будет определение перифразы *верховный законодатель* как ‘монарх, государь, царь’. В рассмотренном контексте анализируемое наименование выполняет номинативную, оценочную и прагматическую функции. Выполнение двух последних функций стало возможным благодаря специфике перифразы как образного, эмоционально-экспрессивного наименования.

Тем не менее, наличие компонента *законодатель* в составе сочетания не позволяет однозначно отнести его к группе «Наименования

субъекта верховной государственной власти в монархическом государстве». Построение нового общественно-политического наименования с использованием упомянутого выше слова-компонента членами правой партии стало, на наш взгляд, возможным именно по причине различного понимания одних и тех же понятий и реалий общественно-политической сферы жизни общества в противоборствующих политических лагерях.

В рассмотренном контексте анализируемая перифраза лишена каких-либо контекстуально обусловленных значений. Словарями начала XX века данное наименование также не фиксируется.

В числе особенностей функционирования исследуемого сочетания следует назвать имевший место ассоциативный перенос изначальных характеристик объекта на новую референтную основу: от называния любого 'главного' 'лица' 'имеющего' 'право' 'устанавливать' 'законы' до именованя главы государства с конкретной формой общественно-политического устройства ('царь', 'монарх').

Державный законодатель

В ходе анализа исследуемых текстов был выявлен единственный случай употребления рассматриваемой перифразы: *Для заполнения разорвавшейся непосредственной связи Державного Законодателя с управляемым народом, великодушною Волею Государя, установлен постоянный призыв в Государственную Думу «выборных» людей от коренного Народа Русского и населения Русских окраин* [282: 376]. Анализируемое общественно-политическое наименование построено на базе сочетания прилагательного *державный* и существительного *законодатель* (тип синтаксической связи – согласование). Слово *державный* определяется как 'обладающий верховной властью, имеющий право на верховную власть; царственный' [ССРЛЯ, т. 3: 717-718]. Существительное *законодатель* имеет значение 'лицо, устанавливающее государственные законы' [ССРЛЯ, т. 4: 549]. Общее значение исследуемого наименования может быть сформулировано следующим образом: 'монарх; тот, кто обладает верховной властью и имеет право устанавливать законы'.

С точки зрения стилистической принадлежности, сочетание *державный законодатель* квалифицируется нами как возвышенное. Подобная стилистическая «возвышенность» создаётся благодаря книжности и определённой архаичности (слово *державный*) компонентов анализируемого наименования. В приведённом контексте исследуемая перифраза выполняет номинативную, аксиологическую и прагматическую функции.

Созидатель самой Государственной Думы

В исследуемых текстах был выявлен единственный случай употребления анализируемого наименования: <...>...*вследствие государственной их* (депутатов думы – пояснение наше – А.З.) *мудрости, не могущим утверждать ни бесполезных, ни тем более вредных законов для самого себя, т. е. для Народа Русского, а тем более не могущим посягнуть на ограничение прав... Созидателя самой Государственной Думы* [282: 376]. Рассматриваемое общественно-политическое наименование образовано на базе простого словосочетания (имеет место один тип синтаксической связи, исходящий от главного слова *созидатель* – управление).

Словарями начала XX века данная перифраза не фиксируется.

Существительное *созидатель* определяется как ‘тот, кто созидает что-либо’ [ССРЛЯ, т. 14: 159]. В свою очередь, глагол *созидать* толкуется как ‘создавать, творить’ [ССРЛЯ, т. 14: 159]. Местоимение *самый* в данном случае определяется как ‘то же, что сам (в 6-м знач.)’ [ССРЛЯ, т. 13: 155]. Слово же *сам* («в 6-м знач.») ‘употребляется в качестве усилительной частицы, в знач.: даже, даже и’ [ССРЛЯ, т. 13: 75]. Сочетание *Государственная дума* является отдельным неделимым составным наименованием, имеющим значение ‘ограниченное в правах представительное учреждение в России, созданное царским правительством в ходе буржуазно-демократической революции 1905 – 1907 гг.’ [ССРЛЯ, т. 3: 1157]. В результате общее значение анализируемого сочетания может быть сформулировано следующим образом: ‘царь; тот, кто является создателем самого законосовещательного, представительного учреждения’. Как известно, именно император Николай II в 1905 году в своём манифесте дал согласие на формирование в России первого представительного органа власти – Государственной думы [Бабенко 2000: 25-41].

В указанном контексте рассматриваемая перифраза выполняет номинативную, оценочную и прагматическую функции.

Таким образом, окказиональное по происхождению составное образное нетерминологическое наименование *Созидатель самой Государственной Думы* является, по своей сути, метафорическим названием субъекта верховной государственной власти в монархическом государстве.

В целом же стремление крайне правых монархических партий использовать метафорические наименования царя, акцентировавшие внимание потенциальных сторонников на многовековой истории монархии

в России и, соответственно, на безоговорочных правах монарха на неограниченную власть, полностью отвечали ключевым положениям их программ.

3.2.3. Наименования субъекта верховной государственной власти в демократическом государстве

В данной группе выявлена одна единица: общественно-политический термин – *президент*.

Президент – анализируемое наименование имеет значение ‘избираемый на определённый срок глава демократического государства’: *Во главе исполнительной власти должен стоять президент республики, избираемый на определённый срок народным представительством и управляющий через посредство ответственного перед народным представительством министерства* [303: 180]. В приведённом выше контексте анализируемый термин выполняет дефинитивную функцию.

Всего нами было зафиксировано два случая использования рассматриваемого термина в вышеуказанном значении. В числе производных наименований мы выявили существительное *президентство*, которое в наших текстах имеет значение ‘время правления президента’: *Под его президентством генерал Галифе, усмиритель Коммуны, опозорил себя беспримерной жестокостью, напоминавшей времена герцога Альбы в Нидерландах и Бельгии* [360]. В данном случае общественно-политическое наименование выполняет номинативную и эстетическую (создание образа персонажа) функции.

Историки и политологи сходятся во мнении, что идея создания в России периода 1900 – 1917 годов демократическое государство во главе с избираемым на определённый срок президентом была настолько призрачной, что, по сути, всерьёз никем не воспринималась [Мартов 1992: 137-140; Российские либералы 2001: 300-315]. Для тех же, кто такой путь развития событий всё же допускал, демократия и президентство приравнивались к анархии. Так, Г.О. Раух в своих дневниковых записях за 1905 год писал следующее: *Моё мнение – быть может, он (граф Витте – пояснение наше – А.З.) умный человек, но, безусловно, это не государственный человек, или, в противном случае, – это изменник, ведущий нарочно страну к анархии. Но и тут для чего? Чтобы стать президентом? Вряд ли его выберут, слишком дискредитирован. Значит, первое*

мое мнение наиболее верно [372: 609]. В данном контексте термин *президент* выполняет номинативную и эстетическую (создание образа персонажа, создание образа эпохи, создание дискуссионной ситуации) функции.

В целом же нами не было выявлено ни одного примера употребления анализируемого наименования с актуализированными положительными либо отрицательными дополнительными значениями. Объяснение этого, вероятно, кроется в том, что подавляющее большинство политических партий не рассматривало президентскую республику как будущий тип государственного устройства России. Неактуальность термина *президент* выражается в крайне низкой частотности употребления исследуемого наименования в русском языке дореволюционного периода.

Анализ функционирования слова *президент* показал, что данная лексема могла употребляться в значении 'глава какой-либо организации': *Но президент Академии наук великий князь Константин Константинович, К. Р., автор «Царь Иудейский», мое ходатайство отклонил, поставя свою резолюцию на «Посолонь» и «Лимонарь» – «не по-русски-де написано»* [387]; *По-видимому, достаточно, если комиссия будет собираться один или два раза в месяц; но, очевидно, что президент комиссии должен иметь право приглашать членов в чрезвычайные собрания, в случае какой-нибудь надобности* [403]. В приведённых примерах анализируемое слово теряет своё соотношение со сферой общественно-политической деятельности и, следовательно, переходит из подсистемы ОПЛ в разряд общеупотребительной лексики литературного языка.

В словарях начала XX века понятийное наполнение слова *президент* представлено по-разному: 'выборный глава республики; председатель в каком-либо учреждении или обществе' [Битнер: 672]; 'председатель какого-либо учреждения; избираемый глава республики, сосредоточивающий в своих руках исполнительную власть' [Алексеев: 568]; 'выборный глава исполнительной власти в республиках; вообще председатель' [СИСП: 995]; 'председатель, старший член совещательного собрания, общества, учреждения; выборный, на известный срок, глава республики, ведающий исполнительную власть, представляющий государство в международных отношениях' [НПСИС: 384].

3.3. Системные отношения в тематической группе «Наименования субъекта верховной государственной власти»

Системные отношения ОПТ

1. Квазисинонимия

В ходе проведённого анализа были выявлены следующие термины-квазисинонимы:

➤ **монарх** ('единоличный глава государства, обычно наследственный') – **государь** ('глава монархического государства; царь') – **император** ('царь, государь, глава монархического государства') – **царь** ('титул государя у восточных славян') – **самодержец** ('государь, управляющий полновластно и неограниченно'): *Это положение... призывает к коренному преобразованию нашего государственного строя на началах конституционных и к прочному закреплению за народным представительством дарованных ему манифестом прав деятельного участия рядом с **Монархом** в законодательных трудах и управлении страной [243: 184]; **Государь** есть верховный правитель, и вся администрация только известная доля целого правительства [381]; <...>...в беседах **Императора** Александра со Сперанским предполагалось «сделать правительство ответственным перед законодательным собранием...» [307: 381]; По масонской системе совместности добра со злом повсюду проводится бездушная система безразличия национальностей и вероисповеданий с полным пренебрежением к патриотическим желанием **Самодержца** и Его верного коренного народа [272: 597]; Высочайший манифест 17 октября 1905 года... <...>... приобщает народ русский к деятельному участию в согласии с **царём** в государственном строительстве [280: 92-93].*

Случаи терминологической дублетности в анализируемой тематической группе выявлены не были. Объяснение этого, вероятно, кроется в специфике семантики исследуемых единиц, а также в особенностях общественно-политической ситуации в дореволюционной России, когда полярность взглядов на фигуру главы государства приводила к появлению в языке разнообразных наименований государя, в большинстве случаев различающихся между собой составом денотативного макрокомпонента.

2. Квазиантонимия

В проанализированной тематической группе нами было выявлено противопоставление термина *президент* и каждого из видовых наименований субъекта верховной государственной власти:

➤ *президент – монарх, самодержец, царь, государь, император* и др. (в основе противопоставления – полярность денотативных сем: ‘глава’ ‘демократического’ ‘государства’, с одной стороны, и ‘глава’ ‘монархического’ ‘государства’ – с другой): *Во главе исполнительной власти должен стоять президент республики, избираемый на определённый срок народным представительством и управляющий через посредство ответственного перед народным представительством министерства* [303: 180]; *Поэтому прогрессисты считали вполне естественным исключение представителей левых партий от участия в Собрании, имевшем целью посылку депутации к монарху* [247: 356].

3. Терминологическая полисемия

В ходе проведённого анализа ни одного полисемантического термина выявлено не было.

4. Гиперо-гипонимия

В рассматриваемой тематической группе было выявлено два примера гиперо-гипонимических отношений. Так, терминологическое сочетание *глава государства* является общим наименованием субъекта верховной государственной власти в странах с различными формами общественно-политического устройства. В качестве видовых наименований выступают следующие термины: *монарх, царь, государь, самодержец, самодержавный царь, государь император, президент*.

Термин *монарх* является гиперонимом по отношению к терминологическому сочетанию *конституционный монарх*.

В целом же родо-видовые отношения в анализируемой группе представлены достаточно скромно. Это объясняется, по нашему мнению, характером семантики единиц данной группы, а также специфической системой экстралингвистических связей номинируемых общественно-политических реалий.

Системные отношения ОПЛ

1. Синонимия

Так, в составе подгруппы «Наименования субъекта верховной государственной власти в монархическом государстве» было выявлено 6 лексических подмножеств, члены каждого из которых образуют отдельный синонимический ряд. По отношению друг к другу данные подмножества также являются синонимами.

1) *Царь-самодержец* (значение: ‘наследственный монарх, управляющий государством полновластно и неограниченно’) – *царь-освободитель* (значение: ‘глава монархического государства, давший

народу свободу') – **эх-царь** (значение: 'монарх, не оправдавший народного доверия') – **русский белый царь** (значение: 'русский царь, являющийся представителем восточнославянского народа, составляющего основное население России'). Как видим, каждое из наименований имеет дифференциальные понятийные семы ('давший' 'народу' 'свободу'; 'не оправдавший' 'народного' 'доверия'; 'представитель' 'восточнославянского' 'народа' и т. д.), что позволяет однозначно идентифицировать синонимию как тип системных отношений.

2) **Государь самодержец** ('глава монархического государства, управляющий страной полновластно и неограниченно'; сверхактуализированы семы 'глава' 'монархического' 'государства') – **самодержец всероссийский** ('государь, управляющий самовластно и неограниченно всей Россией').

Приведём наиболее яркие примеры употребления в исследуемых текстах: **Государь Самодержец** уже дозволил нам и Св. Синод благословил соорудить средствами всей Царелюбивой России Божий храм в С.-Петербурге... [269: 600]; Божией милостью, мы, Николай Второй, император и **самодержец всероссийский**, царь польский, великий князь Финляндский, и прочая, и прочая... [245: 193] и др.

3) **Верховный хозяин всей земли русской** ('монарх, глава монархического государства') – **верховный вождь земли русской** ('царь, монарх'): ...<...>...вследствие Государственной их (депутатов – уточнение наше – А.З.) мудрости, не могущим утверждать ни бесполезных, ни тем более вредных законов для самого себя, т. е. для Народа Русского, а тем более не могущим посягнуть на ограничение прав Самого **Верховного Хозяина всей Земли Русской**... [282: 376]; Непосредственное общение **Верховного Вождя земли Русской** с Народом Своим, вследствие колоссального роста Государства Российского, всё более и более осложнялось. Народившийся, в виде средостения, между Царём и Народом Его сонм чиновников, склонных иногда к произволу, а позднее, усиленно развившаяся крамола – способствовали отдалению Царя от Народа [282: 375-376].

К общественно-политическим сочетаниям-синонимам нами относятся также единицы, входящие в подгруппу «Переходные явления в системе именовании субъекта верховной государственной власти»:

➤ **верховный законодатель** ('монарх, государь, царь') – **державный законодатель** ('монарх, тот, кто обладает верховной властью и имеет право устанавливать законы') – **созидатель самой Государственной Думы** ('царь; тот, кто является создателем самого законосовещатель-

ного, представительного учреждения’): *Провозглашённое с высоты Престола незыблемое правило о том, что отныне никакой закон не может воспринять силу без одобрения его Государственной Думой, проникнуто доверием Верховного Законодателя...* [282: 376]; *Для заполнения разорвавшейся непосредственной связи Державного Законодателя с управляемым народом, великодушною Волею Государя, установлен постоянный призыв в Государственную Думу «выборных» людей от коренного Народа Русского и населения Русских окраин* [282: 376]; <...>...*вследствие государственной их (депутатов думы – пояснение наше – А.З.) мудрости, не могущим утверждать ни бесполезных, ни тем более вредных законов для самого себя, т. е. для Народа Русского, а тем более не могущим посягнуть на ограничение прав... Созидателя самой Государственной Думы* [282: 376].

2. Контекстуально обусловленная синонимия

1) **Царь** (отриц. коннотации) – **царь-батюшка** (контекстуально обусловленная сема ‘ирония’): *Это решение гласило: «Нет тебе, русский, разноплеменный и многострадальный народ, иного пути для того, чтобы разорвать брошенную на твою шею мёртвую петлю, как путь народной революции; царь не за, а против тебя»* [268: 174]; *В то же время у крестьян развивается чувство осознания своих прав. Великая надежда мужика на своего батюшку-царя уже в достаточной мере улетучилась благодаря столь долгому и напрасному ожиданию, а также во многом из-за политики Александра III, который старался покровительствовать только дворянскому земледелию* [252: 133].

2) **Государь** (полож. созначения) – **царствующий государь** (положит. коннотации): *Молю Бога, чтобы Он помог Вам и исстрадавшейся России. Вижу ее дальнейший путь, ее расцвет. Но надо сознать, что ей нужно. Все сначала ей, но на строгом, новом законе, который пусть выработает Дума и с которым согласитесь Вы, добрый Государь. Вашего Величества верноподданный Л.Н. Толстой* [395]; *Они (Романовы – уточнение наше – А.З.) вывели наше отечество из ничтожества и сделали его крепкою, единою, неделимою, необъятною державою. Поэтому в Царствующем Государе... и в благополучии и долгоденствии Дома Его вся наша опора в настоящем и наше светлое счастье в будущем* [397: 600] и др.

3) **Помазанник божий** (полож. коннотации) – **корона** (нейтральные коннотации): *Между тем, в верности этой власти при вступлении на Престол Государей все подданные приносят перед Престолом Всевышнего клятвы, а сам Государь именуется Себя по сей день в Манифестах*

*Самодержавным, Церковью же и Народом Своим признаётся, кроме того, и Помазанником Божиим [282: 375]; В наше тяжёлое время выявляемый всяких непорядков и злоупотреблений, так больно отзывающихся на судьбах родины, на благе народа, более чем когда-либо, необходимо укрепление принципа безответственности **короны**, зиждущегося на ответственности известных народу её советников, т. е. министров [307: 384] и др.*

Как видим, общими денотативными микрокомпонентами единиц 3-ей подгруппы, так или иначе, являются семы 'государь', 'монарх'. Все остальные микрокомпоненты определяются нами как дифференциальные. Отсутствие абсолютной идентичности семного состава значения, а также невозможность полной взаимозамены в одних и тех же контекстах без потери первоначального смысла, говорит об имеющих место быть отношениях синонимии.

3. Квазиантонимия

Примеров данного типа системных отношений в ходе проведённого анализа выявлено не было. Объясняется это, по всей вероятности, тем, что единственное противопоставление наименований субъекта верховной государственной власти в монархических и в демократических государствах осуществлялось посредством только специальных наименований. Таким образом, квазиантонимия представлена лишь в подсистеме ОПТ в рамках рассматриваемой тематической группы.

4. Полисемия

В ходе анализа рассматриваемой тематической группы нами были выявлены 4 полисемантические общественно-политические лексемы:

Царь – 1. 'титул государя у восточных славян' [Алексеев: 738]; 2. 'первый, лучший среди остальных'.

Монарх – 1. 'глава монархического государства'; 2. 'первый, лучший среди остальных'.

Государь – 1. 'глава монархического государства'; 2. 'повелитель, господин'.

Корона – 1. 'головной убор, венец в виде золотого обруча, украшенного драгоценными камнями, служащий знаком известной власти или родового достоинства' [НПСИС: 223]; 2. 'то же, что корона' [МАС, т. 2: 160]; 3. 'государь, глава монархического государства'.

Как видим, лексическая полисемия – явление достаточно редкое в подсистеме общественно-политической лексики русского языка начала XX века.

5. Гиперо-гипонимия

Как показало проведённое исследование, родо-видовые отношения в подсистеме ОПЛ (в границах исследуемой ТГ) не представлены, так как все выявленные общественно-политические лексемы именуют субъекта верховной государственной власти в монархическом государстве.

Выводы

Существование значительного количества самых разнообразных политических организаций в России начала XX века способствовало поляризации общественного мнения по вопросам дальнейшего государственного переустройства, что, в свою очередь, приводило к общественно-политической нестабильности. Такая ситуация способствовала утверждению в системе языка рассматриваемого временного периода такой тематической группы общественно-политической лексики и терминологии, как «Наименования субъекта верховной государственной власти».

В составе исследованной тематической группы было выявлено 36 единиц, из которых 16 являются терминами, а оставшиеся 20 – общественно-политическими наименованиями.

Проанализированная тематическая группа представляет собой сложное образование в лексической системе русского языка начала XX века. В её составе выделяются два крупных блока – родовые и видовые терминологические наименования. Гипонимы в своём составе также неоднородны и представляют собой совокупность трёх подгрупп лексики: «Наименования субъекта верховной государственной власти в монархическом государстве», «Наименования субъекта верховной государственной власти в демократическом государстве» и «Переходные явления в системе именования субъекта верховной государственной власти». Первая из трёх подгрупп является самой многочисленной и включает в свой состав 6 лексических подмножеств, выделяемых на основании общности понятийного содержания.

К особенностям функционирования лексем общественно-политической сферы следует отнести семантическую амбивалентность микрокомпонентного состава коннотативного блока значения. Данное явление в лексической системе русского языка дореволюционного периода носит регулярный характер. Основными проявлениями контекстуально детерминированной семантической амбивалентности являются:

1. Актуализация негативных коннотативных сем в структуре значения изначально нейтральной лексемы. Например, слово *царь* в

документах крайне правых партий и Партии социалистов-революционеров или же термин *монарх* в документах Партии мирного обновления и др.

2. Актуализация позитивных коннотативных микрокомпонентов в значении изначально нейтральной лексемы. Например, лексема *монарх* в программе Партии прогрессистов и др.

Проведённый функционально-семантический анализ лексики рассмотренной тематической группы позволяет говорить о её бытовании как составной части подсистем лексики и терминологии русского языка периода 1900 – 1917 годов.

Лексика и терминология общественно-политической сферы представляют собой две обособленные и в то же время тесно взаимосвязанные динамично развивающиеся системы, основными чертами которых являются:

1) переосмысление уже существующих составных нетерминологических наименований (например, сочетание *царь-освободитель* стало употребляться по отношению к Николаю II);

2) функционирование наименований, образованных на базе:

а) сочетания терминов-квазисинонимов, для которых была характерна сверхактуализация изначально имевшихся денотативных микрокомпонентов (например, общественно-политическое сочетание *царь-самодержец* содержит в структуре понятийного блока значения сверхактуализированные семы 'монарх' 'управляющий' 'неограниченно', 'самовластно');

б) распространения исходного термина, сопровождавшегося сверхактуализацией ключевых понятийных микрокомпонентов (например, *самодержавный царь* /двойную актуализацию получили семы 'управляющий' 'самодержавно', 'полновластно'/, *государь самодержец* /сверхактуализированы семы 'глава' 'монархического' 'государства'/ и др.) либо расширением и конкретизацией семного состава денотативного макрокомпонента значения (например, в структуре значения наименования *царствующий государь* появляются семы 'управляющий' 'страной'; в составе же значения сочетания *самодержец всероссийский* актуализируются конкретизирующие понятийные микрокомпоненты 'управляющий' 'всей' 'Россией');

3) образование колоритных нетерминологических наименований окказионального происхождения на базе сочетания знаменательных и незнаменательных частей речи (например, сочетание *эх-царь*);

4) низкая семантическая межкомпонентная связь отдельных составных наименований (например, *царь-батюшка*, *царь самодержец*);

5) фиксированная форма ед. ч. как лексико-грамматический индикатор общеизвестности персоны российского императора;

6) стилистическая возвышенность и книжность наименований, возникающая как результат: а) воздействия стилистически возвышенного контекстного окружения (например, общественно-политическое сочетание *самодержец всероссийский* в документах РНС им. Михаила Архангела); б) сочетания терминов-квазисинонимов в рамках одного устойчивого и неделимого наименования (например, *государь-император*);

7) появление и функционирование метафорических составных нетерминологических наименований окказионального происхождения (например, *верховный хозяин всей земли русской*, *созидатель самой Государственной Думы* и др.);

8) немногочисленные, но яркие примеры функционирования лексем в условиях искусственно созданного несоответствия контекста и семантико-стилистических характеристик наименования с целью актуализации семы 'ирония' в составе коннотативного макрокомпонента значения (например, сочетание *батюшка-царь* в документах Партии социалистов-революционеров; слово *монарх* в произведениях А.Ф. Кони и др.);

9) для общественно-политической лексики рассмотренной ТГ характерны квазисинонимические (в том числе и контекстуально обусловленные) отношения; примеры квазиантонимии и гиперо-гипонимии не выявлены; общественно-политическая терминология исследованной ТГ характеризуется развитой системой квазисинонимических связей; выявлены редкие, но яркие случаи терминологической полисемии и гиперо-гипонимии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последние годы XIX века – первое десятилетие XX века – это время, ознаменованное углублением противоречий социально-экономической и общественно-политической эволюции пореформенной России, приведших к наслоению одного на другой нескольких кризисов (промышленный кризис 1900 – 1903 годов; русско-японская война; обострение социальной напряжённости в 1905 году и др.). Подобная ситуация являлась предвестником широкомасштабного социального взрыва (имевшего место быть в 1917 году).

В итоге с конца XIX века наблюдается постепенное нарастание темпов деятельности либеральной интеллигенции по созданию оппозиционных правительству политических организаций. Таким образом, уже в первое десятилетие XX века в России насчитывалось свыше 150 различных политических партий, союзов, течений и пр. организаций. Более 90% от общего числа всего населения страны оказалось втянутым в активную политическую деятельность. Многопартийность дореволюционной России являлась следствием отсутствия единых взглядов на будущее общественно-политическое устройство.

В целом же в нашей стране начала XX века выделялись три основные политические силы: 1) правые проправительственные партии, отстаивавшие идеи неограниченного самодержавия в России, 2) центристские партии, ратовавшие за установление конституционной монархии и 3) левые революционные партии, агитировавшие за насильственную смену власти и установление республики.

Подобная социальная напряжённость нашла своё отражение в системе языка рассматриваемого временного периода. Быстрыми темпами начали развиваться подсистемы общественно-политической лексики и терминологии.

К общественно-политическим терминам и лексемам нами были отнесены 125 единиц в рамках трёх выявленных тематических групп («Наименования форм государственного устройства», «Наименования форм общественного устройства» и «Наименования субъекта верховной государственной власти»). Рассматриваемая терминологическая система носит по большей части номинативный характер: имена существительные составляют 91% от общего числа лексем (9% образуют глаголы, причастия и наречия).

Своими корнями общественно-политическая лексика и терминология начала XX века восходит к публицистике А.И. Герцена, Н.П. Огарева и других писателей XIX века.

Веяния времени, а также сложная общественно-политическая ситуация определили особенности функционирования выявленных наименований. Язык политической сферы жизни общества в дореволюционной России стал орудием пропаганды политических идей различных партий.

К специфическим чертам бытования исследованных наименований следует отнести идеологически детерминированный отбор тех или иных языковых средств членами различных партий. Правильно донести информацию до потенциальных сторонников означало обрести дополнительную политическую силу, и, тем самым, укрепить своё положение на политической арене.

Выбор тех или иных языковых средств, в свою очередь, определялся двумя факторами: идеологическими установками конкретной партии и составом потенциального электората. Так, крайне правые монархистские партии и, отчасти, партии центра делали ставку на использование исконно русских общественно-политических лексем и терминов с прозрачной внутренней формой (таким образом они подчёркивали консерватизм своих взглядов); для левых политических организаций различного толка было характерным употребление новых, преимущественно заимствованных, терминов и лексем с также прозрачной внутренней формой.

Лексика проанализированных тематических групп представляет собой совокупность системно организованных лексических подмножеств, входящих в состав подсистем общественно-политической терминологии и лексики русского языка периода 1900 – 1917 годов. Функционируя в составе данных подсистем, подавляющее большинство выявленных единиц характеризуется амбивалентностью микрокомпонентного состава коннотативного блока значения. Общая специфика бытования

общественно-политической лексемы состоит в детерминации дополнительных созначений идеологическими установками конкретных партий. На практике это означает варьирование семного состава коннотативного макрокомпонента значения, вызванное различным восприятием понятийного наполнения конкретного наименования. То есть одно и то же слово зачастую приобретало противоположные коннотации в документах противоборствующих политических партий.

Проведённый анализ исследованных лексических множеств позволяет сделать выводы о состоянии подсистем общественно-политической терминологии и лексики в русском языке дореволюционного периода. Активное влияние экстралингвистических факторов на язык в начале XX века способствовало появлению разнообразных терминологических и общественно-политических лексических новообразований. Новые термины и лексемы могли формироваться в результате следующих процессов: 1) переосмысления уже существовавших общественно-политических наименований (*народный цезаризм, царь-освободитель*), 2) проведения в жизнь языковой политики определённой политической силы (например, члены Русского народного союза имени Михаила Архангела употребляли такие нетерминологические составные наименования, как *верховный хозяин всей земли русской, создатель самой Государственной Думы* и др.), 3) актуализации ранее заимствованного общественно-политического наименования (например, слово *режим*).

В целом было выявлено 83 общественно-политические лексемы (66,4% от всех исследованных наименований), из которых 55 единиц (66,2% от общего количества рассмотренной ОПЛ) по своему происхождению являются детерминологизированными наименованиями.

Детерминологизация как процесс потери лексемой номинативной специализации (а также других свойств термина) и перехода из подсистемы ОПТ в подсистему ОПЛ был особенно характерен для лексики русского языка начала XX века. Причинами детерминологизации являлись: актуализация коннотативных значений вследствие влияния семантического фона контекстного окружения; «номинативная переориентация» (когда в лексему вкладывалось иное понятийное наполнение), сопровождавшаяся утратой дефинитивности (например, термин *самодержавие* в документах ПСР мог детерминологизироваться вследствие появления у него нового значения 'диктаторская форма государственного устройства, при которой власть находится в руках тройственного реакционного союза – дворянства, бюрократии и крупной буржуазии').

Таким образом, в русском языке дореволюционного периода подсистема ОПЛ характеризовалась высокой степенью подвижности. По большей части именно благодаря её единицам осуществлялось воздействие на народные массы и манипулирование сознанием людей.

Для общественно-политической терминологии в целом (как и для терминологии других отраслей знания) свойственна устойчивость, стабильность, так как терминология в силу своей специфики формируется достаточно медленно, постепенно. Новые политические концепции, новые идеологии появляются не так уж часто. Однако всплеск социальной напряженности начала XX века оказал значительное влияние на состав ОПТ. Большое количество выявленных случаев детерминологизации свидетельствует о начале качественной перестройки подсистемы общественно-политической терминологии. Интенсивное расшатывание исконных социально-политических устоев, нарождение новых политических организаций – всё это и многое другое приводило к изменению структуры общественных и политических институтов, в итоге изменению подвергались и соответствующие специальные наименования.

Употребляясь в текстах различных жанров, единицы ОПЛ и ОПТ выполняли различные функции. Так, в текстах специальной литературы общественно-политический термин мог выполнять несколько функций: номинативную, дефинитивную, аксиологическую и прагматическую. Следует отметить, что функция номинации – это общая функция как терминов, так и лексем. Дефинитивную функцию рассмотренные единицы ОПТ выполняли только в специальных текстах. Функции оценки и воздействия, как показал проведённый анализ, также свойственны общественно-политическим терминам, но при условии, что речь идёт только о рациональной оценке, семы которой локализуются в денотативном макрокомпоненте значения. Наличие же в структуре значения микрокомпонентов логической оценки, не приводя к детерминологизации, способствует выполнению специальным наименованием функции воздействия в самом широком смысле этого слова (пропаганда, агитация, манипулирование и т. д.).

Несколько иные функции выполняет термин в текстах художественной литературы и периодической печати. Сохраняя статус специального наименования (при условии употребления в семантически нейтральном контексте), данные слова могли выполнять эстетическую, прагматическую и аксиологическую функции. Эстетическая функция в подавляющем большинстве рассмотренных и проанализированных

случаев использования термина в художественном тексте являлась ключевой. Писатели в своих произведениях, деятели эпохи в мемуарах и т. д., как правило, употребляли специальные наименования со следующими целями: 1) создание образа эпохи, 2) создание образа персонажа, 3) создание дискуссионной ситуации, 4) выделение тематического ядра, 5) «языковое обыгрывание» каких-либо фактов.

Единицы подсистемы ОПЛ, употребляясь в специальных текстах, могли выполнять номинативную, аксиологическую и прагматическую функции. Возможность использования лексем в текстах, например, программ политических партий, с целью оценки тех или иных общественно-политических реалий и воздействия на сознание народных масс обуславливалась самим характером данных документов, представлявших собой двустилевые произведения, в которых одна часть (публицистическая) была ориентирована на потенциальных сторонников, а другая (научная) – на членов партии.

В текстах художественной литературы общественно-политические лексемы в большинстве рассмотренных случаев выполняли эстетическую, оценочную и прагматическую функции.

Системность выделенных лексических множеств и подмножеств проявляется в разноуровневых и многоаспектных отношениях единиц данных образований. Так, для подсистемы общественно-политической терминологии наиболее характерны следующие особенности: 1) развитая и многочисленная система квазиантонимических связей, объективирующая в языке противоположные взгляды политических сил на будущее государственное устройство России; 2) развитая система квазисинонимических связей, являющаяся продуктом многоаспектности общественно-политических специальных наименований, реализованной посредством дифференциации понятийного содержания; 3) мало-представленные, но яркие примеры терминологической полисемии; 4) наличие разноуровневых гиперо-гипонимических отношений.

Из проведённого анализа следует, что подсистеме ОПЛ свойственна несколько иная типология связей. Случаи квазиантонимии и гиперо-гипонимии практически не представлены. Наиболее характерным типом отношений является контекстуально детерминированная квазисинонимия.

В ходе исследования была выявлена прямая зависимость между семантической структурой конкретного наименования, сферой его употребления, выполняемыми им функциями, его статусом и характером

присущих ему системных отношений. Так, например, термины, употребляясь в неспециальных текстах, могли детерминологизироваться и перейти в состав ОПЛ. Данный процесс сопровождался изменением структуры и состава значения лексемы, выполняемых функций и набора системных отношений.

Выполненное исследование также показало, что имела место взаимная детерминация социальной действительности и языковой системы. Социальная напряжённость в России начала XX века способствовала перестройке лексико-фразеологической системы языка, явилась причиной перечисленных выше процессов. С другой стороны, как отмечал Р.М. Блакар, язык (его лексический уровень) сам способен структурировать социальную действительность. Подобная ситуация как раз и наблюдалась в русском языке дореволюционного периода. Наименования различных экстралингвистических общественно-политических реалий, содержащие в структуре своих значений семы эмоционального отношения (зачастую диаметрально противоположные), в русском языке исследуемого периода определяли и обуславливали понимание того, что имеется в виду, способствовали формированию у народных масс отношения к предмету номинации. Так, например, к 1906 году агитационная работа социалистов-революционеров в массах достигла своего пика. По стране огромными тиражами расходились листовки, воззвания, прокламации, обращения Партии социалистов-революционеров, язык постепенно насыщался «революционной» лексикой. Под давлением колоссальной пропаганды сознание народных масс постепенно трансформировалось, в умах рабочих и крестьян всё сильнее акцентировалась идея неизбежности и необходимости насильственной смены власти. Подобные идеи, по мнению А.М. Селищева, требовали обязательного обсуждения. В результате количество употреблений слов определённых групп общественно-политической лексики и терминологии возросло, данные единицы претерпевали разнообразные изменения (формальные и содержательные).

Таким образом, получается замкнутый круг: социальная действительность начала XX века обуславливала языковые изменения, а развитие лексики и терминологии общественно-политической сферы, в свою очередь, детерминировало структурирование экстралингвистической реальности.

Также была выявлена зависимость между саморепрезентацией той или иной партии и используемыми ею языковыми средствами. Так,

например, Союз русского народа позиционировал себя как ультраправую монархистскую политическую организацию. Идеи монархизма, консерватизма, православия объективировались в документах данной организации посредством использования преимущественно исконно русской лексики и терминологии, а все наименования субъекта верховной государственной власти (монарха), институтов самодержавия получали в данных текстах в большинстве случаев положительные коннотации.

Многие из проанализированных наименований (за исключением не прижившихся окказионализмов) фиксируются словарями рассматриваемого временного периода. Однако микрокомпонентный состав данных лексем отражён в словарных дефинициях дифференцированно, что, на наш взгляд, может быть объяснено «зыбкостью» самих понятий, находящихся в стадии становления. Не все значения полисемантических терминов фиксируются словарями начала XX века. Следует также отметить крайне низкий процент лексических новаций, активное бытование которых в языке отмечается соответствующими словарями.

Полученные результаты исследования могут иметь различное применение. Выделим два основных, по нашему мнению, направления: 1) прикладное лексикографическое и 2) собственно теоретическое. В рамках первого направления выявленные и проанализированные единицы могут послужить основой словаря общественно-политической лексики и терминологии русского языка периода 1900 – 1917 годов. В целом выполненное исследование расширяет представление о лексической системе языка дореволюционного периода. Лексика и терминология общественно-политической сферы выступают в качестве динамично развивающихся подсистем лексического яруса общелитературного языка.

Второе направление предполагает более глубокое теоретическое осмысление вопросов функционирования общественно-политической лексики и терминологии в языке. Результатом данной работы может стать: 1) выработка основных критериев функционально-семантического анализа исследуемых наименований, всецело определяемых спецификой изучаемых единиц, 2) обоснование и уточнение допустимых границ использования метода компонентного анализа применительно к общественно-политическим терминам и лексемам, 3) исследование вопросов соотношения фразеологических единиц и составных терминологических (или нетерминологических) общественно-политических наименований и т. д.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АР** – антонимический ряд
- ЛЕ** – лексическая единица
- ЛСВ** – лексико-семантический вариант
- ЛСГ** – лексико-семантическая группа
- ЛСП** – лексико-семантическое поле
- ОПЛ** – общественно-политическая лексика
- ОПТ** – общественно-политическая терминология
- СР** – синонимический ряд
- ТГ** – тематическая группа
- ФЕ** – фразеологическая единица

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдул-Хамид, М.А. Политическая лексика в современном русском языке и в современном иврите (словообразование): дис. на соиск. уч. ст. кандидата филол. наук [Текст] / М.А. Абдул-Хамид. – СПб., 2005. – 260 с.
2. Абенгауз, Л.С. Термины, профессионализмы, сленгизмы [Текст] / Л.С. Абенгауз // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: тез. докл. III респ. науч. конф. – Горький: ГГУ, 1968. – С. 110-112.
3. Авербух, К.Я. Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты [Текст] / К.Я. Авербух // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 38-49.
4. Аглетдинова, Г.Ф. О соотношении оценочности, образности, экспрессивности и эмотивности в семантике слова [Текст] / Г.Ф. Аглетдинова // Исследования по семантике: семантические категории в русском языке. – Уфа: БГУ, 1996. – С. 7-12.
5. Алеева, Г.У. Общественно-политическая лексика татарского языка [Текст]: автореф. дис. на соиск. уч. ст. кандидата филол. наук [Текст] / Г.У. Алеева. – Казань, 2009. – 28 с.
6. Алексеев, М. Лексика русской разведки (Исторический обзор) [Текст] / М. Алексеев. – М.: Международные отношения, 1996. – 128 с.
7. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
8. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
9. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. – В 2 т. – Т. 1. Лексическая семантика [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
10. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. – В 2 т. – Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст]. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767.
11. Арапова, Н.С. Профессионализмы [Текст] / Н.С. Арапова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 403.
12. Аристова, В.М. Англо-русские языковые контакты: (Англизмы в русском языке) [Текст] / В.М. Аристова. – М.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – 151 с.
13. Арнольд, И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика её исследования (на материале имени существительного) [Текст] / И.В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1966. – 192 с.

14. Арнольд, И.В. Типы семантических группировок слов [Текст] / И.В. Арнольд // Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д. Поливанова»: тез. докл. и сообщений. – В 3 т. – Т. 1. – Самарканд: Самарканд. ун-т им. А. Навои, 1964. – С. 74-76.
15. Арнольд, И.В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения [Текст] / И.В. Арнольд // XXII Герценовские чтения: Межвузовская конференция. Иностранные языки. Краткое содержание докладов. – Л.: ЛГУ, 1970. – С. 87-90.
16. Ахманова, О.С. Основы компонентного анализа: учебное пособие [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. – 97 с.
17. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
18. Бабаев, Р.Я. Общественно-политическая лексика азербайджанского языка: дис. на соиск. уч. ст. кандидата филол. наук [Текст] / Р.Я. Бабаев. – Махачкала, 2006. – 167 с.
19. Бабенко, П.М. История реформ в России (1894-1917) [Текст] / П.М. Бабенко. – М.: Спутник, 2000. – 133 с.
20. Баранов, А.Н. Тематический мониторинг политического дискурса (корпусно-ориентированный подход) [Текст] / А.Н. Баранов, О.В. Михайлова, Г.А. Сатаров // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 2004. – № 6. – С. 1-11.
21. Баранов, А.Н. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики [Текст] / А.Н. Баранов, О.В. Михайлова, Г.А. Сатаров. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. – 94 с.
22. Баранов, А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей [Текст] / А.Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73-94.
23. Баранов, А.Н. Проблема репрезентативности корпуса данных (на примере политической метафорики) [Текст] / А.Н. Баранов // Международный семинар «Диалог – 2001». – М.: МИФИ, 2001. – С. 68-89.
24. Баранов, А.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) [Текст] / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М.: Просвещение, 1991. – 184 с.
25. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] / А.Н. Баранов. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 360 с.
26. Бархударов, С.Г. О значении и задачах научных исследований в области терминологии [Текст] / С.Г. Бархударов // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 7-11.
27. Баскакова, А.Н. Социальные факторы и их воздействие на лексико-семантическую систему языка (на материале лексики тюркских языков) [Текст] / А.Н. Баскакова // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. – М.: Наука, 1998. – 198 с.
28. Бельчиков, Ю.А. Интернациональная терминология в русском языке [Текст] / Ю.А. Бельчиков. – М.: Учпедгиз, 1959. – 78 с.

29. Бельчиков, Ю.А. Общественно-политическая лексика В.Г. Белинского [Текст] / Ю.А. Бельчиков. – М.: Учпедгиз, 1962. – 132 с.
30. Березович, Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей [Текст] / Е.Л. Березович // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 3-24.
31. Бертельс, А.Е. Разделы словаря, семантические поля и тематические группы слов [Текст] / А.Е. Бертельс // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 52-63.
32. Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) [Текст] / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия: сборник статей / сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
33. Блинова, О.И. Термин и его мотивированность [Текст] / О.И. Блинова // Терминология и культура речи. – М.: Наука, 1981. – С. 28-37.
34. Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения [Текст] / В.В. Богданов. – Л.: ЛГУ, 1977. – 184 с.
35. Брагина, А.А. Значение и оттенки значения в термине [Текст] / А.А. Брагина // Терминология и культура речи. – М.: Наука, 1981. – С. 37-47.
36. Будагов, Р.А. Введение в науку о языке [Текст] / Р.А. Будагов. – М.: Просвещение, 1958. – 536 с.
37. Будаев, Э.В. Современная политическая лингвистика [Электронный ресурс] / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm>
38. Вадковская, Т.П. Из наблюдений над публицистической речью дооктябрьской эпохи (газеты различных партий и направлений о Ленских событиях) [Текст] / Т.П. Вадковская // Вопросы грамматики и лексики русского языка: сборник трудов. – М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1973. – С. 402-414.
39. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика: учеб. пособие для вузов [Текст] / Л.М. Васильев. – М.: Просвещение, 1990. – 267 с.
40. Васильев, Л.М. Теория семантических полей [Текст] / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105-113.
41. Васильев, Л.М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты [Текст] / Л.М. Васильев // Иссл. по семантике. – Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1996. – С. 55-62.
42. Васильев, Л.М. Коннотативный компонент языкового значения [Текст] / Л.М. Васильев // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. – Екатеринбург: Арго, 1997. – С. 129-187.
43. Васильева, Н.В. К семантическому и функциональному описанию греко-латинских элементов в лингвистической терминологии [Текст] / Н.В. Васильева // Вопросы языкознания. – 1983. – № 3. – С. 71-79.
44. Васильева, Н.В. Краткий словарь лингвистических терминов [Текст] / Н.В. Васильева, В.А. Виноградов, А.М. Шахнарович. – М.: Русский язык, – 2003. – 445 с.

45. Веселитский, В.В. Развитие отвлечённой лексики в русском литературном языке первой трети XIX в. [Текст] / В.В. Веселитский – М.: Наука, 1964. – 174 с.
46. Виноградов, В.В. История слов [Текст] / В.В. Виноградов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Толк, 1994. – 1138 с.
47. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
48. Виноградов, В.В. Из истории русской литературной лексики [Текст] / В.В. Виноградов // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. – В XXX т. – Т. XLII. – М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1947. – С. 3-27.
49. Виноградов, В.В. Русский язык [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
50. Винокур, Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии [Текст] / Г.О. Винокур // Труды МИФЛИ. Филол. ф. – Т. 5. – М.: Изд-во МИФЛИ, 1939. – С. 5-30.
51. Винокур, Г.О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика [Текст] / Г.О. Винокур. – М.: Наука, 1990. – 452 с.
52. Винокур, Т.Г. О содержании некоторых стилистических понятий [Текст] / Г.О. Винокур. – М.: Либроком, 2009. – 104 с.
53. Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка [Текст]. – М.: Наука, 1988. – 200 с.
54. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика [Текст] / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
55. Володина, М.Н. Информационная природа термина [Текст] / М.Н. Володина // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 90-94.
56. Вольфсон, И.В. Язык политики. Политика языка [Текст] / И.В. Вольфсон. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2003. – 198 с.
57. Воробьева, О.И. Политическая лексика. Её функции в современной устной и письменной речи [Текст] / О.И. Воробьева. – Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 2000. – 120 с.
58. Воробьева, О.И. Политическая лексика: семантическая структура. Текстовые коннотации [Текст] / О.И. Воробьева. – Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 1999. – 186 с.
59. Воронкова, С.А. Из наблюдений над синонимикой большевистских листовок эпохи первой русской революции 1905-1907 гг. [Текст] / С.А. Воронкова // Вопросы грамматики и лексики русского языка: сборник трудов. – М.: Изд-во МГПИ, 1973. – С. 382-402.
60. Гаджиева, И.Г. Общественно-политическая терминология азербайджанского языка: автореф. дис. на соиск. уч. ст. кандидата филол. наук [Текст] / И.Г. Гаджиева. – Баку, 1998. – 25 с.
61. Гак, В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказываний [Текст] / В.Г. Гак // Семантическая структура слова. – М.: Высшая школа, 1971. – С. 78-96.

62. Гак, В.Г. Субституция терминов в синтагматическом аспекте [Текст] / В.Г. Гак, В.М. Лейчик // Терминология и культура речи. – М.: Наука, 1981. – С. 47-58.
63. Галкина-Федорук, Е.М. Современный русский язык. Лексика (курс лекций) [Текст] / Е.М. Галкина-Федорук. – М.: Изд-во МГУ, 1954. – 346 с.
64. Герд, А.С. Проблемы становления и унификации научной терминологии [Текст] / А.С. Герд // Вопросы языкознания. – 1971. – № 1. – С. 14-22.
65. Гинзбург, Е.Л. О взаимосвязи лингвистического и экстралингвистического в лексике [Текст] / Е.Л. Гинзбург // Иностранные языки в школе. – 1972. – № 5. – С. 14-19.
66. Говердовский, В.И. Диалектика коннотации и денотации (Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике) [Текст] / В.И. Говердовский // Вопросы языкознания. – 1985. – № 2. – С. 71-79.
67. Говердовский, И.В. История понятия коннотации. Научные доклады высшей школы [Текст] / В.И. Говердовский // Филологические науки. – 1979. – № 2. – С. 83-86.
68. Говердовский, В.И. Контекст как источник семантических коннотаций [Текст] / В.И. Говердовский // Исследования по семантике: семантика слова и словосочетания. – Уфа: БГУ, 1984. – С. 130-137.
69. Голованевский, А.Л. Социальная и идеологическая дифференциация и оценочность ОПЛ русского языка [Текст] / А.Л. Голованевский // Вопросы языкознания. – 1987. – № 4. – С. 35-42.
70. Голованевский, А.Л. К проблеме создания «Идеологически-оценочного общественно-политического словаря русского языка конца XVII – нач. XX века» [Текст] / А.Л. Голованевский // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Вып. 20. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1994. – С. 28-29.
71. Голованевский, А.Л. О принципах создания «Идеологически-оценочного общественно-политического словаря русского литературного языка XIX века» [Текст] / А.Л. Голованевский // Теоретические и практические аспекты лексикографии. – Иваново: Изд-во Юнона, 1997. – С. 148-157.
72. Голованевский, А.Л. Общественно-политическая лексика в словарях 1900-1917 гг. (К проблеме идеолого-семантической типологии словарей дореволюционного периода) [Текст] / А.Л. Голованевский // Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 25-31.
73. Головин, Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах [Текст] / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высшая школа, 1987. – 104 с.
74. Грамматика современного русского литературного языка [Текст]. – М.: Наука, 1970. – 768 с.
75. Грановская, Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: очерки [Текст] / Л.М. Грановская. – М.: Элпис, 2005. – 448 с.
76. Граудина, Л.К. Путь термина в литературный язык [Текст] / Л.К. Граудина // Русская речь. – 1987. – № 5. – С. 65-72.

77. Даниленко, В.П. О месте научной терминологии в лексической системе языка [Текст] / В.П. Даниленко // Вопросы языкознания. – 1976. – № 4. – С. 64-71.
78. Даниленко, В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания [Текст] / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
79. Даниленко, В.П. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии [Текст] / В.П. Даниленко, Л.И. Скворцов // Вопросы языкознания. – 1981. – № 1. – С. 7-16.
80. Дейк ван, Т.А. Стратегии понимания связного текста [Текст] / Т.А. Дейк ван, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка / сост., ред. и вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153-212.
81. Дейк ван, Т.А. Язык, познание, коммуникация [Текст] / Т.А. Дейк ван. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
82. Дешериев, Ю.Д. Теоретические аспекты изучения социальной обусловленности языка [Текст] / Ю.Д. Дешериев // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. – М.: Наука, 1998. – С. 56-91.
83. Долгих, Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии [Текст] / Н.Г. Долгих // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 89-98.
84. Дягилева, И.Б. Словари иностранных слов XIX века: к истории становления жанра [Текст] / И.Б. Дягилева // Единым письмён употреблением памяти подкрепляется вечность: сборник научных трудов памяти З.М. Петровой (к 85-летию со дня рождения) / отв. ред. И.А. Малышева. – СПб.: Наука, 2007. – С. 212.
85. Жданова, Л.А. Общественно-политическая лексика: структура и динамика: дис. на соиск. уч. ст. кандидата филол. наук [Текст] / Л.А. Жданова. – М., 1996. – 224 с.
86. Жиров, Г.В. История цензуры в России XIX – XX вв.: учебное пособие [Текст] / Г.В. Жиров. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 212 с.
87. Загорская, О.В. Экспрессивные и эмоционально-оценочные компоненты значения слова (к изучению оснований семантических процессов) [Текст] / О.В. Загорская, З.Е. Фомина // Семантические процессы в системе языка. – Воронеж: ВГУ, 1984. – С. 31-40.
88. Зуев, К.В. Идеологизация языка в политических, авангардистских и научных текстах начала XX века: автореферат дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук [Текст] / К.В. Зуев. – Ставрополь, 2005. – 22 с.
89. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – Омск: ОГУ, 1999. – 284 с.
90. Калинин, А.В. Лексика русского языка [Текст] / А.В. Калинин. – М.: МГУ, 1978. – 354 с.
91. Канделаки, Т.Л. Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий [Текст] / Т.Л. Канделаки // Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 3-40. (I)

92. Канделаки, Т.Л. Работа по упорядочению научно-технической терминологии и некоторые лингвистические проблемы, возникающие при этом [Текст] / Т.Л. Канделаки // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 40-53. (II)
93. Канделаки, Т.Л. Семантика и мотивированность терминов [Текст] / Т.Л. Канделаки. – М.: Наука, 1977. – 167 с.
94. Капанадзе, Л.А. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики [Текст] / Л.А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965. – С. 86-104. (I)
95. Капанадзе, Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка [Текст] / Л.А. Капанадзе. – М.: Наука, 1965. – С. 75-86. (II)
96. Карамова, А.А. Оценочная общественно-политическая лексика и фразеология современного русского языка, вторая половина XX в.: дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук [Текст] / А.А. Карамова. – Бирск, 2001. – 250 с.
97. Караулов, Ю.Н. Структура лексико-семантического поля [Текст] / Ю.Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57-68.
98. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 360 с.
99. Карцевский, С.И. Из лингвистического наследия [Текст] / С.И. Карцевский. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – 296 с.
100. Катаева, С.Г. Политолингвистика. Исследование языка политики и политической коммуникации в Германии (1945-2000) [Текст] / С.Г. Катаева. – Липецк: ЛГПУ, 2003. – 400 с.
101. Китайгородская, М.В. Современная политическая коммуникация: тенденции развития [Текст] / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Фортунатовский сборник. Материалы научной конференции, посвящённой 100-летию Московской лингвистической школы 1897-1997 гг. / под ред. Е.В. Красильниковой. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 189-196.
102. Китайгородская, М.В. Современная политическая коммуникация [Текст] / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 151-248.
103. Кияк, Т.Р. О «внутренней форме» лексических единиц [Текст] / Т.Р. Кияк // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 58-68.
104. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: учебник [Текст] / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 352 с.
105. Ковалевская, М.Н. Семантическая структура слова и стилистические функции слова [Текст] / М.Н. Ковалевская // Языковые значения: сборник научных трудов. – Л.: ЛГПИ, 1976. – С. 63-73.
106. Коготкова, Т.С. Из истории формирования общественно-политической терминологии (по материалам последних десятилетий XIX в.) [Текст] / Т.С. Коготкова // Исследования по русской терминологии. – М.: Наука, 1971. – С. 114-166.

107. Коготкова, Т.С. Слово в терминологическом и нетерминологическом применении [Текст] / Т.С. Коготкова // Русская речь. – 1975. – № 1. – С. 62-70.
108. Кодухов, В.И. Введение в языковедение [Текст] / В.И. Кодухов. – М.: Просвещение, 1987. – 288 с.
109. Кодухов, В.И. Лексико-семантические группы слов [Текст] / В.И. Кодухов. – Л.: ЛГПИ, 1955. – 176 с.
110. Комарова, З.И. Семантическая структура специального слова и её лексикографическое описание [Текст] / З.И. Комарова. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. – 155 с.
111. Комисарова, Т.С. Механизмы речевого воздействия и их реализация в политическом дискурсе: на материале речей Г. Шрёдера: автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук [Текст] / Т.С. Комисарова. – Воронеж, 2008. – 20 с.
112. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова [Текст] / Н.Г. Комлев. – М.: МГУ, 1964. – 192 с.
113. Конецкая, В.П. Смысловые отношения в лексико-семантических группах [Текст] / В.П. Конецкая // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: тез. докл. / Москв. гос. пед. ин-т иностр. язык. им. М. Тореза. – Ч. 1. – М.: МГПИИЯ, 1971. – С. 206-209.
114. Коровушкина, Е.В. Развитие кредитно-финансовой терминологии в русском языке второй половины XIX – начала XX в. (семасиологический и системно-структурный аспекты): дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук [Текст] / Е.В. Коровушкина. – Вологда, 2006. – 240 с.
115. Котелова, Н.З. К вопросу о специфике термина [Текст] / Н.З. Котелова // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 122-127.
116. Красней, В.П. О специфике и анализе термина [Текст] / В.П. Красней // Методы изучения лексики / под ред. А.Е. Супруна. – Минск: Изд-во БГУ, 1975. – С. 186-200.
117. Краткая русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина [Текст]. – М.: Наука, 2002. – 726 с.
118. Кривченко, Е.Л. К понятию «семантическое поле» и методам его исследования [Текст] / Е.Л. Кривченко // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 99-103.
119. Кронгауз, М.А. Семантика: учебник для вузов [Текст] / М.А. Кронгауз. – М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2001. – 399 с.
120. Крыжановская, А.В. Сопоставительное исследование терминологии современных русского и украинского языков: проблемы унификации и интеграции [Текст] / А.В. Крыжановская. – Киев: Наукова думка, 1985. – 227 с.
121. Крысин, Л.П. Социальный компонент в семантике языковых единиц [Текст] / Л.П. Крысин // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. – М.: Наука, 1998. – С. 24-37.
122. Крысин, Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка [Текст] / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1989. – 188 с.

123. Крючкова, Т.Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии [Текст] / Т.Б. Крючкова. – М.: Наука, 1989. – 149 с.
124. Крючкова, Т.Б. Специфика изменения значений общественно-политической лексики и терминологии [Текст] / Т.Б. Крючкова // Дiachроническая социоллингвистика. – М.: Наука, 1993. – С. 188-199.
125. Кузнец, М.Д. Стилистика английского языка [Текст] / М.Д. Кузнец, Ю.Н. Скребнев. – Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1960. – 175 с.
126. Кузнецов, А.И. Понятие семантической системы языка и методы его исследования [Текст] / А.И. Кузнецов. – М.: Просвещение, 1963. – 182 с.
127. Кузнецова, Э.В. Лексико-семантическая группа слов и методы её описания [Текст] / Э.В. Кузнецова // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1969. – С. 99-101.
128. Кузькин, Н.П. К вопросу о сущности термина [Текст] / Н.П. Кузькин // Вестник ЛГУ. – 1962. – № 20. – Вып. 4. – С. 136-146.
129. Куликова, И.С. К определению лексико-семантической группы слов [Текст] / И.С. Куликова // XXI Герценовские чтения. Филол. науки. – Л.: ЛГПИ, 1968. – С. 28-30.
130. Кутенева, Т.А. Смысловая динамика лексем пропаганды и агитации в русском языке [Текст] / Т.А. Кутенева // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1. – С. 108-114.
131. Кутина, Л.Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем [Текст] / Л.Л. Кутина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 82-95.
132. Лебедев, С.В. Идеология правого радикализма начала XX века [Электронный ресурс] / С.В. Лебедев. – Режим доступа: <http://www.lindex.lenin.ru/Lindex3/Text/lebedev/index.htm>
133. Лейчик, В.М. Люди и слова [Текст] / В.М. Лейчик. – М.: Наука, 1982. – 176 с.
134. Лейчик, В.М. Номенклатура – промежуточное звено между терминами и собственными именами [Текст] / В.М. Лейчик // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. – М.: Наука, 1974. – С. 3-25.
135. Лейчик, В.М. О процессе формирования термина (особенности периода первоначального наименования специального понятия) [Текст] / В.М. Лейчик // Функционирование терминов в современном русском языке. Межвузовский сборник. – Горький: ГГУ, 1986. – С. 32-39. (I)
136. Лейчик, В.М. О языковом субстрате термина [Текст] / В.М. Лейчик // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 87-97. (II)
137. Лейчик, В.М. Особенности функционирования терминов в тексте [Текст] / В.М. Лейчик // Филологические науки. – 1990. – № 3. – С. 80-87.
138. Лейчик, В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века [Текст] / В.М. Лейчик // Вопросы филологии. – 2000. – № 2. – С. 20-30.

139. Лекомцев, Ю.К. Дискретные лексические поля и строение семантических единиц (опыт формальной теории) [Текст] / Ю.К. Лекомцев // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1979. – № 3. – С. 207-218.
140. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века [Текст]. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
141. Леонов, С.В. Партийная система России (конец XIX в. – 1917 г.) [Текст] / С.В. Леонов // Вопросы истории. – 1999. – № 11-12. – С. 29-48.
142. Липатов, А.Г. Лексико-семантические группы слов и моносемные поля синонимов [Текст] / А.Г. Липатов // Научн. докл. высш. школы. Филол. науки. – 1981. – № 2. – С. 51-57.
143. Лихолитов, П. Современный русский военный жаргон в реальном общении, художественной литературе и публицистике: системно-языковой, социолингвистический и функционально-стилистический аспекты [Текст] / П. Лихолитов. – JYVASKYLA: UNJVERSITY OF JYVASKYLA, 1998. – 265 с.
144. Лотте, Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов [Текст] / Д.С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 154 с.
145. Лотте, Д.С. Краткие формы научно-технических терминов [Текст] / Д.С. Лотте. – М.: Наука, 1971. – 82 с.
146. Лукьянова, Н.А. Экспрессивность как семантическая категория [Текст] / Н.А. Лукьянова // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1991. – С. 7-116.
147. Мамынова, Б.К. Общественно-политическая лексика газеты «Казах»: автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук [Текст] / Б.К. Мамынова. – Алма-Ата, 1993. – 24 с.
148. Матвеева, Т.В. Лексическая экспрессивность в языке: учебное пособие [Текст] / Т.В. Матвеева. – Свердловск: СГУ, 1986. – 167 с.
149. Мельников, Г.П. Основы терминоведения: учебное пособие [Текст] / Г.П. Мельников. – М.: Изд-во УДН, 1991. – 116 с.
150. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. – Вып. 1 [Текст]. – Минск: БГУ, 1998. – 245 с.
151. Михалева, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук [Текст] / О.Л. Михалева. – Кемерово, 2004. – 289 с.
152. Мишланова, С.Л. Терминоведение XXI века: история, направления, перспективы [Текст] / С.Л. Мишланова. – Филологические науки. – 2003. – № 2. – С. 94-101.
153. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка [Текст] / А.И. Молотков. – М.: Наука, 1977. – 248 с.
154. Морозова, Л.А. Терминознание: основы и методы [Текст] / Л.А. Морозова. – М.: Прометей, 2004. – 144 с.
155. Москович, В. Заметки о современной русской политической терминологии [Текст] / В. Москович // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. – Том I. – М.: Просвещение, 1998. – С. 182-189.

156. Мухарьямов, Н.М. Политическая лингвистика как научная дисциплина [Текст] / Н.М. Мухарьямов // Политическая наука. – 2002. – № 3. – С. 68-91.
157. Набиев, Н.Г. Политическая фразеология в современном французском языке (на материале прессы) [Текст]: автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук [Текст] / Н.Г. Набиев. – Киев, 1991. – 18 с.
158. Назарзода, С. Таджикская общественно-политическая терминология: История, направления и перспективы [Текст]: автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук [Текст] / С. Назарзода. – Душанбе, 2004. – 24 с.
159. Никитин, М.В. Лексическое значение слова. Структура и комбинаторика [Текст] / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1983. – 127 с.
160. Ничман, З.В. К вопросу о лексико-семантических группах слов [Текст] / З.В. Ничман // Проблемы русского языка. Науч. труды. – Вып. 91 / Новосибирский гос. пед. ин-т, 1973. – С. 4-19.
161. Новиков, Л.А. Семантика русского языка [Текст] / Л.А. Новиков. – М.: Высшая школа, 1982. – 445 с.
162. Овчаренко, В.М. Концептуальная, семантическая и семиотическая целостность термина [Текст] / В.М. Овчаренко // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 139-153.
163. Одеков, Р.В. Общественно-политическая лексика русского языка в средневековой истории Туркменистана: автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук [Текст] / Р.В. Одеков. – СПб., 1992. – 20 с.
164. Омельчук, И.В. Социальный состав черносотенных партий в начале XX века [Текст] / И.В. Омельчук // Отечественная история. – 2004. – № 2. – С. 84-96.
165. Ошеева, Ю.В. Политическая лексика и фразеология русского языка (1985 – 2000 гг.): дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук [Текст] / Ю.В. Ошеева. – Уфа, 2004. – 269 с.
166. Палютина, З.Р. Цивилизационный подход к терминологии: монография [Текст] / З.Р. Палютина. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 172 с.
167. Панова, М.Н. Язык государственного управления и «словарь времени» [Текст] / М.Н. Панова // Русская речь. – 2006. – № 5. – С. 58-67.
168. Панько, Т.И. Формирование русской политэкономической терминологии [Текст] / Т.И. Панько // Терминология и культура речи. – М.: Наука, 1981. – С. 63-79.
169. Паршина, О.Н. Концепт «чужой» в реализации тактики дистанцирования (на материале политического дискурса) [Текст] / О.Н. Паршина // Филологические науки. – 2004. – № 3. – С. 85-94.
170. Пелевена, Н.Ф. Коннотация и контекст [Текст] / Н.Ф. Пелевина // Вопросы семантики. – Калининград: Изд-во КГУ, 1983. – С. 85-87.
171. Петров, В.В. Семантика научных терминов [Текст] / В.В. Петров. – Новосибирск: Наука, 1982. – 176 с.
172. Покровский, М.М. О методах семасиологии [Текст] / М.М. Покровский // Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 27-32.

173. Полевые структуры в системе языка [Текст] / науч. ред. З.Д. Попова. – Воронеж, 1989. – 158 с.
174. Поливанов, Е.Д. Статьи по общему языкознанию [Текст] / Е.Д. Поливанов. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
175. Попова, З.Д. Лексическая система языка: учеб. пособие [Текст] / З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. – 148 с.
176. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 315 с.
177. Протченко, И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект [Текст] / И.Ф. Протченко. – М.: Наука, 1975. – 349 с.
178. Протченко, И.Ф. Развитие общественно-политической лексики в советскую эпоху [Текст] / И.Ф. Протченко // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965. – С. 17-29.
179. Прохорова, В.Н. Лексико-семантические группы как лексические микросистемы русского языка [Текст] / В.Н. Прохорова // Системные семантические связи языковых единиц. – М.: Наука, 1992. – С. 123-130.
180. Прохорова, В.Н. Об эмоциональности термина [Текст] / В.Н. Прохорова // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 153-160.
181. Реформатский, А.А. Мысли о терминологии [Текст] / А.А. Реформатский // Современные проблемы русской терминологии. – М.: Наука, 1986. – С. 163-198.
182. Реформатский, А.А. Термин как член лексической системы языка [Текст] / А.А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1961. – С. 103-126.
183. Ризель, Э.Г. К вопросу о коннотации [Текст] / Э.Г. Ризель // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 125. – М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза, 1978. – С. 10-18.
184. Розенталь, Д.Э. Практическая стилистика русского языка: учебник для вузов по специальности «Журналистика» [Текст] / Д.Э. Розенталь. – М.: Высшая школа, 1977. – 398 с.
185. Романов, А.А. Политическая лингвистика. Функциональный подход [Текст] / А.А. Романов. – М.; Тверь: ИЯ РАН, 2002. – 191 с.
186. Романова, Н.П. Семантические ряды в лексической системе языка [Текст] / Н.П. Романова // Актуальные проблемы лексикологии: тез. докл. лингв. конф. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1967. – С. 34-36.
187. Российские либералы: сб. статей [Текст] / под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 2001. – 440 с.
188. Русский язык и советское общество (социолингвистическое исследование). Лексика современного русского литературного языка [Текст]. – М.: Наука, 1968. – 188 с.

189. Салман, А.Е. Актуальная политическая лексика и фразеология русского языка новейшего периода и её представление в учебном двуязычном словаре: автореф. дис. на соиск. уч. ст. кандидата филол. наук [Текст] / А.Е. Салман. – Воронеж, 2008. – 22 с.
190. Селищев, А.М. Язык революционной эпохи [Текст] / А.М. Селищев // Русская речь. – 1991. – № 1. – С. 88-102.
191. Селищев, А.М. Язык революционной эпохи [Текст] / А.М. Селищев. – М.: Работник просвещения, 1928. – 263 с.
192. Серио, П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций [Текст] / П. Серио // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 337-383.
193. Сивергина, О.В. О дистантном расположении слов в семантическом поле [Текст] / О.В. Сивергина // Лингвостилистические исследования научной речи. – М.: Наука, 1979. – С. 37-56.
194. Скороходько, Э.Ф. Семантические сети и некоторые количественные характеристики терминологической лексики [Текст] / Э.Ф. Скороходько // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 160-171.
195. Скребнев, Ю.М. Основы стилистики английского языка: учебник [Текст] / Ю.М. Скребнев. – М.: Высшая школа, 2003. – 344 с.
196. Соловьев, А.И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи [Текст] / А.И. Соловьев // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 2. – С. 124-131.
197. Сорокин, Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90-е гг. XIX в. [Текст] / Ю.С. Сорокин. – М.-Л.: Наука, 1965. – 568 с.
198. Степанов, С.А. Чёрная сотня в России (1905-1914 гг.) [Текст] / С.А. Степанов. – М.: Россвузнаука, 1992. – 278 с.
199. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1975. – 313 с.
200. Степанова, М.Д. Вопросы компонентного анализа в лексике [Текст] / М.Д. Степанова // Иностранные языки в школе. – 1966. – № 5. – С. 34-40.
201. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – 170 с.
202. Стернин, И.А. Значение слова и его компоненты [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. – 148 с.
203. Судаков, Г.В. Предметно-бытовая лексика в ономаσιологическом аспекте [Текст] / Г.В. Судаков // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 105-113.
204. Судаков, Г.В. Русская бытовая лексика XVI-XVII вв. в динамическом и функциональном аспектах: дис. на соиск. уч. ст. докт. филол. наук [Текст] / Г.В. Судаков. – Вологда, 1985. – 540 с.
205. Суперанская, А.В. Общая терминология: Вопросы теории [Текст] / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: Наука, 1989. – 256 с.

206. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.

207. Ткачева, И.О. Политическая лексика в современном русском языке: семантические особенности и проблемы лексикографического представления: дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук [Текст] / И.О. Ткачева. – СПб., 2008. – 320 с.

208. Толикина, Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина [Текст] / Е.Н. Толикина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 53-67.

209. Толикина, Е.Н. Синонимы или дублиеты? [Текст] / Е.Н. Толикина // Исследования по русской терминологии. – М.: Наука, 1971. – С. 78-89.

210. Туркин, В.Н. К изучению социальных терминов [Текст] / В.Н. Туркин // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С. 62-67.

211. Уемов, А.Н. Системный подход и общая теория систем [Текст] / А.Н. Уемов. – М.: Мысль, 1977. – 272 с.

212. Успенский, Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века [Текст] / Б.А. Успенский. – М.: МГУ, 1985. – 215 с.

213. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / под ред. Ю.С. Степанова [Текст] / А.А. Уфимцева. – М.: Издательство УРСС, 2002. – 240 с.

214. Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы [Текст] / А.А. Уфимцева. – М.: АН СССР, 1962. – 288 с.

215. Уфимцева, А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и формировании языковой картины мира [Текст] / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 108-140.

216. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка [Текст] / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1968. – 192 с.

217. Уфимцева, А.А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка [Текст] / А.А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М.: МГУ, 1961. – С. 30-63.

218. Федоров, Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». Биография П.А. Столыпина: в 2 т. – Т. 1-2 [Текст] / Б.Г. Федоров. – СПб.: Лимбус Пресс, 2002. – 624 с.

219. Филин, Ф.П. Историческая лексикология русского языка: проспект [Текст] / Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1984. – 124 с.

220. Филин, Ф.П. О лексико-семантических группах [Текст] / Ф.П. Филин // Езиковедчески изследования в чест на академик Стефан Младенов. – София: Слово, 1957. – С. 523-538.

221. Филин, Ф.П. Очерки по теории языкознания [Текст] / Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1982. – 334 с.

222. Фомина, И.Н. Семантическая деривация в формировании английской политической терминологии: дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук [Текст] / И.Н. Фомина. – М., 2006. – 189 с.

223. Харченко, В.Н. Взаимодействие коннотативных признаков, сознаний в семантике слова [Текст] / В.Н. Харченко // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж: ВГУ, 1983. – С. 47-52.
224. Черемисина, Н.В. Структура лексического значения и давление текста на слово [Текст] / Н.В. Черемисина // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. – Новосибирск: НГУ, 1991. – С. 36-39.
225. Чистякова, И.Ю. Русская политическая ораторика первой половины XX века: этос ратора: дис. на соиск. уч. ст. докт. филол. наук [Текст] / И.Ю. Чистякова. – М., 2006. – 544 с.
226. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика [Текст] / А.П. Чудинов. – М.: Флинта, 2008. – 255 с.
227. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале [Текст] / А.П. Чудинов // Русская речь. – 2001. – № 3. – С. 31-37.
228. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка: пособие для студентов пед. ин-тов [Текст] / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1972. – 228 с.
229. Шаховский, В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи [Текст] / В.И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 97-103.
230. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В.И. Шаховский. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – 208 с.
231. Шаховский, В.И. Категория эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В.И. Шаховский. – Воронеж: ВГУ, 1987. – 221 с.
232. Шаховский, В.И. Типы значений эмотивной лексики [Текст] / В.И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1994. – № 1. – С. 20-26.
233. Шаховский, В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания [Текст] / В.И. Шаховский. – Волгоград: ВГУ, 1983. – 189 с.
234. Шаховский, В.И. К типологии коннотаций [Текст] / В.И. Шаховский // Аспекты лексического значения. – Воронеж: ВГУ, 1982. – С. 29-34.
235. Шведова, Н.Ю. Общественно-политическая лексика и фразеология в «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева [Текст] / Н.Ю. Шведова // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – Т. 2 / отв. ред. академик В.В. Виноградов. – М., Л.: АН СССР, 1951. – С. 5-54.
236. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
237. Шелов, С.Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (к проблеме классификации специальной лексики) [Текст] / С.Д. Шелов // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С. 76-87.
238. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 312 с.
239. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык: лексика [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М.: Высшая школа, 1977. – 366 с.

240. Шмельникова, В.В. Русская общественно-политическая лексика в XX веке [Текст] / В.В. Шмельникова // Вопросы филологических наук. – 2007. – № 4. – С. 35-36.

241. Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике [Текст] / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 256 с.

242. Якобсон, Р. Избранные работы [Текст] / Р. Якобсон. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Специальная литература

243. Воззвание «Союза 17 октября» [публикация 1906 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – С. 181-191.

244. Второе общее собрание монархической партии [26 февраля 1906 г.] [Текст] // Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. – В 2 т. – Т. 1. 1905-1910 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – С. 135-137.

245. Высочайший манифест от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка» [Текст] // Программные документы политических партий России дооктябрьского периода: учебное пособие / под ред. Л.С. Леоновой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – С. 193-194.

246. Доклад директора Департамента Полиции М.И. Трусевича министру внутренних дел П.А. Столыпину по делу «боевого интернационального отряда анархистов-коммунистов». 18 марта 1908 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 281-286.

247. Доклад фракции прогрессистов «О тактике фракции прогрессистов в IV Государственной думе по вопросам ответственного министерства, вхождения в особые совещания при министрах, о подоходном налоге; образование Прогрессивного блока» [сентябрь 1915 г.] [Текст] // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 344-359.

248. Донесение агента III Отделения Трохимовича шефу жандармов П.А. Шувалову о беседах «на политические темы» со ссыльным И.А. Худяковым [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 35-38.

249. Донесение начальника Черниговского Губернского Жандармского Управления Н.П. Рудова в Департамент Полиции о положении в губернии. 21 августа 1905 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 209-212.

250. Заявление социал-демократической фракции Государственной Думы по поводу убийства П.А. Столыпина. 15 октября 1911 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 428-432.

251. Из всеподданнейшего отчёта III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Корпуса жандармов за 1869 год [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 40-43.

252. Из доклада российской партии социалистов-революционеров Амстердамскому конгрессу Социалистического Интернационала. С. Деятельность партии социалистов-революционеров (август 1904 г.) [Текст] // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – В 3-х т. – Т. 1. 1900-1907 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 128-138.

253. Из «Обзора революционных организаций в Москве», составленного Е.К. Климовичем. 4 октября 1906 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 246-247.

254. Из справки Московского Охранного Отделения Департаменту Полиции о террористическом кружке И. Распутина [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 130-154.

255. Из Циркуляра Департамента Полиции начальникам Губернских и Областных Жандармских Управлений и Охранных Отделений в связи с проблемами работы розыскных органов в сельской местности. 16 мая 1908 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 290-292.

256. Из циркуляра Департамента Полиции начальникам Жандармских Управлений и Охранных Отделений о деятельности политических партий в России и о мерах борьбы с этими партиями. 2 сентября 1914 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 490-493.

257. Избирательная программа (в связи с выборами в государственную думу), принятая I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН и обязательная для всех отделов. 2 сентября 1906 г. [Текст] // Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. – В 2 т. – Т. 1. 1905-1910 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – С. 190-197.

258. Извещение «От Партии демократических реформ» и «Основные положения программы Партии демократических реформ», сформулированные к началу избирательной кампании во II Государственную думу. 21 октября 1906 г. [Текст] // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 83-86.

259. [Информационное сообщение] об издании ежедневной газеты «Колокол» во 2-ой половине текущего 1908 г. (3 года издания) [Текст] // Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. – В 2 т. – Т. 1. 1905-1910 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – С. 396-397.

260. К вопросу о ближайших задачах наших социалистических партий [опубликовано в декабре 1905 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – В 3-х т. – Т. 1. 1900-1907 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 176-182.

261. Ко всем гражданам цивилизованного мира [опубликовано 28 июля 1904 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – В 3-х т. – Т. 1. 1900-1907 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 155-157.

262. Ко всем рабочим. В борьбе обретёшь ты право своё! [опубликовано 28 июля 1904 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – В 3-х т. – Т. 1. 1900-1907 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 151-153.

263. Ковалевский, М.М. Мирные обновленцы [год публикации – 1906 – уточнение наше – А.З.] [Текст] / М.М. Ковалевский // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 95-97.

264. Ковалевский, М.М. Политическая программа нового союза народного благоденствия (речь на собрании членов Клуба Независимых) [опубликована в 1906 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] / М.М. Ковалевский // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 31-40.

265. [Листовка союза русских людей] Самодержавие или конституция? 11 января 1906 г. [Текст] // Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. – В 2 т. – Т. 1. 1905-1910 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – С. 108-110.

266. [Листовка союза русского народа] Самодержавие и абсолютизм. [11 ноября 1905 г.] [Текст] // Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. – В 2 т. – Т. 1. 1905-1910 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – С. 78-79.

267. Манифест Российской социал-демократической рабочей партии [опубликован в 1898 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Программы политических партий в России. Репринтное воспроизведение издания 1917 года. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1991. – С. 37-40.

268. Народная революция (Прокламация ЦК ПСР) [опубликована 15 июня 1905 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – В 3-х т. – Т. 1. 1900-1907 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 173-175.

269. [Обращение основателя и почётного председателя СРН А.И. Дубровина] Русские люди! [опубликовано 28 августа 1910 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. – В 2 т. – Т. 1. 1905-1910 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – С. 598-600.

270. [Обращение союза русских людей к своим сторонникам накануне выборов в I государственную думу]. [Февраль – март? 1906 г.] [Текст] // Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. – В 2 т. – Т. 1. 1905-1910 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – С. 138-139.

271. От крестьянского союза Партии социалистов-революционеров. Ко всем работникам революционного социализма в России [дата публикации – 25 июня 1902 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – В 3-х т. – Т. 1. 1900-1907 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 89-108.

272. [Открытое письмо основателя и почётного председателя СРН А.И. Дубровина]. Моё последнее слово [опубликовано в августе 1910 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. – В 2 т. – Т. 1. 1905-1910 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – С. 597.

273. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы [Текст]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 528 с.

274. Письмо помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части Л.К. Утгофа директору Департамента Полиции Н.П. Зуеву о характере организации «Революционеров-мстителей». 15 июля 1911 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 416-417.

275. Письмо-обращение Центрального комитета Партии мирного обновления с призывом организовать местные комитеты партии. 28 октября 1906 г. [Текст] // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 86-87.

276. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова [Текст]. – М.: АИРО-XX, 2001. – 527 с.

277. Постановления второго съезда конституционно-демократической партии [опубликованы в 1906 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – С. 179-180.

278. Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. – В 2 т. – Т. 1. 1905-1910 гг. [Текст]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – 720 с.

279. Предписание Департамента Полиции начальникам районных Охранных Отделений в связи с подготовкой ряда террористических актов против высших должностных лиц. 12 июня 1907 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 259-260.

280. Программа «Союза 17 октября» [опубликована в 1905 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Программы политических партий и организаций России конца XIX – начала XX века. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – С. 92-99.

281. Программа Демократического союза конституционалистов [опубликована в 1909 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Программы политических партий и организаций России конца XIX – начала XX века. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – С. 86-91.

282. Программа и устав Русского народного союза им. Михаила Архангела [опубликована в 1909 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. – В 2 т. – Т. 1. 1905-1910 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – С. 374-385.

283. Программа Конституционно-демократической партии [опубликована в 1905 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Программы политических партий в России. Репринтное воспроизведение издания 1917 года. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1991. – С. 69-80.

284. Программа Народно-социалистической партии [опубликована в 1917 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – С. 141-148.

285. Программа Партии правого порядка [Текст]. – М., 1906. – 67 с.

286. Программа Партии социалистов-революционеров [опубликована в 1906 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. – М., 1991. – С. 119-127.

287. Программа Партии социалистов-революционеров [опубликована в 1906 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Программы политических партий и организаций России конца XIX – начала XX века. – Ростов-на-Дону, 1992. – С. 59-66.

288. Программа Партии социалистов-революционеров [опубликована в 1906 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Программы политических партий в России. Репринтное воспроизведение издания 1917 года. – Воронеж, 1991. – С. 41-53.

289. Программа Радикальной партии [опубликована в 1905 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Программы политических партий и организаций России конца XIX – начала XX века. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – С. 84-86.

290. Программа Радикальной партии [Текст] // Программы русских политических партий. – СПб, 1905. – С. 49-52.

291. Программа Российской социал-демократической рабочей партии [опубликована в 1903 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Программы политических партий и организаций России конца XIX – начала XX века. – Ростов-на-Дону, 1992. – С. 53-58.

292. Программа Российской социал-демократической рабочей партии [опубликована в 1903 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Программы политических партий в России. Репринтное воспроизведение издания 1917 года. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1991. – С. 27-37.

293. Программа Трудовой (Народно-социалистической) партии [опубликована в 1917 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Программы политических партий в России. Репринтное воспроизведение издания 1917 года. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1991. – С. 54-65.

294. Программные документы политических партий России дооктябрьского периода [Текст]. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 240 с.

295. Программы политических партий в России. Репринтное воспроизведение издания 1917 года [Текст]. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1991. – 318 с.

296. Программы политических партий и организаций России конца XIX – начала XX века [Текст]. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – 287 с.

297. Проект программы Партии социалистов-революционеров (не подлежавший огласке) [опубликован в 1903 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – В 3-х т. – Т. 1. 1900-1907 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 111-119.

298. Прокламация оргкомитета и фракции ВЦИК социалистов-революционеров-интернационалистов. [июль 1917 г.] [Текст] // Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917-1925 гг. – В 3-х т. – Т. 1. Июль 1917 г. – май 1918 г. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – С. 49-51.

299. Протокол и декларация конференции российских оппозиционных и революционных партий (30.9 – 4.10.1904 г. Париж) [Текст] // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – В 3-х т. – Т. 1. 1900-1907 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 158-161.

300. Протокол полицейского пристава, от 1 августа 1908 г. в Ростове-на-Дону, о речи Дубровина [Текст] // Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. – В 2 т. – Т. 1. 1905-1910 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – С. 393-396.

301. Протоколы Третьего съезда партии социалистов-революционеров (25 мая – 4 июня 1917 г.) Стенографический отчёт. Заседание 31-го мая 1917 года (Утреннее) [Текст] // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – В 3-х т. – Т. 3. – Ч. 1. Февраль – октябрь 1917 г. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – С. 398-440.

302. Революционное движение в России: учебное пособие по истории для современных абитуриентов, составленное в 1910 г. в штабе Отдельного корпуса жандармов, с присовокуплением Инструкции о порядке ведения занятий на офицерских курсах при вышеозначенном штабе [Текст] // Неизвестная Россия. XX век. – В 2-х т. – Т. 2. – М.: Знание, 1992.

303. Резолюции VII съезда партии К.-Д. 25 марта 1917 г. [Текст] // Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – С. 180-181.

304. Резолюции съезда прогрессистов 11-13 ноября 1912 г. [Текст] // Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – С. 191-192.

305. Речь А.И. Коновалова в заседании Государственной Думы 16 декабря 1916 г. [Текст] // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 389-395.

306. Речь И.Н. Ефремова в заседании Государственной Думы 14 февраля 1917 года [Текст] // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 395-399.

307. Речь И.Н. Ефремова в заседании Государственной Думы 10 февраля 1916 г. [Текст] // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 374-386.

308. Речь И.Н. Ефремова в заседании Государственной Думы 7 декабря 1912 г. [Текст] // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 301-308.

309. «Смерть за смерть». Прокламация С.М. Кравчинского в связи с убийством Н.В. Мезенцева [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 43-46.

310. Сопроводительное письмо министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа товарищу министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 154-155.

311. Сопроводительное письмо Департамента Полиции начальникам Охранных Отделений к резолюции Совета ПСР об организации террористической борьбы. 21 июня 1909 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 342-344.

312. Справка Департамента Полиции о боевых дружинах правых организаций. Май 1909 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 320-325.

313. Справка Департамента Полиции о тактике партии социалистов-революционеров. [Не позднее февраля 1913 г.] [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 469-473.

314. Статистические данные о лицах, пострадавших при террористических актах с февраля 1905 г. по май 1906 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 249-250.

315. Трубецкой Е.Н. Идеиные основы Партии мирного (публичная лекция, прочитанная на «политическом турнире», организованном Партией мирного обновления). Петербург, 21 декабря 1906 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 114-126.

316. Уведомление Департамента Полиции начальникам Охранных Отделений о развитии революционного движения в России. 8 января 1906 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 222.

317. Уведомление Департамента Полиции начальникам Охранных Отделений о решениях большевистской конференции. Октябрь 1907 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 269-271.

318. Уведомление Департамента Полиции начальникам Губернских Жандармских Управлений, Охранных Отделений и жандармско-полицейских управлений железных дорог в связи с решениями конференции партии социалистов-революционеров. 7 октября 1908 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 300-303.

319. Циркуляр Департамента Полиции начальникам Губернских и Областных Жандармских Управлений, Охранных Отделений и розыскных пунктов о регулярном предоставлении Особому Отделу отчётов о деятельности революционных партий. 24 августа 1905 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 212-215.

320. Циркуляр Департамента Полиции начальникам Губернских Жандармских Управлений и Охранных Отделений о предотвращении террористических актов против членов Союза русского народа. 8 марта 1908 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 280.

321. Циркуляр Департамента Полиции начальникам Районных Охранных Отделений в связи с внутривластной обстановкой в ПСР. 13 сентября 1909 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 345-346.

322. [Циркулярное письмо СРН]. Всем отделам Союза Русского Народа и прочим организациям, входящим в его состав [опубликовано в 1910 г. – уточнение наше – А.З.] [Текст] // Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. – В 2 т. – Т. 1. 1905-1910 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – С. 601-602.

323. Циркулярное письмо Департамента Полиции начальникам Губернских Жандармских Управлений, Жандармско-Полицейских Управлений железных дорог и Охранных Отделений в связи с возникновением «Инициативной группы анархистов Юга. 11 июля 1910 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 389-392.

324. Циркулярное письмо Департамента Полиции начальникам Районных Охранных Отделений, Губернских и Областных Жандармских Управлений и Охранных Отделений в связи с возникновением «Группы вольных социалистов» [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 454-456.

325. Шифртелеграмма И.Д. Директора Департамента Полиции Н.П. Зуева товарищу министра внутренних дел П.Г. Курлову о возможном покушении на Николая II во время празднования 200-летия Полтавской битвы. 31/V-1/VI 1909 г. [Текст] // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 335-336.

Словари эпохи

326. (Алексеев) Алексеев, С.Н. Самый полный общедоступный словотолкователь и объяснитель иностранных слов, вошедших в русский язык, с подробным, всесторонним исследованием значений и понятий каждого слова [Текст] / С.Н. Алексеев. – М.: Типография В.А. Жданович, 1909. – 678 с.

327. (Бурдон) Бурдон, И.Ф. Словарь иностранных слов. 60000 вошедших в употребление в русском языке со знанием их корней [Текст] / И.Ф. Бурдон, А.Д. Михельсон. – М., 1880. – 598 с.

328. Всероссийский «словарь-толкователь». – В 2-х т. [Текст] / под ред. В.В. Жукова. – М.: Изд. А.А. Каспари, 1906. – 1287 с.

329. (Дубровский) Дубровский, Н. Полный толковый словарь всех употребительных иностранных слов, вошедших в русский язык с указанием их корней [Текст] / Н. Дубровский. – СПб., 1914. – 547 с.

330. (Мих.) Михельсон, А.Д. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. Составил по словарям: Гейзе, Рейфа и других, Михельсон [Текст] / А.Д. Михельсон. – М., 1866. – 780 с.

331. Михельсон, А.Д. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней [Текст] / А.Д. Михельсон. – СПб., 1891. – 618 с.

332. (НПСИС) Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык с указанием происхождения их, ударений, отраслей знания и с расширенной энциклопедической частью [Текст] / под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртене. – М.: Типография Левенсона, 1911. – 875 с.

333. (ПСИС) Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Текст]. – СПб., 1861. – 490 с.

334. (СИСП) Словарь исторический и социально-политический [Текст] / под ред. В.В. Битнера. – С.-Петербург: Вестник знания (В.В. Битнера), 1906. – 1028 с.

335. (Битнер) Словарь научных терминов, иностранных слов и выражений, вошедших в русский язык [Текст] / под ред. В.В. Битнера. – С.-Петербург: Вестник знания (В.В. Битнера), 1905. – 765 с.

336. (СРЯ) Словарь русского языка: составлен вторым отделением Императорской Академии Наук [Текст]. – СПб.-Л., 1895-1930.

337. (СЦРЯ) Словарь церковнославянского и русского языка. – В 4-х т. [Текст] – М., 1867.

Периодические издания

338. Будильник [Текст]. – СПб., 1901. – № 11, 31.

339. Водоворот [Текст]. – СПб., 1906. – № 2.

340. Волшебный фонарь [Текст]. – СПб., 1905. – № 3.

341. Гвоздь [Текст]. – СПб., 1906. – № 3.

342. Гудок [Текст]. – СПб., 1906. – № 2.
343. Девятый вал [Текст]. – СПб., 1906. – № 1-2.
344. Жало [Текст]. – СПб., 1905. – № 1.
345. Жупел [Текст]. – СПб., 1905. – № 1-2.
346. Осколки [Текст]. – СПб., 1901. – № 47.
347. Пулемёт [Текст]. – СПб., 1918. – № 6.
348. Пулемёт [Текст]. – СПб., 1917. – № 8.
349. Пули [Текст]. – СПб., 1905. – № 2.
350. Пули [Текст]. – СПб., 1906. – № 2-3.
351. Наша жизнь [Текст]. – СПб., 1905. – № 75, 82, 83, 88, 89, 96, 138, 139, 142, 143-145, 148.
352. Наша жизнь [Текст]. – СПб., 1906. – № 409, 411-416, 418-424, 426-430.
353. Рабочая газета [Текст]. – СПб., 1917. – № 1-76.
354. Наша газета [Текст]. – СПб., 1909. – № 50-91.
355. Петербургская газета [Текст]. – СПб., 1912. – № 87, 119.
356. Петербургская газета [Текст]. – СПб., 1913. – № 148.
357. Петербургская газета [Текст]. – СПб., 1914. – № 125, 177, 179, 182, 186, 191.
358. Петроградская газета [Текст]. – СПб., 1917. – № 159, 185.

Художественная литература

359. Бердяев, Н.А. Философия свободы [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
360. Боборыкин, П.Д. За полвека. Воспоминания [Электронный ресурс] / П.Д. Боборыкин. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
361. Витте, С.Ю. Воспоминания [Электронный ресурс] / С.Ю. Витте. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
362. Врангель, П.Н. Записки [Электронный ресурс] / П.Н. Врангель. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
363. Гебель, Г.Ф. Экскурсия в Поной для ознакомления с осенним ловом сёмги и для отыскания залежей медной руды [Электронный ресурс] / Г.Ф. Гебель // «Известия Архангельского общества изучения русского Севера». – 1909. – № 2-3. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
364. Гершензон, М.О. «Станционный смотритель» [Электронный ресурс] / М.О. Гершензон. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
365. Гершуни, Г.А. Из недавнего прошлого [Электронный ресурс] / Г.А. Гершуни. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
366. Гиппиус, З.Н. Дневники [Электронный ресурс] / З.Н. Гиппиус. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
367. Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI-XIX вв. [Текст]. – М.: Московский рабочий, 1991. – 351 с.

368. Горький, М. Заграничные впечатления [Электронный ресурс] / М. Горький. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

369. Горький, М. Письма [Электронный ресурс] / М. Горький. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

370. Епископ Нестор (Анисимов). Расстрел Московского Кремля [Электронный ресурс] / Епископ Нестор (Анисимов). – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

371. Из воспоминаний С.Е. Крыжановского, товарища министра внутренних дел в 1906-1911 гг. [Текст] // Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. – В 2 т. – Т. 1. 1905-1910 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – С. 534-561.

372. Из дневника генерала Г.О. Рауха, генерал-квартирмейстера штаба войск гвардии и петербургского военного округа за 16 и 26 декабря 1905 года [Текст] // Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. – В 2 т. – Т. 1. 1905-1910 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – С. 562-587.

373. Ковалевский, П.И. Орлеанская Дева [Электронный ресурс] / П.И. Ковалевский. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

374. Кони, А.Ф. Николай II (Статьи о государственных деятелях) [Электронный ресурс] / А.Ф. Кони. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

375. Кронштадтский, Иоанн. Дневники [Электронный ресурс] / Иоанн Кронштадтский. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

376. Куприн, А.И. Поединок [Электронный ресурс] / А.И. Куприн. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

377. Ленин, В.И. Государство и революция [Электронный ресурс] / В.И. Ленин. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

378. Ленин, В.И. Карл Маркс [Электронный ресурс] / В.И. Ленин. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

379. Ленин, В.И. О двоевластии [Электронный ресурс] / В.И. Ленин. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

380. Мартов, Ю.О. Политические партии в России (была написана в 1906 году, а впервые опубликована в 1917 году – пояснение наше – А.З.) [Текст] // Программы политических партий и организаций России конца XIX – начала XX века. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – С. 127-148.

381. Менделеев, Д.И. Заветные мысли [Электронный ресурс] / Д.И. Менделеев. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

382. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

383. Новгородцев, П.И. Об общественном идеале. Глава II [Электронный ресурс] / П.И. Новгородцев. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

384. Плеханов, Г.В. Логика ошибки [Электронный ресурс] / Г.В. Плеханов. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

385. Плеханов, Г.В. Открытое письмо к петроградским рабочим [Электронный ресурс] / Г.В. Плеханов. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
386. Пришвин, М.М. Дневники [Электронный ресурс] / М.М. Пришвин. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
387. Ремизов, А.М. Взвихренная Русь [Электронный ресурс] / А.М. Ремизов. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
388. Ремизов, А.М. Зайчик Иваныч [Электронный ресурс] / А.М. Ремизов. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
389. Розанов, В.В. Уединенное [Электронный ресурс] / В.В. Розанов. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
390. Савинков, Б.В. То, чего не было [Электронный ресурс] / Б.В. Савинков. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
391. Садовской, Б.А. М.Ю. Лермонтов [Электронный ресурс] / Б.А. Садовской. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
392. Сорокин, П.А. Заметки социолога. Больная Россия // «Воля народа», 1917 [Электронный ресурс] / П.А. Сорокин. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
393. Станюкович, К.М. Похождения одного матроса [Электронный ресурс] / К.М. Станюкович. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
394. Толстой, Л.Н. О социализме [Электронный ресурс] / Л.Н. Толстой. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
395. Толстой, Л.Н. Письмо Николаю II [Электронный ресурс] / Л.Н. Толстой. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
396. Толстой, Л.Н. Путь жизни [Электронный ресурс] / Л.Н. Толстой. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
397. Толстой, Л.Н. Соединение и перевод четырех Евангелий [Электронный ресурс] / Л.Н. Толстой. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
398. Трубецкой, Е.Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца [Текст] / Е.Н. Трубецкой. – Томск: Слово, 2000. – 412 с.
399. Тэффи, Н.А. Из весеннего дневника [Электронный ресурс] / Н.А. Тэффи. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
400. Франк, С.Л. Этика нигилизма [Электронный ресурс] / С.Л. Франк. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
401. Цветаева, М.И. Дневниковые записи [Электронный ресурс] / М.И. Цветаева. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
402. Чарская, Л.А. Король с раскрашенной картинкой [Электронный ресурс] / Л.А. Чарская. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
403. Эрисман, Ф.Ф. Общественная гигиена [Электронный ресурс] / Ф.Ф. Эрисман. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

Справочные издания и словари

404. (БАСРЯ) Большой академический словарь русского языка [Текст]. – М.-СПб.: Наука, 2004 –
405. (Даль) Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – В 4 т. – Т. 4 [Текст] / В.И. Даль. – М.: Изд. дом Рипол Классик, 2002. – 672 с.
406. (Дьяченко) Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь [Текст] / Г. Дьяченко. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. – 1159 с.
407. (Крысин) Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л.П. Крысин. – М.: Рус. яз., 1998. – 848 с.
408. (ЛЭС) Лингвистический энциклопедический словарь [Текст]. – М.: Наука, 1991. – 682 с.
409. (ППР) Политические партии России, конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия [Текст]. – М.: РОССПЭН, 1996. – 800 с.
410. Словарь русского языка XI – XVII вв. – Вып. 1-28 [Текст]. – М.: Наука, 1975.
411. Словарь русского языка XVIII в. – Вып. 1-13 [Текст]. – Л.-СПб.: Наука, 1984-2003.
412. (МАС) Словарь русского языка. – В 4-х т. [Текст] / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981-1984.
413. (ССРЛЯ) Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. [Текст]. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965.
414. (Ушаков) Толковый словарь русского языка. – В 4-х т. [Текст] / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935-1940.
415. (Фасмер) Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. – В 4 т. [Текст] / М. Фасмер. – М.: Астрель – АСТ, 2003.
416. (Тихонов) Фразеологический словарь русского языка [Текст] / сост. А.Н. Тихонов и др. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – 336 с.
417. (Черных) Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – В 2 т. [Текст] / П.Я. Черных. – М.: Русский язык, 1994.
418. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. – В 2 т. [Текст] / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 840 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**СПИСОК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ И ЛЕКСЕМ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРИОДА 1900 – 1917 ГГ.**

(приведён общий перечень выявленных наименований с указанием номеров страниц монографии, где содержится анализ слова или имеется ссылка на данную единицу).

Выявленные термины и лексемы	Номера страниц
абсолютизм	71, 74-75, 112, 115
анархист	79
анархист-коммунист	79
анархист-общинник	79
анархический	79-80
анархия	16, 78-80, 112, 117
буржуазия	124, 125
буржуазная республика	93, 94-96, 141, 143
буржуазное общество	120, 126-127
буржуазно-капиталистический строй	124-125, 136, 137, 141
буржуазный строй	47, 120, 125-126, 137, 138
великий князь	165, 177, 178-179, 186, 189
великий самодержец	164
верховный вождь земли русской	176, 189
верховный законодатель	182-183, 189
верховный хозяин всей земли русской	175, 189
вольный социалист	130
глава государства	145, 146, 188
господствующий режим	44
государственное устройство	44, 52, 54-55, 56, 81, 109
государственный социализм	127, 131, 134, 139
государственный строй	52, 54, 81, 109, 119, 142, 143
государь	23, 164, 165, 169-171, 179, 187
государь император	174-174, 188
государь самодержец	164-165, 188, 189
действующий режим	82
демократ	103, 105
демократизация	103, 104, 105
демократизм	103, 104-105

демократическая парламентарная республика	94-96, 113
демократическая республика	92-94, 101, 113, 142
демократический	92, 103, 104
демократическое государство	103
демократия	28, 88, 100-105, 111, 112, 117
державный законодатель	183, 189
диктатор	84
диктаторский	84
диктатура	78, 83-84
диктатура пролетариата	85-86
император	165, 173, 174, 177-178
императорский	177
капитализировать	123, 124
капитализм	93, 94, 121-124, 136, 137, 138
капиталист	98, 122, 123
капиталистический	124, 136
контрреволюция	117
конституционная монархия	61-63, 64, 110, 117, 142
конституционная и парламентарная монархия	64-65, 142
конституционная тирания	78, 88, 114, 116
конституционное устройство	99-100
конституционно-монархический строй	63, 110, 113
конституционный монарх	169, 188
конституционный парламентаризм	98
корона	177, 180-182, 191
либеральная монархия	61, 65, 113
личный режим	82-83, 99, 111, 181
монарх	28, 64, 144, 166-169, 187, 188
монархист	60
монархический	60
монархическое устройство	58, 110, 112
монархия	58, 60, 61, 62, 63, 110, 113, 115
монарший	168
народник-социалист	151
народный цезаризм	75-78, 197
народовластие	92, 105-106, 111
народовластный	104
неограниченный самодержец	164, 169

образ правления	52, 57, 114, 115, 117
общественно-политический строй	52, 119
общественный строй	118-120, 135
охлократия	78, 88-89
парламентаризм	96-98, 110-111, 116
парламентарный строй	99-100, 110, 112
политический строй	52-54, 64
помазанник божий	177, 179-180, 190-191
представительное правление	106-108, 112
президент	185-186, 187-188
президентство	185
пролетарская республика	96, 114, 117
революционная диктатура	78, 86
революционный социализм	131-134, 139
революция	94, 124, 131
революционный	100, 131
революционизировать	131
революционизирование	131
революционер-мститель	131
режим	70, 74, 78, 80-83, 99, 115, 141
республика	17, 53, 89-92, 112-113, 114
российский государь	171-172
русский белый царь	159, 160-161, 189
самодержавие	16, 17, 65-70, 110, 112, 115, 116
самодержавный образ правления	57, 88, 110, 114
самодержавный режим	70, 71, 115, 150
самодержавный строй	71, 110, 116
самодержавный царь	159-160, 188, 193
самодержец	147, 157, 161-164, 187, 188
самодержец всероссийский	165-166, 189, 193
созидатель самой Государственной Думы	184, 189
социал-демократ	130
социал-демократический	130
социал-демократия	101, 102, 130
социализация	129, 130
социализм	98, 104, 120, 127, 128-131, 136-137, 138, 139
социалист	122, 130
социалистический	127, 129, 130

социалистический строй	16, 47, 120, 127, 134-135, 138
социалист-революционер	130
социалист-революционер максималист	130
социальный строй	118, 119
строй	44, 45, 52-56, 63, 81, 109
тиранический	87
тирания	37, 78, 87-88
форма государственности	56-57, 109
цареубийство	150-152
цареубийца	151
царизм	71-73, 115, 116, 141
царский	68, 69, 150
царство	132, 150, 151
царствовать	150, 172
царствующий государь	51, 172-173, 190, 193
царь	17, 28, 144, 147-152, 188, 190
царь-батюшка	152-155, 190, 194
царь-освободитель	152, 156-157, 188-189, 193
царь-самодержец	152, 157-158, 188-189
эх-царь	158-159, 189, 193

ТГ «НАИМЕНОВАНИЯ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА»
(структурная схема на основе гипер-гипонимических отношений)

Тип наименования		Выявленные термины и лексемы
Родовые наименования		Государственный строй, политический строй, общественно-политический строй, строй, государственное устройство, форма государственности, образ правления.
Видовые наименования	Наименования форм монархического государственного устройства	Монархия, самодержавие, самодержавный образ правления, самодержавный режим, царизм, абсолютизм, народный цезаризм, конституционная и парламентарная монархия, конституционно-монархический строй, монархическое устройство, господствующий режим, действующий режим, личный режим.
	Наименования форм демократического государственного устройства	Республика, конституционное устройство, парламентарный строй, парламентаризм, конституционный парламентаризм, демократия, демократическая парламентарная республика, демократическая республика, буржуазная республика, народовластие, пролетарская республика, представительное правление, демократическое государство.
	Наименования недемократических форм государственного устройства	Тирания, охлократия, конституционная тирания, диктатура, диктатура пролетариата, революционная диктатура, анархия, режим.

ТГ «НАИМЕНОВАНИЯ ФОРМ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА»
(структурная схема на основе гиперо-гипонимических отношений)

Тип наименования		Выявленные термины и лексемы
Родовые наименования		Социальный строй, общественный строй.
Видовые наименования	Наименования форм капиталистического общественного устройства	Капитализм, буржуазно-капиталистический строй, буржуазное общество, буржуазный строй.
	Наименования форм социалистического общественного устройства	Социализм, революционный социализм, государственный социализм, социалистический строй.

**ТГ «НАИМЕНОВАНИЯ СУБЪЕКТА ВЕРХОВНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ»**

(структурная схема на основе гиперо-гипонимических отношений)

Тип наименования		Выявленные термины и лексемы
Родовые наименования		Глава государства.
Видовые наименования	Наименования субъекта верховной гос. власти в монархическом государстве	Царь, царь-самодержец, царь-освободитель, эх-царь, царь-батюшка, самодержавный царь, русский белый царь. Самодержец, неограниченный самодержец, великий самодержец, государь самодержец, самодержец всероссийский. Монарх, конституционный монарх. Государь, государь император, российский государь, царствующий государь. Император, великий князь, помазанник божий, корона. Верховный хозяин всей земли русской, верховный вождь земли русской.
	Наименование субъекта верховной гос. власти в демократическом государстве	Президент.
	Переходные явления в системе именовании субъекта верховной гос. власти	Верховный законодатель, державный законодатель, созидатель самой Государственной Думы.

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ ТГ
«НАИМЕНОВАНИЯ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА»**

Общественно-политические лексемы	Общественно-политические термины
1. Образ правления	1. Строй
2. Монархия (полож. и отриц. контекст. коннотации)	2. Политический строй
3. Конституционная монархия (полож. коннотации)	3. Государственный строй
4. Самодержавие (полож. коннотации)	4. Государственное устройство
5. Самодержавный режим (отриц. коннотации)	5. Форма государственности
6. Самодержавный строй (отриц. коннотации)	6. Монархия
7. Царизм (отриц. коннотации)	7. Монархическое устройство
8. Народный цезаризм (нейтр. и отриц. коннотации)	8. Конституционная монархия
9. Режим (отриц. коннотации)	9. Конституционно-монархический строй
10. Тирания	10. Конституционная и парламентарная монархия
11. Конституционная тирания	11. Либеральная монархия
12. Охлократия (отриц. коннотации)	12. Самодержавие
13. Республика (отриц. коннотации)	13. Абсолютизм
14. Буржуазная республика (полож. и отриц. коннот.)	14. Анархия
15. Пролетарская республика	15. Диктатура
16. Парламентаризм (отриц. коннотации)	16. Диктатура пролетариата
17. Конституционный парламентаризм	17. Революционная диктатура
	18. Республика
	19. Демократическая республика
	20. Демократическая парламентарная республика
	21. Парламентаризм
	22. Парламентарный строй
	23. Конституционное устройство
	24. Демократия
	25. Народовластие
	26. Представительное правление

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ ТГ
«НАИМЕНОВАНИЯ ФОРМ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА»**

Общественно-политические лексемы	Общественно-политические термины
1. Капитализм (отриц. коннотации)	1. Общественный строй
2. Буржуазный строй (отриц. коннотации)	2. Государственный строй
3. Буржуазное общество (отриц. коннотации)	3. Капитализм
4. Социализм (полож. коннотации)	4. Буржуазно-капиталистический строй
5. Революционный социализм (отриц. и полож. коннотации)	5. Буржуазное общество
6. Государственный социализм	6. Социализм
7. Социалистический строй (полож. коннотации)	

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ ТГ
«НАИМЕНОВАНИЯ СУБЪЕКТА ВЕРХОВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ»**

Общественно-политические лексемы	Общественно-политические термины
1. Царь (отриц. коннотации)	1. Глава государства
2. Царь-батюшка	2. Царь
3. Царь-освободитель	3. Самодержавный царь
4. Царь-самодержец	4. Самодержец
5. Эх-царь	5. Монарх
6. Русский белый царь	6. Конституционный монарх
7. Самодержец (полож. коннотации)	7. Государь
8. Государь самодержец	8. Государь император
9. Самодержец всероссийский	9. Император
10. Монарх (отриц. коннотации)	10. Президент
11. Государь (полож. коннотации)	
12. Российский государь	
13. Царствующий государь (полож. коннотации)	
14. Верховный хозяин земли русской	
15. Верховный вождь земли русской	
16. Великий князь	
17. Помазанник божий	
18. Корона	
19. Верховный законодатель	
20. Державный законодатель	
21. Созидатель самой Государственной Думы	

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателям	3
Введение.....	4
ГЛАВА I. Теоретические предпосылки исследования общественно-политической лексики	18
1.1. Группировки в лексической системе языка и методы их изучения	18
1.2. Общественно-политическая лексика как системно организованное множество	23
1.3. Проблемы изучения терминов в лексической системе языка	38
Выводы	48
ГЛАВА II. Наименования форм государственного и общественного устройства в русском языке начала XX века	51
2.1. Наименования форм государственного устройства	52
2.1.1. Родовые наименования форм государственного устройства.....	52
2.1.2. Видовые наименования форм государственного устройства.....	57
2.1.2.1. Наименования форм монархического государственного устройства	58
2.1.2.2. Наименования недемократических форм государственного устройства	78
2.1.2.3. Наименования форм демократического государственного устройства	89
2.1.3. Системные отношения в тематической группе «Наименования форм государственного устройства»	108
2.2. Наименования форм общественного устройства	118
2.2.1. Родовые наименования форм общественного устройства	118
2.2.2. Видовые наименования форм общественного устройства	120

2.2.2.1. Наименования форм капиталистического общественного устройства	120
2.2.2.2. Наименования форм социалистического общественного устройства	127
2.2.3. Системные отношения в тематической группе «Наименования форм общественного устройства»	135
Выводы	139

ГЛАВА III. Наименования субъекта верховной государственной власти в русском языке начала XX века 144

3.1. Родовые наименования субъекта верховной государственной власти	145
3.2. Видовые наименования субъекта верховной государственной власти	146
3.2.1. Наименования субъекта верховной государственной власти в монархическом государстве	146
3.2.2. Переходные явления в системе именованя субъекта верховной государственной власти	182
3.2.3. Наименования субъекта верховной государственной власти в демократическом государстве	185
3.3. Системные отношения в тематической группе «Наименования субъекта верховной государственной власти»	187
Выводы	192
Заключение	195
Условные сокращения	202
Список литературы	203
Список источников	219

Приложение 1. Список общественно-политических терминов и лексем в русском языке периода 1900–1917 гг.	234
--	-----

Приложение 2. ТГ «Наименования форм государственного устройства»	238
--	-----

Приложение 3. ТГ «Наименования форм общественного устройства»	239
---	-----

Приложение 4. ТГ «Наименования субъекта верховной государственной власти»	240
Приложение 5. Лексический состав ТГ «Наименования форм государственного устройства»	241
Приложение 6. Лексический состав ТГ «Наименования форм общественного устройства»	242
Приложение 7. Лексический состав ТГ «Наименования субъекта верховной государственной власти»	243

Научное издание

Загребельный Артур Владимирович

**ЛЕКСИКА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ
РУССКОГО ЯЗЫКА НАЧАЛА XX ВЕКА В СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОМ
И ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ**

Редакционная подготовка

А.А. Парнякова

Оригинал-макет

Т.В. Попова

Подписано в печать 09.12.2013.
Формат 70×108/₁₆. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21,7. Тираж 200 экз. Заказ № 379.

Институт социально-экономического развития
территорий РАН (ИСЭРТ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон: 59-78-03, e-mail: common@vscs.ac.ru

ISBN 978-5-93299-242-5

9 785932 992425